

Лаура Таласса

Браксоидя

Морговец - 1

заклочи
сделку,
если
осмелишься...

Каллипсо Лиллис — сирена с очень большой проблемой, которая обвивает её руку и берет начало в далеком прошлом. Семь лет назад она собрала браслет из черных бусин, магических долевых расписок за услуги, которые она просила оказать. И бусины исчезнут лишь после смерти или погашения долга.

Все знают, если тебе нужна услуга, смело обращайся к Торговцу, и он окажет её. Он может достать все что угодно... за определенную плату. И все знают, рано или поздно он потребует оплаты долга. Но одного из клиентов Торговец никогда не просил расплатиться. До этого момента.

Когда Калли в своей комнате находит фейри, Короля Ночи, стоящего с улыбкой на губах и озорным блеском в глазах, понимает, что вскоре всё изменится. Для начала один целомудренный поцелуй — цена одной бусины — а далее обещание чего-то намного большего.

Для Торговца это не просто дело вновь вспыхнувших чувств, а нечто важнее. Что-то происходит в Потустороннем мире. Воины-фейри один за другим исчезают. Возвращаются лишь женщины, каждая лежит в стеклянном гробу и прижимает к груди ребёнка. А еще среди прислуги ходят слухи о пробуждённом зле.

Если у Торговца и есть надежда на спасение своего народа, то ему потребуется помощь сирены, которую он когда-то бросил. Вот только у его врага есть пристрастие к экзотическим существам, и Калли оказывается одной из таких.

Лаура Таласса
Рансодия
(Торговец — 1)

Переводчики: leno4ka3486, Shottik, Samesta

Редактор: Inventia

Русифицированная обложка: Inventia

Глоссарий

Академия Пил — сверхъестественная школа-интернат, расположенная на острове Мэн.

Арестис — пустынная, каменистая суша принадлежащая Царству Ночи, известная своими пещерами; маленький и бедный, один из шести плавучих островов, расположенных в Царстве Ночи.

Барбос — также известен как Город-Воров, крупнейший плавучий остров в Царстве Ночи, получил свою репутацию из-за игровых домов, банд, бухт контрабандистов и таверн.

Вервильф — человек, также известен, как ликантроп или оборотень, который превращается в волка; зависит от фаз Луны.

ГринМэн — король, супруг Мары Верданы, Королевы Флоры.

Десмонд Флинн — правитель Царства Ночи, также известен как Король Ночи, Император Вечерних Звезд, Властелин Тайн, Повелитель Теней и Король Хаоса.

Карнон Калифус — правитель Царства Фауны, также известен как Король Фауны, Властелин зверей, Король Дикое Сердце, Царь клыков и когтей.

Лей-линии — магические дороги между мирами, которыми могут управлять определенные сверхъестественные существа.

Лефис — известен как город Влюбленных, расположенный на одном из шести плавучих островов Царства Дня; считается одним из самых романтических городов в Потустороннем мире.

Мара Вердана — правительница Царства Флоры, также известна как Королева Флоры, Дева Природы, Повелительница плодородия, Королева всего, что растет.

Неблагие фейри — фейри, которые не подчиняются законам.

Оборотень — термин, обозначающий всех существ, которые могут менять форму.

Остров Мэн — остров на Британских островах, расположенный между Ирландией на западе, Уэльсом, Англией и Шотландией на востоке; эпицентр всего сверхъестественного мира.

Палата коммонеров — главнейший руководящий орган сверхъестественного мира; главное управление находится в Каслтауне, Остров Мэн.

Пикси — крылатые фейри, размером примерно с человеческую руку; как и большинство фейри, пикси любопытные, скрытные и озорные.

Подменыш — ребенок, которого подменили при рождении, может также оказаться ребенком фейри, которого вырастили на Земле или человеческим ребенком, воспитанным в Потустороннем мире.

Полиция — сверхъестественная полиция, высший судебный орган.

Портал — дверные проемы или проходы к лей-линии, могут пересекаться с несколькими мирами.

Потусторонний мир — земля фейри; можно попасть через лей-линии, известен своими порочными существами и беспокойными царствами.

Похититель души — человек, ответственный за исчезновение воинов-фейри.

Провидец — человек, обладающий сверхъестественным даром предвидеть будущее.

Сверхъестественное сообщество — группа, которая состоит из всех магических существ, живущих на Земле

Священная семидневка — также известна как запретные дни; семь дней до полнолуния,

когда оборотни избегают других, обычай, возникший из-за того, что в эти ближайшие дни к полнолунию оборотни не способны контролировать свое превращение из человека в животное.

Сирена — сверхъестественное существо необыкновенной красоты; исключительно женщины; может навести чары на всех земных существ для выполнения своих поручений; склонны к безнравственным решениям.

Сомния — столица Царства Ночи, также называют еще Землей Снов и Тихой Смерти.

Феи — термин, которым называют всех других существ в Потустороннем мире.

Фейри — самые обычные феи в Потустороннем мире; могут быть идентифицированы по остроконечным ушам, в большинстве случаев по крыльям; они хитрые, скрытные и непокорные.

Филлия и Мемнос — острова-близнецы, соединенные мостом, расположены в Царстве Ночи, известны также как Земля Снов и Кошмаров.

Царство Дня — Потустороннее Царство, которое контролирует все, что касается дня, движущееся царство; перемещается по Потустороннему миру, таща за собой день; сменяет Царство Ночи; имеет одиннадцать плавучих островов — эта единственная суша, на которой расположено Царство Дня.

Царство Мар — Потустороннее королевство, которому подвластно все, что находится вблизи водоемов, неподвижное царство.

Царство Ночи — Потустороннее королевство, контролирует все, что касается ночи; движущееся царство, перемещается по Потустороннему миру, таща за собой ночь; сменяет Царство Дня; имеет шесть плавучих островов — суша, на которой располагается Царство Ночи.

Царство Смерти и Пропasti — Потустороннее королевство, которое правит всем, что погибло; неподвижное царство, находящейся глубоко под землей.

Царство Фауны — Потустороннее королевство, которое правит всеми животными; неподвижное царство.

Царство Флоры — Потустороннее королевство, которое управляет всеми растениями; неподвижное царство.

Чары — магический гипноз, с помощью слов оказывает влияние на жертву, является формой контроля над разумом; этой способностью обладают сирены. Чары действует на всех земных существ, но ему не поддаются существа из других миров. Запрещен палатой коммонеров из-за способности подчинять людей без их согласия.

Янус Солейл — правитель Царства Дня, также известен как Король Дня, Повелитель правил и порядка, Говорящий правду и Несущий свет.

Май, восемь лет назад

Кровь на моих руках, ногах и в волосах. Вся грудь забрызгана ею, и, к моему ужасу, на губах, я тоже чувствую вкус его крови. Полированный пол кухни практически весь залит ею. Никто не сможет пережить такую потерю крови, даже то чудовище, которое лежит у моих ног.

Меня всю трясет, адреналин все ещё бежит по венам. Из руки выпадает разбитая бутылка и, ударившись об пол, разлетается на осколки, а я опускаюсь на колени. Кровь впитывается в джинсы. Я смотрю на своего мучителя, в стеклянных глазах которого угасла жизнь, а кожа потеряла естественный цвет. Если бы я была смелее, то тут же прижалась ухом к его груди, желая убедиться, что его холодное, почерневшее сердце остановилось. Но, даже сейчас, не могу прикоснуться к нему. Несмотря на то, что он больше не сможет причинить мне боль.

Его нет. Его, наконец-то, нет.

Судорожный всхлип срывается с моих губ. Впервые, за целую вечность, я могу дышать. И снова всхлипываю. Боже, как же хорошо. В этот раз, я даю волю слезам. Я точно знаю, что не должна чувствовать облегчение. Понимаю, что люди должны оплакивать потерю, но не могу. Как бы там ни было, его оплакивать не могу. Стала ли я из-за этого злой? Не знаю, но точно знаю, что сегодня столкнулась лицом к лицу со своим страхом и выжила.

Он мёртв. Он больше не сможет обидеть меня. Он мёртв. Спустя несколько секунд до меня доходит. О, Боже мой, он мёртв.

У меня начинают дрожать руки. Здесь тело и кровь, так много крови, и я с ног до головы в ней. Кровью забрызгана моя домашняя работа, а одна большая капля скрывает лицо Линкольна на учебнике истории. Моё тело сотрясает сильная дрожь. Я смотрю на руки, чувствуя себя Леди Макбет. Из-за чёртовой капли! Я бросаюсь к кухонной раковине, оставляя за собой кровавый след. О Боже, мне нужно смыть его кровь с себя. Я неистово тру руки. Но кровь вьелась в кутикулы и под ногти. Я не смогу смыть её, да это и неважно, потому что выше на руках я замечаю красные разводы. И начинаю смывать их. Но кровь и на футболке, и у меня в волосах. Я хнычу, как до этого. Это бессмысленно. У меня ничего не выходит.

Чёрт.

Я наклоняюсь над гранитной столешницей и рационально оцениваю розовую смесь воды и крови, которая покрывает её, пол и раковину. Всё это просто так не скрыть.

Нехотя, я перевожу взгляд на тело. Нелогичная часть меня ожидает, что отчим вскочит и нападёт. Когда этого не происходит, я снова начинаю думать. Что... что мне теперь делать? Звонить в полицию? Судебная система защищает детей. Со мной всё будет в порядке, меня просто допросят.

Но станут ли они меня защищать? Я ведь не просто абы кого убила. А прикончила одного из самых богатых и неприкасаемых людей. И неважно, что эта была самооборона. Даже после смерти, такие, как он выходят сухими из воды. И мне придётся рассказать о... обо всём.

Желчь подкатывает к горлу.

Но у меня нет выхода, я должна сдаться... если только...

Монстр, истекающий кровью на нашей кухне, знал человека, который знал того, кто сможет прибрать весь этот беспорядок. Мне всего лишь придётся продать часть своей души, чтобы договориться с ним. Никаких копов, никаких вопросов, никаких приемных родителей или тюрьмы.

И знаете что? Он может забрать то малое, что осталось от моей души. Я же хочу лишь выбраться из этого.

Я бросаюсь к выдвижному ящику, который с трудом открываю дрожащими руками, сразу хватаю визитку и перечитываю странную контактную информацию на ней. Написано единственное предложение, и я должна произнести его вслух. Мне страшно. Если пойду на это, пути назад не будет.

Бегло осматриваю кухню. Уже слишком поздно, чтобы отступить.

Я сжимаю визитку в руках, глубоко вдыхаю и следую инструкции на ней.

— Торговец, я хотела бы заключить сделку.

Наши дни

На стол передо мной падает папка.

— Тебе послание, сучка.

Я убираю кружку с горячим кофе ото рта и, оторвавшись от ноутбука, поднимаю взгляд. Темперенс (Темпер) Дарлинг — Богом клянусь это её имя — мой партнер по бизнесу и лучшая подруга, стоит у стола с улыбкой на лице, затем плюхается в кресло напротив.

Опустив ноги со стола, я тянусь за папкой, на которую кивает Темпер.

— Лёгкие бабки, девочка.

Они все лёгкие, и она об этом прекрасно знает. Темпер осматривает мой кабинет размером со шкаф, точную копию ее собственного.

— Сколько клиент предлагает? — спрашиваю я, вновь закинув ноги на край стола.

— Двадцать тысяч за единственную встречу с объектом, и она уже знает, когда и где ты перехватишь его. Я присвистываю. Действительно, лёгкие деньги.

— Во сколько встреча с объектом? — спрашиваю я.

— В восемь вечера в ресторане «Фламенко». К твоему сведению, это супер-пупер ресторан, так что... — она бросает взгляд на мои потертые ботинки, — ты не можешь пойти в этом. — Я закатываю глаза. — О, и он будет там с друзьями.

И вот я с нетерпением жду, что вернусь домой пораньше.

— Знаешь, что хочет клиентка? — интересуюсь я.

— Она считает, что её дядя — наша цель — злоупотребляет опекой над своей матерью, бабушкой клиентки. Оба обратились в суд с этим вопросом, и наша клиентка хочет сократить расходы на юристов, получив признание из первых уст.

Моя кожа начинает светиться от уже знакомого возбуждения. Это потенциальная возможность помочь старушке и наказать худшего из преступников — того, кто грабит собственную семью. Заметив свечение моей кожи, Темпер не сводит с неё взгляда и тянется ко мне, прежде чем опомниться. Даже на неё действуют мои чары. Она качает головой.

— Ах, ты извращенка.

Это чистая правда.

— Рыбак рыбака видит издалека.

Она фыркает.

— Можешь звать меня Злой Ведьмой Запада. — Но Темпер не ведьма. Она нечто гораздо могущественнее. — Черт, — выдает она, проверив телефон. — Хотела бы я остаться и поболтать, но мой преступник будет в «Продуктах Луки» менее чем через час, а учитывая движение в обеденное время в Лос-Анджелесе... Мне и вправду не хочется разводить руками машины, как Моисей Красное Море. Это показалось бы слишком подозрительным. — Она встаёт и кладёт телефон в карман. — Когда возвращается Илай?

Илай — охотник за головами, который иногда работает на нас, а иногда подрабатывает на Политию — сверхъестественную полицию — а еще Илай мой парень.

— Извини Темпер, но его не будет еще около недели, — говорю я, немного расслабившись, когда слова слетают с губ. Ведь неправильно наслаждаться тем, что твоего парня нет рядом, и ты проводишь время одна? А ещё, вероятно, неправильно находить

привязанность своего парня удушающей. Боюсь, я знаю, что это значит, учитывая тот факт, что мы вообще не должны были начинать встречаться. Первое известное правило — не связываться с коллегами. Однажды вечером, полгода назад, напившись после работы, я нарушила это правило, словно оно никогда не было одним из главных. И я нарушала его снова, и снова, и снова, пока не поняла, что между мной и Илаем отношения, а я даже не была уверена, что хочу их.

— Эх, — вздыхает Темпер, её волосы слегка подпрыгивают, когда она запрокидывает голову и возводит глаза к потолку. — Плохие парни всегда любят ворошить дерьмо, как только Илай уезжает. Темпер направляется к двери и, с прощальным взглядом, покидает мой кабинет.

Я смотрю на досье, а потом открываю его. Пустяковое дело. Нет ничего особенно жестокого или трудного. Ничего, что может заставить меня потянуться за бутылкой «Джонни Уокер», которую я храню в одном из ящиков стола. Но понимаю, что рука так и чешется достать бутылку.

Так много плохих людей в этом мире. Я скольжу взглядом по чёрным бусинам из оникса, которые обвивают мою левую руку, барабаня пальцами по столу. Кажется, что свет тонет в бусинах, а не отражается от них.

Слишком много плохих людей и слишком много воспоминаний, которые следует забыть.

В восемь вечера я захожу в шикарный, слабо освещенный ресторан; свечи слабо мерцают на каждом столике для пар. «Фламенко» явно ресторан для романтических встреч богатых людей.

Тихо стуча каблуками по паркету, я следую за официантом, который ведёт меня в вип-комнату. Двадцать штук. Черт, это же куча денег. Но я делаю это не ради них. Правда в том, что я ищу несправедливости, и такого плана несправедливость нравится мне больше всего.

Официант открывает дверь в приватную комнату, и я вхожу. Внутри, группа людей весело общаются за большим столом, но голоса стихают, как только позади меня закрывается дверь. Я стою на месте, упираясь взглядом в Микки Фуга, лысеющего мужчину за сорок. Мою цель. У меня начинает светиться кожа, когда я выпускаю на поверхность сирену.

— Все вышли, — приказываю я, мелодичным, сверхъестественным и очень убедительным голосом.

Все, как один встали, со стеклянными глазами. Такова моя прекрасная и страшная сила. Сила сирены. Заставлять желающих и не желающих делать и верить в то, во что пожелаю я. Чары. Они запрещены законом, но я не парилась на этот счет.

— Вечер прошел замечательно, — говорю я, когда люди проходят мимо меня. — В будущем вы с радостью ещё посетите это место. О... и меня здесь никогда не было. — Когда Микки достигает меня, я хватаю его за руку. — Не ты.

Пойманный в паутину моего голоса, он останавливается, пока остальные гости покидают комнату. На мгновение с его глаз спадает пелена, и я вижу его замешательство, вижу, как его сознание борется с моей магией. Затем всё проходит.

— Давай присядем. — Я отвожу его обратно на место, а сама сажусь рядом. — Ты сможешь уйти, после того, как мы закончим.

Я всё ещё сияю, с каждой секундой моя сила крепнет. У меня начинают дрожать руки из-за того, что я сопротивляюсь другими побуждениями — сексу и насилию. Сейчас я представляю собой современную версию Джекилла и Хайда. Большую часть времени я просто частный детектив Калли. Но стоит начать использовать силу, и появляется другая часть меня. Сирена — монстр внутри меня — хочет брать, и брать, и брать. Сеять хаос, пировать от страха и похоти, испытываемых ею жертвами. Я бы никогда не признала это вслух, но контролировать её очень трудно.

Я беру кусок хлеба из корзинки, стоящей посередине стола и придвигаю к себе чистую тарелку, в которую наливаю оливковое масло и бальзамический уксус. После обмакиваю хлеб в смесь и подношу ко рту. Откусывая хлеб, я смотрю на мужчину рядом. Его костюм скрывает брюшко, а на запястье Микки красуется Ролекс. В досье говорилось, что он бухгалтер. Я знаю, что они зарабатывают приличные деньги, и особенно в Лос-Анджелесе, но не вполне законны их методы.

— Почему бы нам не перейти прямо к делу? — говорю я, настраивая камеру на телефоне, чтобы записать нашу беседу. После чего достаю карманный диктофон и включаю его. — Я собираюсь записать наш разговор. Пожалуйста, громко скажи «да», давая согласие на эту беседу.

Микки сводит брови вместе, стараясь побороть чары. Но это бесполезно.

— Да, — наконец, говорит он сквозь стиснутые зубы. Парень не дурак, он может и не понимает, что с ним происходит, но точно знает, что собирается сделать. Он знает, что уже начал делать.

Получив его соглашение, я приступаю к допросу.

— Ты пользовался деньгами своей матери? — Его старой, смертельно больной матери. Мне и впрямь не стоило читать его досье. Не стоит вовлекать эмоции в дело, и всё же когда обстоятельства касаются детей и стариков, всегда заканчивается тем, что я прихожу в бешенство. Сегодня не исключение. Я откусываю хлеб, глядя на Микки.

Он открывает рот...

— С этого момента, и до конца нашей беседы, ты будешь говорить правду, — повелеваю я, и слова песней льются с губ.

Он закрывает рот, и что бы ни хотел сказать, оно так и остается невысказанным. Я жду, что он продолжит, но тишина. Теперь он не может лгать, это всего лишь вопрос времени, когда ему придется рассказать правду. Микки сопротивляется моим чарам, хоть это и бесполезно. Он начинает потеть, несмотря на спокойное выражение на его лице.

Я продолжаю есть, словно все нормально.

Микки покраснел.

— Да... как ты, мать твою... — задыхаясь, наконец-то, он произнес.

— Цыц. — И он сразу же замолкает. Что за придурок?! Крадет деньги у своей умирающей матери — милой старушки, которой не повезло лишь в том, что она родила этого неудачника. — Как давно ты этим занимаешься?

Его глаза блестят от гнева.

— Два года, — против воли, выдавливая Микки из себя, впиваясь в меня взглядом.

Я пока доедаю последний кусочек хлеба.

— Зачем? — наконец, спрашиваю я.

— Она их не тратила, а мне они были нужны. Я собирался всё вернуть, — говорит он.

— Да ты что? — Я выгибаю брови. — И сколько ты... одолжил?

Проходит несколько безмолвных минут. Румянец его на щеках становится все насыщеннее. Наконец, Микки произносит:

— Я не знаю.

Я наклоняюсь ближе.

— Дай мне свое самое смелое предположение.

— Может быть, двести двадцать тысяч.

Лишь от озвучивания такой цифры во мне вспыхивает гнев.

— И когда ты собирался вернуть матери долг? — задаю я ему вопрос.

— С-сейчас, — заикается он.

А я китайский лётчик.

— Сколько на данный момент денег у тебя на счетах? — спрашиваю я.

Он берет стакан воды и делает большой глоток, прежде чем ответить.

— Я хочу вложиться.

— Сколько?

— Чуть больше двенадцати тысяч.

Двенадцать тысяч долларов. Микки опустошил «карман» своей матери, и теперь живет, как король. Но за всей этой показушностью, у этого мужчины на руках всего лишь двенадцать тысяч. И я уверена, что вскоре и этих денег не будет. Такие мужчины — растяпы, и деньги, как песок, текут сквозь их пальцы. Я с разочарованием смотрю на него.

— Не правильный ответ. А теперь, — говорю я, сирена во мне призывает быть жестче, — где деньги?

Над его верхней губой выступает пот, Оскалившись, Микки произносит:

— Их нет.

Я выключаю камеру и диктофон. Моя клиентка получила того, чего хотела — признание. Плохая новость для Микки — я с ним еще не закончила.

— Нет, — произношу я, — это не так. Немногие люди, которые хорошо знают меня, заметили бы, что мой тон изменился. Микки снова хмурится в замешательстве. Я касаюсь отворота на его пиджаке. — Хороший костюм... очень хороший. И часы — Ролекс ведь не дешёвый?

Чары заставляют его мотнуть головой.

— Нет, — соглашаюсь я. — Видишь, у мужчин, как ты деньги просто не исчезают. Ты их... как ты это назвал? — Я подбираю слово, прежде чем щелкнуть пальцами. — Вкладываешь. Я немного отошла от темы, но это ещё не всё. — Я наклоняюсь ближе. — Мы отойдем от темы еще дальше.

Он округляет глаза. Теперь я вижу истинного Микки: не марионетку, управляемого магией, а того Микки, которым он был до моего появления в комнате. Некто хитрый, слабый. Он полностью осознает, что происходит.

— К-кто ты? — О, в его глазах плещется страх. Сирена не может устоять перед этим. Я тянусь к Микки и треплю его за щеку. — Я... я собираюсь...

— Ты будешь сидеть и слушать, Микки, — отвечаю я, — и только это ты собираешься делать, потому что теперь ты бессилен.

Май, восемь лет назад

Воздух на кухне танцует, словно я смотрю на мираж, и тут же появляется он, заполняя комнату, словно она его собственная.

Торговец.

Святые угодники, сработало.

Торговец стоит ко мне спиной. И я могу рассмотреть лишь добротные сто восемьдесят два сантиметра роста и длинные белокурые волосы, стянутые кожаным ремешком. Свист нарушает тишину.

— О, мёртвый мужик, — говорит он, уставившись на мою работу. А после подходит к телу, стуча тяжелыми ботинками по полу. Торговец одет во всё чёрное, футболка тесно обтягивает его широкие плечи. Мой взгляд падает на его левую руку, которая покрыта татуировками.

«Калли, во что ты впуталась?»

Торговец носком ботинка пинает труп.

— Хм, поправочка, почти мертвый мужик.

Я прихожу в чувства.

— Что? — Он не может быть еще жив. Страх, бегающий по венам, превращается в живое, дышащее существо.

— Это конечно будет стоить тебе больше, чем ты в состоянии мне предложить, но я всё ещё могу его спасти.

Спасти? Он что обкуренный?

— Я не хочу его спасать, — сказала я.

Торговец разворачивается, и я впервые хорошо рассматриваю его. Потом смотрю, и смотрю, и так и продолжаю смотреть. Я представляла мерзавца, но каким бы безнравственным ни был мужчина передо мной, он точно не мерзавец. Даже близко таким не казался. Таких великолепных мужчин, как Торговец, можно крайне редко встретить. Он не брутален, несмотря на сильный подбородок и холодный блеск в глазах. Его лицо симметрично, и в каждой черте присутствует мягкость, более свойственная женщинам. Высокие, выразительные скулы, порочный изгиб губ и серебристые глаза. Но он не выглядит женственным. Только не с такими широкими плечами, мускулистым телом и одеждой крутого засранца. Он просто красивый мужчина. Действительно красивый мужчина.

Он оценивающе обводит меня взглядом.

— Нет.

Я вопросительно смотрю на него.

— Нет, что?

— Я не веду дела с несовершеннолетними.

Воздух начинает вновь рябить, о, боже мой, Торговец уходит.

— Подожди... подожди! — Я протягиваю руку, кожа которой начинает мерцать. В последнее время такое часто происходило.

Торговец останавливается и смотрит на мою руку. В его глазах промелькнуло что-то неистовое восхищения и сильнее шока. Воздух вокруг него темнеет, и, я клянусь, что вижу

что-то большое и кожистое за спиной парня. На так же быстро как появляется, это что-то исчезает.

Торговец прищуривается.

— Что ты такое?

Я опускаю руку.

— Прошу, — умоляю я. — Мне действительно нужно заключить эту сделку.

Торговец вздыхает, словно пытаюсь успокоиться.

— Слушай, я не заключаю сделки с несовершеннолетними. Иди в полицию. —

Несмотря на тон, он все ещё не сводит глаз с моей руки, теперь выражение его лица стало холодным и отстраненным.

— Не могу. — Если бы он только знал. — Прошу, помоги.

Он поднимает взгляд от моей руки к лицу и, стиснув зубы, морщится, словно здесь ужасно пахнет. Окидывает взглядом всё мое окровавленное, растрепанное великолепие. И еще громче слышен скрежет зубов. После он бегло осматривает комнату и задерживается на отчине. Что он видит? Может ли сказать, что это несчастный случай?

У меня начинают стучать зубы. Я крепко обхватываю себя руками. Наперекор себе, он снова смотрит на меня, его взгляд немного смягчается, но через секунду опять становится твердым.

— Кто он? — Я сглатываю. — Кто. Он? — повторяет вопрос Торговец.

— Мой отчим, — хрипло произношу я.

Он смотрит на меня решительным взглядом.

— Он это заслужил?

Я нервно выдыхаю, против воли по моим щекам катятся слезы, и киваю. Торговец, стоящий в двух шагах, долго смотрит мне в глаза, потом переводит взгляд на, текущие по щекам, слезы. Скривившись, отворачивается, проводит рукой по рту и, решив что-то для себя, подходит ко мне.

— Хорошо, — резко говорит он. — Я помогу тебе... — снова скрежещет зубами и Торговец бросает взгляд на, застывшую на моей щеке, слезу, — бесплатно. — Слова словно поперек горла ему встают. — Но только в этот раз. Считай это моя бесплатная помощь за век. — Я открываю рот, чтобы поблагодарить его, но он поднимает руку и закрывает глаза. — Не стоит.

Открыв глаза, он внимательно осматривает комнату. Я чувствую, как от него, вибрируя, исходит магия. Я знаю эту сторону нашего мира — сверхъестественную сторону. Мой отчим построил целую империю на магических способностях. Однако я никогда не видела подобную магию, которая может совершать необъяснимое, в действии. Я ахаю, когда кровь исчезает с пола, затем со столешницы, а потом и с моей одежды, волос и рук. После исчезает разбитая бутылка. Вот она здесь лежит, а потом в один миг пропадает. Независимо, что это за магия, проносясь по комнате, она щекочет мою кожу. Закончив с местом преступления, Торговец направляется к телу, рядом с которым останавливается и с любопытством рассматривает. Но внезапно замирает.

— Это тот, кто я думаю?

Сейчас, наверно, не самое подходящее время рассказывать Торговцу, что я убила Хью Андерса, самого влиятельного аналитика фондового рынка и человека, который за хорошую цену мог бы рассказать вам всё, что вы хотели бы знать касательно будущего: когда обрушится рынок наркотиков; иллюзорна или реальна угроза жизни; гонится ли за тобой

враг. Не будь он лучшим провидцем в мире, по крайней мере, был бы одним из богатейших людей. Но даже это не спасло его от смерти. О, ирония.

Торговец отпускает серию проклятий.

— Чёртовы, проклятые сирены, — бормочет он. — Твоя неудача передастся мне.

Я вздрагиваю, потому что хорошо осведомлена о предрасположенности сирен к неудачам. Она привела мою маму к нежелательной беременности и ранней смерти.

— Есть какие-нибудь родственники? — спрашивает он.

Я закусываю нижнюю губу и качаю головой, крепче обнимая себя. В целом мире есть я, опять я и ещё раз я. Он снова матерится.

— Сколько тебе лет?

— Через две недели будет шестнадцать. — День рождения, которого я ждала годами. В сверхъестественном сообществе, шестнадцать лет считалось совершеннолетием. Но теперь именно это может сыграть против меня. Как только я достигну этого магического числа, то меня смогут судить, как взрослого. Мне оставалось две недели до свободы. Две недели. А затем случилось это.

— Наконец, — вздыхает он, — хоть какие-то хорошие новости. Собирай вещи. Завтра ты переезжаешь на остров Мэн.

Я моргаю, до меня медленно доходят его слова.

— Что? Подожди... завтра? — Я переезжаю? Так скоро? От этой мысли начинает кружиться голова.

— Через пару недель в Академии Пил начинается летняя сессия, — поясняет он.

Расположенная на острове Мэн, пролегающем между Ирландией и Великобританией, академия Пил является главной сверхъестественной школой-интернатом. Я так долго мечтала попасть туда. И вот, еду туда. — Ты будешь там учиться, и никому не будешь рассказывать о том, что убила грёбаного Хью Андерса.

Я вздрагиваю.

— Если, конечно, — добавляет он, — не хочешь, чтобы я оставил тебя с этим беспорядком.

О боже.

— Нет... прошу, останься!

Еще один многострадальный вздох.

— Я разберусь с телом и органами власти. Если кто-нибудь спросит, у него случился сердечный приступ.

Торговец смотрит на меня с любопытством, прежде чем вспомнить, что я его раздражаю. Он щелкает пальцами, и тело поднимается в воздух. Несколько секунд уходит на обработку, парящего в воздухе, трупа.

Торговец же выглядит равнодушным.

— Ты должна кое-что знать.

— А? — Я не свожу глаз с парящего тела. Так жутко.

— Посмотри на меня, — рявкает Торговец.

Я тут же обращаю внимание на него.

— Есть вероятность, что моя магия со временем сотрётся. Я может и силен, но миленькое проклятье, висящее над всеми сиренами, может перечеркнуть мою магию. — Каким-то образом, даже говоря о том, что его магия может провалиться, его тон остается таким же высокомерным.

— И что произойдет, если это случиться? — спрашиваю я.

Торговец ухмыляется. Какой же он мудака. Я уже дала ему мысленную характеристику.

— Тогда тебе лучше начать использовать свои женские хитрости, ангелочек, — говорит он, бросив на меня взгляд. — Они тебе понадобятся.

И на этой ноте Торговец исчезает с человеком, которого я убила.

Наши дни

Сила — сердце моей пагубной привычки. Сила. Однажды я была раздавлена под её тяжестью, и она практически меня поглотила. Но это было давным-давно. И теперь я воплощение грозной силы.

Вип-комнату в ресторане освещает мягкий свет от пламени свечей. Я наклоняюсь ближе к Микки.

— Вот, что произойдет. Ты вернешь все украденные деньги своей матери.

Его ранее пустой взгляд фокусируется на мне. Если бы взглядом можно было убивать...

— Пошла. Ты.

Я улыбаюсь, и знаю, что выгляжу, как хищник.

— Слушай внимательно, потому, как я предупрежу лишь раз: знаю, ты понятия не имеешь, кто я. Но уверяю, я могу испортить тебе жизнь и я та еще сука, чтобы так и поступить. Так что, если не хочешь потерять всё, что тебе дорого, будешь вести себя вежливо.

Обычные смертные знают о существовании сверхъестественного, но мы обычно держимся сами по себе от не одаренных магией, по простой причине, что когда смертные начинают нас бояться, случается веселое дерьмо, наподобие охоты на ведьм.

Я беру сумку.

— Теперь же, поскольку ты сам не можешь быть хорошим сыном, я помогу, — непринужденно говорю я, доставая из сумки ручку и документы, которые дала клиентка. Отодвинув тарелку Микки в сторону, я кладу перед ним бумаги. Письменное признание вины и вексель, документы составил адвокат моей клиентки. — Ты вернешь каждое украденное пенни и плюс десять процентов.

Микки издает тихий стон.

— Это пожелание пятнадцати процентов? — Он лихорадочно качает головой.

— Я так и подумала. Даю тебе десять минут, чтобы просмотреть бумаги и подписать их.

Эти десять минут я провожу за дегустацией блюд и вина, что оставили гости Микки, после чего закидываю ноги на стол, будь прокляты эти туфли на высоком каблуке. Когда время выходит, я забираю документы у Микки. Но, пролистывая их, поглядываю на него. Теперь лицо Микки блестит от пота, и держу пари, если он снимет пиджак от смокинга, то на рубашке будут огромные круги под мышками.

Закончив смотреть документы, я убираю их обратно в сумку.

— Мы почти закончили.

— П-п-почти? — Он говорит так, словно впервые это слышит.

— Ты же не думал, что я уйду, как только получу от тебя несколько жалких подписей? — Я качаю головой, теперь моя кожа светиться ярче огня свечей. Сирена от этого в восторге. Играет с жертвой. — Ох, Микки, нет, нет, нет. — В этот момент игра заканчивается, и я перехожу в решительное наступление. Подавшись вперед, я вкладываю в

голос всю, какой могу управлять, силу. — Ты исправишь свои ошибки, и никогда больше так не поступишь. До конца жизни ты будешь вкалывать, чтобы стать лучше и заслужить прощение своей матери. — Он кивает. Я хватаю сумку. — Будь хорошим сыном. И если я услышу, что ты им не был, если я вообще что-нибудь услышу плохое о тебе, мы вновь встретимся, и ты не обрадуешься этому.

Он трясет головой с пустым выражением на лице.

Я встаю. Моя работа здесь окончена. Обошлась простыми командами.

«*Забудь, что я существую*». Пуф и все воспоминания обо мне стерты.

«*Отвернись*». Ты видишь всё, кроме меня.

«*Расскажи свой самый темный секрет*». Рот и разум предают тебя.

«*Отдай мне сове богатство*». Ты вычистишь свой банковский счет в одно мгновение.

«*Иди на дно*». «*Иди на дно. Иди на дно. На дно*». Ты умираешь.

На заре времён, когда сирены славились тем, что зазывали моряков на неизбежную смерть, это была излюбленная фраза. «*Иди на дно*».

Иногда, когда я остаюсь наедине со своими мыслями — что происходит довольно часто — я думаю о тех женщинах, которые собирались на скалах и зазывали моряков, уговаривали их пойти на смерть. Все так и происходило? Сирены хотели их смерти? Почему охотились конкретно на моряков? В мифах об этом никогда не упоминалась. Интересно, походили ли они на меня... ведь их красота пленяла жертв задолго до того, как это делала их сила. Быть может, какой-то моряк оскорбил одну из тех женщин, прежде чем они обрели голос. Поэтому они стали озлобленными и уставшими, как я, и направили силу на наказание виновных. Интересно, сколько правды в этой сказке, и сколько невинных среди жертв.

Я охочусь на плохих людей. Эта моя Вендетта. Моя зависимость.

Я поднимаюсь по ступеням на крыльцо своего дома в Малибу, еле волоча, уставшие после нескольких часов, проведенных на каблуках, ноги. С деревянных реек дома облезла синевато-серая краска, а ярко-зеленая плесень растет вдоль крыши. Я захожу внутрь своего совершенно несовершенного, совсем простенького дома. Три спальни, барная стойка из кафеля со сколами, а если пройтись босиком по полу, то ноги будут в песке. Гостиная и спальня, с панорамными окнами и французскими дверями, выходят на задний двор, за которым мир исчезает. Деревянная лестница ведет вниз к прибрежной скале, на которой и стоит дом, и на дно ледяного Тихого Океана, целующего песчаный берег Калифорнии — и твои ноги, если захочешь. Это место — моё убежище. Я сразу это поняла, как только риелтор показал мне дом два года назад. Я иду через дом в полной темноте, не удосужившись включить свет, и по частям снимаю с себя одежду, оставляя ее лежать там, куда она падает. Уберу завтра, а сегодня вечером у меня свидание с океаном и затем с кроватью. Через окно в гостиной проникает яркий свет луны, и мое сердце наполняет бесконечная тоска. В тайне я рада, что Илай держится подальше от меня, пока не закончится полнолуние. Илай оборотень и избегает меня во время Священной семидневки, недели полнолуния, когда не может контролировать свою трансформацию из человека в волка. А у меня свои причины желания побыть в одиночестве в это время, причины, которые никак не связаны ни с Илаем, ни с моим прошлым. Я снимаю джинсы, когда захожу в спальню, чтобы взять купальник. Как только скидываю с себя лифчик, темная тень оживает. Я душу крик, который желает вырваться из горла и начинаю шарить рукой по стене, пока не нахожу выключатель. Со щелчком комнату озаряет свет. Передо мной, развалившись на моей кровати, лежит Торговец.

Октябрь, восемь лет назад

«Привет, это инспектор Гаррет Уейд из Политии. Я хотел бы задать пару вопросов, касающихся смерти твоего отца...»

Руки начинают дрожать, пока я прослушиваю сообщение. Полития занимается этим? Они как сверхъестественная версия ФБР. Только страшнее. Но не должны возникнуть вопросы, а власти держаться подальше. Торговец удостоверился в этом.

«Миленькое проклятье, висящее над всеми сиренами, может перечеркнуть мою магию».

Сжимая в руке телефон, я тяжело опускаюсь на кровать и потираю виски. За окном общежития льет дождь, укрывая за завесой Замок Пил, замок, превращенный в академию, где проходят мои занятия.

С той роковой ночи прошло, пять месяцев. Всего пять месяцев. Слишком мало, чтобы насладиться свободой, и слишком много, чтобы казаться невиновной для властей. Я упустила потенциально удобный момент тогда, когда заключила сделку с Торговцем. В одночасье я могу лишиться и Академии Пил, и собственной жизни.

Глубокий вдох.

На мой взгляд, у меня есть три варианта: первый — сбежать и оставить ту жизнь, которую я для себя построила; второй — позвонить инспектору, прийти на допрос и надеяться на лучшее; или третий — связаться с Торговцем и попросить исправить всё. Только в этот раз, я останусь в долгу перед ним.

Легкий выбор.

Я вскакиваю с кровати и направляюсь к шкафу. С верхней полки беру обувную коробку и открываю её. Среди других ненужных вещей спрятана визитка Торговца, бронзовая надпись немного обтерлась с последнего раза, когда я держала её. Вытащив визитку, я кручу её в руках. В голове сразу же всплывают все подробности той кровавой ночи. Сложно поверить, что прошло уже пять месяцев. Я так упорно старалась похоронить прошлое, и сейчас моя жизнь кардинально изменилась. В том, в чём я когда-то проявляла слабость, теперь становлюсь сильной. Сирена, которая может подкорректировать волю человека... а если надо и сломить её. Осознание этого, своего рода броня, которую я надеваю каждое утро. Она исчезает лишь по ночам, когда меня одолевают воспоминания.

Я провожу большим пальцем по карточке. Не стоит этого делать. Я обещала себе, что не будут с ним связываться. В последнюю нашу встречу с Торговцем, убийство, буквально, сошло мне с рук. Не буду испытывать удачу дважды. Но из трёх плохих вариантов этот самый лучший.

Итак, второй раз в жизни, я вызываю Торговца.

Наши дни

Я застываю в дверном проёме. Прислонившись к изголовью, Торговец лежит на кровати, и выглядит словно хищник, в каждом смысле этого слова. Изящный, источающий силу и с опасным блеском в глазах. И, лёжа на моей кровати, он выглядит слишком

довольным.

Семь лет. Семь очень долгих лет прошло с его исчезновения из моей жизни. А сейчас вот он, развалился тут, словно и не было этих лет. И я понятия не имею, как должна реагировать.

Он лениво обводит меня взглядом:

— Вижу, с последней нашей встречи, ты сменила предпочтение в нижнем белье.

Господи, давайте поговорим о том, как тебя поймали со спущенными штанами. Я игнорирую то, как его слова режут меня. В последнюю нашу встречу, я была влюблённой девочкой-подростком, а он не хотел иметь со мной ничего общего.

— Здравствуй, Десмонд Флинн, — приветствую его я полным именем. Могу поспорить, что немногие люди, в число которых вхожу и я, знают его имя, и эта информация делает Торговца уязвимым. И сейчас, когда я стою лишь в нижнем белье и осмысливаю факт присутствия в моей комнате Десмонда, мне просто необходимо, чтобы он был уязвим.

Его губы медленно растягиваются в томной улыбке, от которой у меня сводит живот и сжимается сердце.

— Я и не догадывался, что сегодня ты решила раскрыть свои грязные секреты, Каллипсо Лиллис, — произносит он, пожирая глазами мою обнажённую кожу, отчего я вновь чувствую себя подростком. Я глубоко вздыхаю. Я больше не девочка, даже если мужчина передо мной выглядит так же, как и в моей юности. Всё та же чёрная одежда, всё то же внушительное тело, и те же потрясающие глаза. Я пересекаю комнату и хватаю халат, висящий на двери ванной. Все это время я чувствую на себе взгляд Торговца. Отвернувшись, я одеваюсь.

Семь лет.

— Что ты хочешь, Дес? — спрашиваю я, затягивая пояс халата.

Я притворяюсь, что все нормально; что его присутствие в моём доме — обычное явление, хотя это не так. Боже, совсем необычно.

— Требовательна, как всегда.

Я взвизгиваю, когда дыхание опалает мне ухо и разворачиваюсь к Десу лицом. Он стоит даже не в футе от меня, а так близко, что я ощущаю тепло, исходящее от его тела. Я даже не слышала, как он встал с кровати и прошёл по комнате. Хотя, чему тут удивляться. Он очень искусно использует магию, обычно, если ты не следишь, то и не заметишь её.

— Странная черта твоего характера, — продолжает он, прищурившись, — учитывая то, сколько ты мне должна, — заканчивает он хриплым, низким голосом.

Он так близко стоит, что я могу тщательнее рассмотреть каждую черту его лица. Высокие скулы, аристократический нос, чувственные губы, мужественный подбородок. Волосы такие светлые, что кажутся абсолютно белыми. Дес все еще слишком красив для мужчины, настолько, что я не могу отвести от него взгляд, хоть и должна. Его глаза всегда очаровывали меня больше всего. В них светились все оттенки серого, начиная от всполохов расплавленного серебра, обрамленных темно-серым ободком вокруг радужки и заканчивая бледно-серебристыми мазками у зрачка. Его присутствие берedit рану, и не потому, что он бесчеловечно красив, а потому что давным-давно он разбил моё хрупкое сердце.

Торговец берет меня за руку, и, впервые за семь лет, я увидела рукав его татуировок. Я смотрю на наши руки, когда Дес задирает рукав халата, открывая взору браслет из оникса. Украшение вьётся практически по всей руке, каждая бусина магическая расписка за услугу, которую я купила у Торговца. Дес поворачивает мою руку туда-сюда, оценивая свою работу.

Я пытаюсь вырваться из его хватки, но не выходит.

— Мой браслет всё так же хорошо смотрится на тебе, ангелочек, — заявляет он. Его браслет. Единственное украшение, от которого я не могу избавиться. Даже если бы бусины не были нанизаны на шелковую паутину, которую невозможно разорвать, магия, связывающая браслет с моей рукой, не дает избавиться от него, пока я не оплачу долги. Торговец сильнее сжимает мою руку. — Калли, ты много задолжала мне.

У меня перехватывает дыхание, когда наши взгляды вновь пересекаются. То, как он смотрит на меня, как вырисовывает круги большим пальцем на моем запястье, приносит понимание, зачем он здесь. На самом деле, где-то глубоко внутри, я уже знала это, как только увидела Торговца на своей кровати. Вот и наступил момент, которого я ждала семь лет.

— Ты, наконец, пришел потребовать оплаты, — на выдохе произношу я.

Вместо ответа, Торговец другой рукой скользит по всем семнадцати рядам браслета, не останавливаясь, пока не доходит до самого конца, а затем пальцами сжимает последнюю из 322 бусин.

— Мы поиграем с тобой в игру «Правда или Действие», — говорит он, с озорным блеском в глазах.

Сердце сильно стучит. Дес, наконец-то, потребует оплату, в голове не укладывается.

Он обольстительно улыбается.

— Что выберешь, Калли — правду или действие? — Я несколько раз моргаю, всё ещё находясь в полном шоке. Если бы мне десять минут назад сказали, что Десмонд Флинн ждёт меня дома, чтобы потребовать оплату долгов, я бы посмеялась над этим человеком. — Действие, — радостно говорит он, отвечая вместо меня.

Страх пронзает сердце. Про оплату долга Торговцу ходит дурная слава. Дес редко просит деньги, так как в них не нуждается. Обычно он берёт что-то очень личное, и с каждой выплатой его интерес растет. Учитывая, что у меня 322 неоплаченные услуги, то моя задница, практически, принадлежит Торговцу. Если бы он захотел, то мог бы приказать мне уничтожить небольшую деревню. Я связана магией до тех пор, пока каждая бусина не исчезнет. Десмонд опасен, и сейчас он катает бусину между пальцев и смотрит на меня расчетливым взглядом.

Я прочищаю горло.

— Какое действие?

Вместо ответа, Десмонд отпускает мое запястье и вплотную подходит ко мне. Не сводя с меня взгляда, он кладёт руку на мою щеку и запрокидывает мне голову. Что он делает? Я смотрю на него в ответ. Лёгкая улыбка танцует на губах Деса, и, когда он наклоняется, замечаю, что его глаза темнеют. Я замираю в момент, когда наши губы встречаются, но под нежным прикосновением я расслабляюсь. Моя кожа тут же начинает мерцать, когда внутри пробуждается сирена, которую манят секс и кровь. Я хватаю руку Десмонда, ощущая пальцами теплую кожу и устойчивый ритм пульса на его запястье. Он настоящий, всё реально. Лишь об этом я успеваю подумать, прежде чем Десмонд разрывает поцелуй и отступает. Затем он переводит взгляд на мое запястье, и я тоже опускаю глаза вниз. Самая последняя бусина на браслете на мгновение переливается, а после исчезает. Поцелуй оказался вызовом, и первым платежом, который Торговец только что забрал.

Я касаюсь пальцами своих губ, всё ещё хранящих вкус поцелуя Десмонда.

— Но я тебе даже не нравлюсь, — в замешательстве, шепчу я.

Он проводит пальцами по пылающей коже моего лица. Будь он человеком, то сейчас был бы под действием чар. Но Десмонд нечто иное. Я потратила год, чтобы выучить эмоции, переполняющие глаза Торговца, и семь лет пыталась забыть их.

— Я вернусь завтра вечером. — Он снова бросает на меня взгляд и выгибает бровь. — Считай следующий совет бесплатной услугой: будь готова к чему-то большему, чем простому поцелую.

Уже светает, а я не сплю и сижу в халате, подтянув колени к груди, на траве у обрыва и вдыхаю соленый воздух, рядом лежит пустая бутылка вина. Я всё ещё не имею никакого понятия, какого чёрта происходит. Я уже позвонила Темпер и сказала, что сегодня в офисе не появлюсь. Что хорошего в том, что у тебя собственный бизнес? А то, что ты сама ставишь себе график работы.

Я смотрю, как тускнеют звезды, и как Царство Ночи отступает, когда на небе появляются первые лучи солнца. Бросив взгляд на запястье, мне кажется, что теперь, когда исчезла бусинка, браслет совсем иначе чувствуется. Осталась 321 услуга, и остальные, гарантировано, будут гораздо неприятней первой. Проводя пальцами по губам, понимаю, что раньше была не права. В какой-то момент я нравилась Десмонду, но не так, как он нравился мне — словно ему не было равных во всем мире. В тот день, когда он бросил меня, моё сердце разбилось и до конца оно так и не оправилось, и никакое количество выпивки, мужчин или работы не смогли исцелить его.

Несмотря на огромный долг, всё ещё висящий на мне, я не жалею, что купила у него услуги. С помощью них я избавилась от монстра, да я бы душу продала за это. Но меня беспокоит цена, которую придется заплатить. Это может быть все, что угодно.

Мне нужно позвонить Илаю; пришло время положить конец всему этому.

— Привет, детка, — отвечает он мне низким и скрипучим голосом. Он человек немногословный и не имеющий секретов, а вот для меня секреты становятся всё большей проблемой. У меня их практически столько же, сколько и у Торговца, который зарабатывает на коллекционировании секретов. Илай знает, что есть то, чем я ни с кем делиться не стану, и альфа в нём давит на меня, пытаюсь заставить открыться. Обратни чертовски откровенные существа. Ими управляет принцип «поделись с товарищем». Я же опираюсь на обратный принцип.

— Илай... — Это все что я могу выдавить из себя, прежде чем провожу рукой по лицу. Я давно к этому готовилась, но легче не становится. Я снова пробую. — Илай, я должна кое-что рассказать тебе о себе, то, что ты не захочешь услышать.

Предполагалось, что это будет быстрый разговор — вывалить на него всё и бросить трубку. И я считала, что сделаю именно так. Но рвать отношения по телефону уже достаточно хреново, наименьшее, что я могу сделать — объясниться с Илаем.

— Всё в порядке? — в его голосе слышатся опасные нотки, когда волк берёт верх. Сейчас совсем не подходящее время, чтобы сбросить на него эту бомбу. Нужно было признаться несколько месяцев назад. Несколько месяцев назад, когда кем вы были друг другу? Друзьями с привилегиями? Коллегами, убивающими время после работы? Ни в какой из периодов жизни я бы не раскрыла свои секреты Илаю, добропорядочному оборотню, основная работа которого поддерживать сверхъестественные законы, и кто сам закон в собственной стае. Нет, большинство моих секретов обрушили бы на мою голову кучу всяких проблем.

— Я в порядке... просто, помнишь мой браслет?

Боже, вот он. Момент расплаты.

— Да, — буркает Илай.

— Он не просто украшение.

Молчание.

— Калли, мы можем поговорить об этом, когда я вернусь? Сейчас не подходящее время...

— Каждая бусина это обязательство, которое я должна Торговцу, — торопливо объясняю я. Секрет обжигает горло. Для большинства из сверхъестественного мира Торговец является больше мифом, чем человеком. И те, кто хоть немного знают о нём, в курсе, что Торговец не позволяет своим клиентам покупать больше, чем две-три услуги, и он никогда не ждёт так долго, чтобы забрать своё.

На другом конце линии повисла тишина и это плохой знак.

— Скажи, что ты шутишь Калли, — наконец-то, произносит Илай. Его голос походит на рычание.

— Нет, — тихо отвечаю я.

Рычание становится громче.

— Этот человек в розыске.

А то я не знаю.

— Это случилось давным-давно. — Я даже не знаю, почему пытаюсь защитить себя.

— Почему ты только сейчас рассказываешь мне об этом? — Волк в нём практически заглушал слова.

Я делаю глубокий вдох.

— Потому что он посетил меня прошлой ночью, — говорю я.

— Он... приходил к тебе? Простой ночью? Куда? — требует Илай.

Я закрываю глаза. Этот звонок собирается стать еще хуже.

— Ко мне домой.

— Расскажи мне, что произошло. — Судя по тому, как Илай рычит, сомневаюсь, что он сможет долго поддерживать разговор. Я опускаю взгляд на ногти и рассматриваю облезший лак на них.

«Просто скажи».

Единственный человек, кроме Деса, который знает о моих долгах — Темпер.

— Я задолжала ему 322 услуги. Теперь у меня на одну меньше. Он собирается забрать остальные, начиная с сегодняшнего дня.

— 322 одолжения? — повторяет Илай. — Калли, Торговец никогда бы...

— Он захотел и сделал, — возражаю я.

Зловещая тишина повисла на другом конце линии. Илай, должно быть, думает, что заставило Торговца так кардинально изменить практику своих деловых отношений. И я точно улавливаю момент, когда Илай приходит к заключению. Я быстро убираю телефон от уха, когда слышу рев Илая и какой-то грохот:

— О чём ты думала, когда совершала сделки с Королем Ночи? — Король Ночи. Для Десмонда должность Торговца — всего лишь подработка. Я не отвечаю, ведь не могу объяснить, не раскрывая при этом еще более страшные секреты. — Что он заставил тебя сделать? — рычание заглушает большую часть его слов.

Страх во мне растёт, потому что моя жизнь вот-вот перевернётся с ног на голову. И зная Торговца, в независимости от того, что он попросит в оплату долга, по меньшей мере, это

будет противозаконным. Илай никогда не смирится с этим.

Я должна сказать ему.

— Илай, я не могу быть с тобой, — шепчу я. С самого начала наших отношений эти слова эхом звучали в голове, но у меня было столько причин не произносить их, что я игнорировала правду. И теперь, когда сказала, словно камень с души упал. Но я не так должна реагировать, потому как разрывать отношения всегда печально, и я должна ощущать грусть, а не... свободу. Но я действительно чувствую свободу. Я играла с этим бедным парнем, отчаянно пытаюсь исцелить раны на сердце, которое разбил тот, кого я не достойна.

— Калли, ты ведь не серьезно? — Волк в нём начинает скулить. Я закрываю глаза от всей той боли, которую слышу в трубке. Теперь в голос Илая добавляется и слабость. Так будет лучше.

— Илай, — продолжаю я, — я не знаю, что Торговец может попросить от меня, а я должна ему более трехсот услуг.

Ради чего я бросаю Илая? Воспоминаний и грязи. Ради человека, разбившего мне сердце, который собирается заставить меня следовать его приказам, и все это время я не забуду, что сама себя в это втянула. Давным-давно я думала, что Дес мой спаситель, и как дурочка покупала у него услугу за услугой, стараясь удержать его в своей жизни, безнадежно влюбившись. Я продала жизнь за любовь, которая была не более чем тенью и дымкой.

— Калли, я не оставлю тебя, только потому что.....

— Он поцеловал меня, — перебиваю я его — Простой ночью, Торговец поцеловал меня в счет оплаты первого долга.

Я хотела, насколько это только возможно, пощадить чувства Илая, потому что он — хороший человек. Но мне нужно, чтобы он держался от меня подальше. Я понимаю, вожак стаи хочет защитить... спасти меня. И если Илай решит, что я тоже этого хочу, он выследит Деса, даже на краю земли, и всё это не закончится до тех пор, пока кто-то из них не умрет. А я не могу допустить этого. Особенно учитывая, что во всём виновата сама, и эти долги — моё бремя.

Я заставляю себя произнести:

— Я не знаю, что он попросит, но что бы это ни было, мне придется это сделать. И мне жаль, я не хотела, чтобы так вышло.

На другом конце линии я слышу что-то похожее на скулеж. Илай всё ещё молчит и мне кажется, что он просто не может говорить. Я сжимаю переносицу. Теперь особенно неприятная часть.

— Илай, — произношу я, — если он заставит меня делать что-то незаконное, навредить кому-то, тебе придётся... — Я замолкаю и потираю лоб. Как сверхъестественный охотник за головами, в обязанности Илая входит исчезновение плохих паранормальных парней. И теперь я могу стать одной из таких.

— Не думаю, что тебе нужно беспокоиться о причинении кому-то вреда, — говорит Илай, его голос угрожающе вибрирует. — Эта сволочь что-то иное припас для тебя.

Октябрь, восемь лет назад

— Только не ты опять, — говорит Торговец, заявившись в мою комнату в общежитии. Я подпрыгиваю при виде его. Уже во второй раз я его вызываю и не должна поражаться, что он может вот так появляться, но всё же удивлена.

Я выпрямляюсь.

— Твоя магия исчезает. — Предполагалось, что это прозвучит, как обвинение, но выходит, как мольба. Он осматривал мою тесную комнату.

— Я предупреждал, что такое возможно, — отвечает он, подходя к окну и вглядываясь в дождливую ночь. Он утрачивает ко мне всякий интерес.

— Хочу убедиться, что это не так.

Торговец поворачивается и оценивающе осматривает меня.

— Так маленькая сирена хочет заключить сделку? — спрашивает он, скрестив руки. — Мне не удалось напугать тебя достаточно в первый раз?

Я перевожу взгляд с его светлых волос на мускулистые, рельефные руки. Он довольно сильно пугает меня. В нём есть что-то дикое. Дикое и странное. Но отчаянные времена требуют отчаянных мер.

— Что ты хочешь мне предложить? — задает он вопрос, подступая ко мне. — Какими тёмными и ужасными секретами ты могла бы поделиться? — добавляет он, подойдя вплотную. — Ты слышала, что я обожаю секреты, так ведь? — Я хочу отшатнуться, но первобытное чувство страха пригвождает меня к месту. Взгляд Торговца блуждает по мне. — Но для сирены... ох, я могу сделать исключение. Ты дашь мне всё, что я пожелаю. Скажи, ангелочек, можешь выполнить любое мое пожелание? — Я слатаываю, когда он склоняется ближе. — Можешь убить ради меня? — продолжает он низким голосом. Его губы касаются моего уха. — Отдать мне своё тело? — О, Боже, он говорит правду? Торговец действительно попросит сделать для него такое? Он проводит кончиком носа по моей щеке и смеется над моим очевидным испугом. Отходя, он произносит: — Как уже говорил раньше, я не заключаю сделки с несовершеннолетними. Не разрушай свою жизнь из-за меня.

Воздух начинает мерцать. Может, он чертовски меня пугает, но к настоящему моменту я слишком далеко зашла. И не могу позволить ему уйти. Всё просто. Сирена напоминает о себе, проявившись на коже. Я бросаюсь к Торговцу и хватаю за запястье, моя рука светится.

— Заключи со мной сделку, — говорю я, вкладывая как можно больше чар в свой голос. — Я совершеннолетняя.

И это так. В сверхъестественном сообществе официальный возраст совершеннолетия — шестнадцать. Это какой-то древний закон, который никто никогда не менял. И прямо сейчас, я этому рада.

Торговец смотрит на мою руку, словно не может поверить в происходящее, и на мгновение я чувствую раскаяние. Ужасно подавлять чью-то волю. Отчаянные времена.

Черты его лица заостряются, брови сходятся вместе, теперь он выглядит зловеще. Торговец освобождает руку из моего захвата.

— Ты смеешь использовать на мне чары? Его голос пропитан силой и, что ошеломительно, заполняет всю комнату. Я отступаю. Хорошо, возможно, использование чар

было дерьмовой идеей.

— Это не срабатывает с тобой? У каких сверхъестественных существ иммунитет к чарам?

Торговец подходит ближе, его ботинки угрожающе стучат. Очевидно, что он в ярости. Он наклоняется так близко, что белокурые пряди его волос щекочут мне щеки.

— Хочешь спустить свою жизнь в унитаз, заключив сделку? — Уголки его губ слегка поднимаются, а глаза искрятся от интереса. — Хорошо, давай заключим сделку.

Наши дни

— Должен сказать, сон тебе не к лицу.

Я перекатываюсь в кровати и тру глаза. Когда убираю руку, то вижу стоящего рядом с постелью Торговца. Скрестив руки на груди и склонив в бок голову, он изучает меня, словно экзотическую птицу, которой технически я и являюсь.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, спросонья.

— В случае если ты всё пропустила, прошел день. Я пришёл забрать очередной платёж. Произнесенное им слово «платеж» заставляет меня задрожать. За спиной Торговца луна ярко освещает комнату. Я тяжело вздыхаю. Проспала весь день. С того телефонного звонка...

Торговец щелкает пальцами, и одеяло соскальзывает с меня.

— Дес, что ты...

Он шикает, перебивая меня.

— Твоя пижама не идет тебе, ангелочек. Я надеялся, что с возрастом твой вкус станет лучше.

Я подавляю зевок и встаю с постели.

— Как будто меня волнует твое мнение, — бормочу я, огибая Деса. Хотя вчера его присутствие всколыхнуло старую боль, сегодня он вызывает лишь раздражение. Ну, и немного желаний, а ещё чертову кучу страданий. Но прямо сейчас, я сосредотачиваюсь на раздражении. По пути в ванную я незаметно вытираю слюни со рта. Торговец не отстает от меня, наслаждаясь тем, как сильно портит мне вечер.

— Ох, думаю, волнует, — замечает он.

В ответ я захопываю дверь прямо перед его носом. Возможно, не самый мудрый способ борьбы с Королем Ночи, но сейчас меня это мало беспокоит. Я делаю два шага от двери, и она с грохотом открывается. Я поворачиваюсь и вижу Торговца, чьё тело заполняет пространство. Моя дверь висит на петлях под странным углом.

— Я не закончил, — говорит он спокойно. При взгляде на меня в его глазах появляется блеск; Дес красив и ужасен, и весьма зрелищный.

— Ты должен мне новую дверь, — отвечаю я.

Он хмыкает, и этот звук исполнен порочным обещанием.

— Почему бы нам не поработать над погашением текущих долгов, прежде чем говорить о том, что я тебе должен?

Я впиваюсь в него взглядом, потому что он меня сделал.

— Что такого важного ты хочешь сказать мне, что пришлось сломать дверь? — спрашиваю я, скрестив руки на груди.

Часы появляются на его татуированном запястье, и Дес подносит их к лицу.

— Время, Калли, время. У меня назначено несколько важных встреч. У тебя двадцать минут.

— Отлично. Я подхожу к душе и открываю вентиль. Это будет быстрый душ. Когда я поворачиваюсь, Торговец уже уютно устроился на кафельной столешнице в ванной. Он прислоняется к стене рядом с зеркалом, вытянув вперед одну ногу, облаченную в кожаные штаны, а вторую согнув в колене.

— Выметайся, — говорю я.

Он дарит мне ленивую улыбку.

— Нет.

— Я не шучу.

Дес выгибает одну бровь.

— Как и я.

Я приглаживаю волосы.

— Я не разденусь перед тобой.

— Меня это устраивает, — говорит он. — Душ в одежде.

Ох, это ведь так практично.

— Если ты не уйдешь, тогда я пойду в другое место.

— Кран в твоей гостевой ванной не работает, — говорит он, отвечая на мой блеф. Я выпучиваю глаза, прежде чем вспоминаю, что он занимается раскрытием тайн. Торговец не уйдет.

— Отлично, — говорю я, снимая футболку. — Наслаждайся спектаклем... от меня ты получишь только это.

От его смеха у меня начинает дрожать рука.

— Не обманывай себя, ангелочек. У тебя полно долгов, а у меня много, много требований.

Я дарю ему очередной злой взгляд, входя в душ, прежде чем снять остальную одежду, не обращая внимания, что вода её быстро намочила. Занавеска полностью скрывает меня от Торговца. Я вышагиваю из пижамных шорт и, когда бросаю их через занавеску, удостоверяюсь, что они летят прямо в Деса. Он зловеще хмыкает, и я понимаю, не глядя, что Дес поймал шорты в полете. — Бросание вещей не изменит твою судьбу, Калли.

Но чертовски поднимет настроение. Я бросаю спортивный топ, затем трусики в него. Через несколько секунд понимаю, что они упали на пол с глухим звуком.

— Мокрой твоя пижама выглядит не лучше. Позор.

— Кажется, ты все ещё думаешь, что меня это волнует, — парирую я.

Он не отвечает, и в ванной быстро наступает тишина.

«Это довольно приятно или что-то похожее», — думаю я, когда начинаю мыться.

— Зачем ты пришел, Дес?

— Ты уже знаешь причину, — отвечает он.

Чтобы забрать долг.

— Я имею в виду, почему сейчас? Прошло семь лет.

Семь лет абсолютного молчания. И мысли, что мы с этим мужчиной когда-то были почти неразлучны...

— Ты считала годы, проведённые врозь? — спрашивает Дес с притворным удивлением. — Если бы я не знал тебя лучше, то сказал, что ты скучала. — Слабый отголосок горечи скользит в этой фразе.

Я выключаю воду, протягиваю руку за шторку, чтобы схватить полотенце.

— Но ты знаешь меня лучше. — Завернувшись в полотенце, я выхожу.

— Как угодно, ангелочек, — говорит он, спрыгивая со столешницы. — Теперь шевелись. Нам нужно кое с кем встретиться и кое-куда попасть. — И с этими словами выходит из ванны, после чего смотрит на часы, а я просто заступаю в свои шорты, поскольку грязное нижнее бельё лежит на всеобщее обозрение. Всё это время, он просто ждал меня, развалившись на стуле в спальне и покачивая ногой. Я не могу отвертеться от ощущения, что Дес следит за тем, что я не попытаюсь сбежать. Словно я сыскала известность беглянки.

— Время вышло, Калли. — Он поднимается со стула и направляется ко мне. В его движениях есть что-то хищное.

— Подожди... — Я, всё ещё босая и с влажными волосами, отступаю и натываюсь на комод.

— Нет, — говорит Дес, подходя ко мне вплотную. Мне удастся открыть ящик комода и схватить пару носков, прежде чем Дес берет меня на руки. Он и раньше, до своего ухода, держал меня так, прижимал к себе и качал в колыбели рук, пока я горько плакала. А когда я засыпала, он лежал рядом по несколько часов, только чтобы разбудить в случае ночного кошмара. Но Дес никогда не целовал меня... даже не пытался. До прошлой ночи, и этот поцелуй был всем для меня.

— Это действительно необходимо? — спрашиваю я, говоря о том, что лежу в его объятиях. Я подавляю дрожь. Его тело всё ещё ощущается родным, как и в юности, и мне это ненавистно. Я никогда не была от него свободна. Когда солнце освещает моё лицо, я вижу его тень на асфальте. Когда наступает ночь, его тьма, словно одеяло, накрывает мою комнату. Когда я сплю, его лицо преследует меня во снах. Он везде и во всём, и бесчисленное количество любовников не может заставить сердце забыть.

Дес смотрит на меня, взгляд его серебристых глаз немного смягчается. Возможно, он тоже вспоминает, когда прижимался ко мне.

— Да, — только и ответил он.

Неуклюже я натягиваю один носок на ногу. Второй выскользывает из рук, и я ругаюсь, когда он падает. Через мгновение носок поднимается вверх и ложится мне на живот.

— Можешь захватить обувь? — спрашиваю я.

Торговец глазами находит ботинки, стоящие рядом с раздвижной стеклянной дверью спальни. На моих глазах они поднимаются с пола и движутся ко мне. Я ловлю их в воздухе.

— Спасибо, — говорю я, даря ему искреннюю улыбку. Я наблюдала за этим маленьким трюком сотню раз, и всегда приходила в восторг. Всего на долю секунды он мешкает. Хмуро и сведя брови вместе, смотрит на меня. Но затем продолжает идти. Раздвижная стеклянная дверь открывается, и холодный ночной воздух окутывает меня, когда Торговец выходит наружу.

— Правда или действие? — говорит он, когда я заканчиваю обуваться.

Я замираю. Пришло время оплаты. Ранее днём я была готова к этому, но сейчас нет. Он так и не ответил, почему спустя столько лет выбрал этот момент, чтобы вернуться в мою жизнь. Или почему ушёл из нее. Но я прекрасно знала, что не стоит ждать объяснений. Вытаскивать из него секреты сложнее, чем купать кошку.

— Правда.

— Ты сказала действие? — спрашивает он, приподнимая бровь. Его волосы сегодня не связаны, и светлые пряди обрамляют лицо. — Твоя сирена всегда знает, как придать

пикантность ситуации.

Я не потрудились ответить. Торговец жулик во всех отношениях, поэтому его слова не удивляют. Но зато ошарашивают следующие действия. Воздух за его спиной переливается и образует одно целое, пока не появляются крылья, поднявшиеся над его лопатками.

У меня перехватывает дыхание.

Вся враждебность, обида, боль... всё утихает, когда я смотрю на эти крылья.

Кость обтягивает темная серебристая кожа, настолько тонкая в некоторых местах, что видны аккуратные сетки вен. Наконечники крыльев были в виде белых когтей, самый большой из них размером с мою руку. Лишь однажды я видела крылья Десмонда, и то потому, что он потерял контроль над своей магией. Сейчас же, это казалось намеренным проявлением. Я не могу себе представить, почему именно сейчас он решил показать их, и почему именно мне из всех людей. Я протягиваю руку за его плечо и провожу пальцами по гладкой коже одного крыла. Дес напрягает руки, и я чувствую, как он затаивает дыхание.

— Они красивые, — говорю я то, в чём давно хотела признаться, но так и не смогла.

Торговец окидывает взглядом моё лицо, и на мгновение задерживает его на моих губах.

— Рад, что они тебе нравятся. Сегодня вечером ты недолго будешь на них смотреть.

Октябрь, восемь лет назад

Я кручу браслет на запястье, с волнением играя одной единственной черной бусиной — долговой распиской, которой я обязана Торговцу, за то, что он отвалил от меня власти. Он уже во второй раз появляется в моей комнате. С ног до головы одет во все черное, винтажная футболка с логотипом AC/DC обтягивает его широкие плечи и спину. Увидев меня, он скрещивает руки на груди.

— Моя магия по-прежнему сильна, — говорит он, — так что же тебе нужно?

Я снова кручу браслет, сердце бешено колотится при виде Торговца.

— Хочу заключить еще одну сделку.

Он прищуривается. Я жду, чтобы он хоть что-нибудь сказал, но он молчит. Время проявить силу духа.

— Я, эм... — Он выгибает бровь. Просто скажи это, Калли. — ...хочу купить тебя на ночь.

О. Мой. Милостивый. Бог.

К черту тебя язык. Вырвать и закопать в самой глубокой яме преисподней. С лица Торговца сошли какие-либо эмоции.

— Прости, что?

Щеки и шея краснеют. Я умру со стыда. Вычеркните, хочу умереть со стыда. Лучше умереть, чем стоять здесь открывать и закрывать рот, как рыба. Торговец ухмыляется, отчего становится только хуже. Не стоило этого делать.

— Я просто хочу потусоваться с тобой, — спешу добавить я. — И совершенно на платоническом уровне.

Тьфу, а теперь я, должно быть, выгляжу отчаянной. Да кого я обманываю? Я в отчаянии и жажду общения. Когда я пришла в Академию Пил, то думала что смогу втереться в доверие и найти друзей, но этого ещё не произошло. И мне так одиноко.

— Это плохая идея, ангелочек, — произносит он, начиная прохаживаться по комнате. — Мне понравилось бы твоё предложение, будь оно совсем не платоническим.

Клянусь, мой щеки прямо огнем горят, я тут же окидываю взглядом тело Торговца. Он смотрит на меня, и теперь его ухмылка еще шире, а глаза с озорством блестят. Он точно знает, где витают мои мысли.

— Лишь одна ночь, — говорю я, наблюдая, как он берет флакон с моей тумбочки и подносит к носу, после чего, сморщившись от запаха, быстро ставит его обратно.

— У меня есть работа, — говорит Торговец. И всё же, он ещё здесь. Он хочет, чтобы его убедили. Но как его убедить? Последний раз, когда я использовала чары, Торговец лишь вышел из себя. Не думаю, что смогу повлиять на него логикой, и кроме того, в моей просьбе нет ничего логичного.

Как бы то ни было, мое желание провести с ним вечер — полное безумие. Как в первый раз я смогла убедить его помочь мне? Вспомнив, я округляю глаза.

— Торговец, — говорю я, подходя к нему, разглядывающему мой постер с надписью «Сохраняй спокойствие и читай дальше». Когда я оказываюсь ближе, протягиваю руку и кладу ему на предплечье, от контакта у меня живот сводит. — Пожалуйста?

Клянусь, я чувствую, как он дрожит, а затем смотрит вниз на место, где наши руки соприкасаются. Моя ладонь закрывает несколько его татуировок. В первый раз я убедила его не словами, а прикосновением. Когда он вновь поднимает взгляд своих серебристых глаз, клянусь, что вижу в них коварные искры.

— Ты испытываешь судьбу, малышка сирена. Он проводит пальцами по моим костяшкам. — Одна ночь, — говорит он.

Я киваю.

— Только одна ночь.

Наши дни

Торговец останавливается на границе моего участка, но меня не отпускает. Далеко внизу лежит океан, и лишь сорок футов свободного падения отделяет нас от него. За спиной Торговца расправляются крылья, и у меня перехватывает дыхание при виде их. Размах невероятен — почти двадцать футов — за исключением серебристого оттенка, они очень похожи на крылья летучей мыши.

Я встречаюсь взглядом с Десом и точно знаю, что он собирается сделать.

— Дес, не....

Он порочно улыбается мне.

— Держись крепче, Калли.

Я прикусываю губу, чтобы сдержать крик, когда он прыгает со скалы. Секунду мы падаем, и мой желудок делает кульбит. Затем крылья Торговца ловят ветер, и воздушный поток тянет нас вверх. Я крепче обхватываю Торговца за шею и прячу лицо у него на груди. Лишь его хватка удерживает меня от смертельного падения. Мокрые волосы бьют меня по лицу, пряди теперь стали ледяными, так как мы набрали высоту.

— Ты пропустишь красивый вид, ангелочек, — говорит он сквозь рев ветра.

— Я пытаюсь не блевануть, — произношу я, не уверенная, в том, что он меня слышит. Не то, чтобы я боюсь высоты — я имею в виду, мой дом расположен на скале — но воспользоваться авиалинией Фейри — не входит в мой список интересных мероприятий.

В конце концов, я поворачиваю голову и смотрю вниз. Вода мерцает вдалеке под нами, а впереди открывается манящий Лос-Анджелес, огни которого сияют, как гирлянда на рождественской ёлке.

Чем выше мы поднимаемся, тем холоднее становится. Я начинаю дрожать, и Дес крепче прижимает меня к себе. Он приподнимает меня так, что большей частью тела я прижимаюсь к нему. Как я и боялась, близость напоминает мне о том времени, когда он был рядом.

— Куда мы направляемся? — перекрикиваю я ветер.

— ...место твоей второго оплаты. — Гул ветра обрывает большую часть слов Торговца, но не самые важные, надеюсь. Я не могу представить, что он припас для меня, а учитывая мое грязное прошлое, это будет что-то нехорошее. Весьма нехорошее.

— Да ты верно издеваешься. — Я скрещиваю руки, когда мы приземляемся на парковке возле здания. — Для этого ты вынес мою дверь? — говорю я, пока смотрю на диваны и столы в витрине магазина. — Ради похода в мебельный магазин?

Его рот кривится в ухмылке.

— Я переделываю гостевую комнату, о, вернее ты.

Я закатываю глаза. Выбрать мебель — это и есть оплата.

— Магазин закроется через пятнадцать минут, — говорит Торговец. — Я ожидаю, что ты выберешь и купишь соответствующую мебель до закрытия.

Как только он заканчивает предложение, я чувствую, как покров магии грузом ложится мне на плечи, заставляя действовать. Я иду в сторону магазина, ворча себе под нос. Из всех тупых и глупых задач он уготовил мне эту. Для заказа мебели существует Интернет. Не стоит жаловаться, могло быть намного хуже. Должно быть куда хуже. Я достаточно повидала сделок Деса и знаю, что входит в уплату. Никогда еще не было так легко.

Торговец идет рядом, его крылья, мерцающая, исчезают, и я изо всех сил стараюсь не смотреть на него. Мужчина не что иное, как «блуждающий огонек», чем ближе я к нему подбираюсь, тем дальше он оказывается.

Я открываю дверь и захожу в магазин. Передо мной раскинулось море мебели. Пятнадцати минут не достаточно, чтобы увидеть даже половину того, что здесь представлено. Магия Деса сжимает желудок, вызывая странные и неудобные ощущения.

— Какую мебель ты хочешь? — спрашиваю я, когда заклинание Деса дергает меня идти вперед.

Торговец, сунув руки в карманы, подходит к столу и внимательно рассматривает его. Здесь, с этим большим, чрезмерно накаченным торсом, обтянутым выцветшей футболкой с «Iron Maiden», он смотрится комично

— Тебе, ангелочек, решать.

Хрен с ним, у меня нет времени, чтобы беспокоиться о вкусах этого человека. Но не успевает эта мысль проскочить у меня в голове, как я чувствую настойчивый рывок магии, от которого всё внутри переворачивается. Растянувшись на одном из диванов, Дес посылает мне развратную улыбку, и я понимаю, что больше должна волноваться о задании, чем о нём. Эта оплата далека от поцелуя, произошедшего прошлой ночью. Тогда я не ощущала магию. Но возможно, я чувствую её только тогда, когда сопротивляюсь. От этой мысли я стала противна сама себе. Простой ночью я должна была бороться против поцелуя.

Я иду дальше по рядам, в поисках самой уродливой мебели. Мой маленький бунт. Вот что происходит, когда вы не даёте четкие инструкции. Я кидаю быстрый взгляд на Торговца, который с восхищением наблюдает за мной. Он наверняка что-то припрятал в рукаве. Не закливайся на этом сейчас.

Так быстро, как только могу, я срываю ценники и направляюсь к кассе. Магия настойчиво барабанит в моих венах, ускоряясь с каждой минутой. Всё это время Торговец не сводит с меня глаз. Знаю, он собой доволен. Придурок. Боже, его магия кажется такой агрессивной. Словно зуд под кожей. И пока маленькая, больная часть меня возбуждается от острых ощущений снаружи и внутри, большая, просто огромная часть находит это чертовски возмутительным.

Девушка, сидящая за кассой, казалось, начинает беспокоиться, когда я кидаю перед ней кучу ценников.

— Мэм, но вы не должны срывать ценники с мебели.

Моя кожа начинает светиться.

— Все хорошо... не о чем беспокоиться, — говорю я, используя сирену, чтобы подчинить продавщицу.

Она молча кивает и начинает сканировать штрих-коды. До меня доносится смешок Торговца

— Хммм. — Женщина на кассе смотрит в монитор и хмурит брови. — Странно.

— Что? — спрашиваю я, только что, осознав, что это будет куда сложнее, чем я рассчитывала.

— Могу поклясться, мы только в четверг получили новую партию, а система выдает, что мы всё распродали. — Предмет, о котором она говорит — это ярко-розовое с леопардовым принтом кресло.

Она откладывает ценник в сторону.

— Давайте я пробью все остальное, а потом позвоню на склад и уточню наличие этого кресла.

— Забудьте об этом. — Магия уже практически дышала мне в затылок. Сомневаюсь, что у неё останется время, чтобы проверить склад. Она странно смотрит на меня, прежде чем бросить взгляд в сторону часов, висящих на стене. Знаю, она думает о том, как бы быстрее закончить смену.

— Если вы уверены...

— Уверена, — поспешно говорю я, ведь достаточно прихватила ценников, чтобы полностью обставить комнату Торговца.

Она сканирует следующий штрих-код — диван с обивкой из повторяющихся роз и тошнотворно милых бантиков — и вновь та же проблема. Прищурившись, я оглядываюсь на Торговца. Он поднимает запястье и стучит пальцем по часам. Магия стягивает мои внутренности, и прежде, чем могу с этим что-либо поделать, все внутри сжимается. Она становится всё более неприятной. Я поднимаю дрожащую руку и показываю ему средний палец, после чего обратно поворачиваюсь к девушке. Каждый последующий предмет, который она сканирует, натывается на ту же проблему, имя которой мне хорошо известно. Десмонд Флинн.

От магии у меня бешено колотится сердце, и с каждой секундой становится лишь хуже. Ясно же, что в дополнение к закрывающемуся магазину, Торговец ввел собственное ограничение по времени.

Глупое задание.

Я наклоняюсь через стойку и сглатываю.

— Что есть в наличии в вашей системе?

Девушка что-то набирает в своем компьютере и снова хмурится.

— На данный момент, похоже, у нас только кровать с балдахинном, люстра из кованого железа, диванчик, и золоченое зеркало. — Похоже, она совершенно запуталась.

— Я возьму по одному каждого, — говорю я, протянув, дрожащей рукой, кредитную карточку. Бисеринки пота катятся по моему лбу. Меня не убьет какая-то уродливая мебель. Вздвогнув, она берет карту.

— Но, мэм...

— Пожалуйста, — практически умоляю я. Магия проникает в легкие. И вновь Торговец смеется. Продавщица смотрит на меня, как на обезумевшую. Затем склоняет голову на бок.

— Хэй, вы что актриса... знаете...

— Во имя всего святого, пожалуйста, пробей! — Магия обвивает мои внутренности, и я умру, если в ближайшее время не пройду это задание.

Она вздрагивает, словно я её ударила. Я не причинила ей физическую боль, но мне жаль, что я ранила её чувства. В голове лишь одна мысль: магия, кажется, удваивается. Фыркнув и покачав головой, девушка всё-таки пробивает товары. Мучительная минута проходит за обсуждением места и времени доставки, и потом она проводит карточкой через

систему. Я вздыхаю, когда магия отпускает, и оседаю на стойку, смотря на запястье, как раз в тот момент, когда две бусины исчезают.

Я убью его.

— Проблемы? — невинно спрашивает Торговец, встав с дивана.

Я прохожу мимо него на выход из магазина. На тёмной стоянке, он материализуется прямо передо мной со скрещенными на груди руками. Естественно, никто не замечает, что он может появляться и исчезать. Когда я пытаюсь пройти мимо него, он хватается за запястье, и я разворачиваюсь к нему лицом.

— Две? — практически кричу я. — Ты заставляешь меня обустроить твою дурацкую спальню за двадцать минут и практически умереть, и всё это за две исчезнувшие бусины?

Мне не стоит так расстраиваться. Он ещё не попросил ничего по-настоящему ужасного, но ощущения волшебных пальчиков, сжимающих мои органы, практически уничтожило.

Торговец встает очень близко, вторгаясь в мое личное пространство.

— Сильно не понравилось задание? — спрашивает он низким голосом. Его глаза сверкают в лунном свете. Я достаточно умна, чтобы промолчать. Сейчас он выглядит настоящим хищником и в такие моменты лучше его не провоцировать. Он подходит еще ближе. — У меня запланировано много подобных заданий, но если тебе такое не по душе, тогда мы возможно могли бы придумать куда более... приятные.

В момент, когда с его губ слетают эти слова, я понимаю, что совершила ошибку. Я сыграла ему на руку. Обняв меня, Торговец скользит взглядом по моим губам.

Илай был прав. Этот ублюдок припас для меня нечто особенное. Я жду, что он поцелует меня, но он раскрывает крылья, и мы вновь улетаем в ночь.

Двадцать минут спустя, Торговец изящно приземляется в моем дворе, держа меня в своих объятиях. Как только мы касаемся земли, он складывает огромные серебряные крылья, которые спустя мгновение исчезают. Молча, Торговец несет меня к раздвижной стеклянной двери, без приглашения открывает её и заходит внутрь. Дверь закрывается за нами, Десмонд усаживает меня на кровать и садится на корточки, не сводя с меня глаз, пока проводит рукой по моим ногам.

Меня начинает это нервировать. Что он ещё сегодня собирается потребовать? Он меня даже голой не видел. Кроме того, я знаю, что Торговец не заставит расплатиться меня сексом, если только я не соглашусь. А я не соглашусь.

Верно?

Дес снимает сначала один сапог, потом другой, отбрасывает их в сторону и снимает с меня носки.

— Скажи мне, Калли, — говорит он, скользя по мне взглядом, — ты нервничаешь?

Сейчас он не требует оплаты, а значит, я не обязана отвечать. Но, скрепя сердцем, я все же киваю.

— Так, ты не забыла обо мне, — произносит он. — Хорошо.

Он обхватывает мою ногу и оставляет на лодыжке поцелуй.

— Правда или Действие?

У меня перехватывает дыхание.

— Правда.

Он крепче сжимает мою ногу.

— Почему, как ты думаешь, я бросил тебя на все эти годы? — спрашивает он.

Он нанес смертельный удар. Я чувствую, как сердце колотится в горле, мне приходится

подавить эмоции и судорожно вдохнуть. Прошлое больше не сможет причинить мне боль. Ничего из прошлого. Оно лишь мои воспоминания.

— Дес, какое это имеет значение?

Его магия прокатывается по мне, но совершенно не больно. Просто напоминание, что я должна ответить. Он ждет, позволяя магии говорить за него. Я дергаю выбившиеся нити из стеганого покрывала.

— Я вынудила тебя, — говорю я, опустив глаза в пол. — Надавила на тебя и заставила уйти. — Сразу после этих слов, я чувствую, как чары отпускают меня. Прошлое не могло навредить, но почему-то оно ощущается живым, дышащим существом. Удивительно, что что-то и кто-то, вошедший и покинувший мою жизнь, имеет такую власть надо мной.

Торговец смотрит мне прямо в глаза, их серебристый оттенок мерцает в свете луны. Я не могу прочесть его выражение, и от этого сводит живот. Кивнув, Дес встает и, практически доходит до стеклянной двери, выходящей на балкон, когда я понимаю, что он уходит. Эта мысль больно жалит. Мне уже осточертело это глупое сердце. Если бы я могла, то сама разбила его только из-за того, что проявляю слабость перед этим мужчиной, когда разум твердит, что нужно оттолкнуть его, как можно дальше.

— Seriously, Дес? — спрашиваю я. — Снова бежишь?

С блеском в глазах, он поворачивается ко мне, положив одну руку на стеклянную раздвижную дверь.

— Ты ближе к правде, чем думаешь, ангелочек. Ты вынудила меня оставить тебя. Семь лет — это долго, особенно для меня. Хочу предостеречь тебя: больше я не уйду.

Ноябрь, восемь лет назад

Одно желание превращается в два, два в четыре, четыре в восемь... пока моё запястье не обвил целый ряд бусин. А планировался всего один вечер. Но я, как наркоманка, просила Торговца больше. Больше ночей, больше общения. Не представляю, что Торговец задумал, но у него нет причин потакать мне. И всё же он это делает...

Я смотрю на бусины и вспоминаю предостережения Торговца.

«Ты дашь мне все, что я пожелаю. Скажи мне, ангелочек, можешь выполнить любое мое пожелание?.. Сможешь ли отдать мне свое тело?»

Я должна бояться этой угрозы. Но вместо страха меня гложет беспокойное предчувствие. У меня не всё в порядке с головой.

— О чём задумалась, ангелочек? — спрашивает Торговец, который удобно расположился на моей кровати, он настолько высок, что ноги свисают с края. От вида его в кровати и направленности моих мыслей... Я чувствую, как щеки начинают краснеть. — О, наверняка о чём-то непристойном. — Он поудобнее располагается на подушке и скрещивает руки за головой. И только я начинаю думать, что Торговец будет донимать меня этим, он переводит взгляд на убранство комнаты. И я следую за его взглядом по полке комода, на котором лежат дешевая бижутерия и косметичка, затем по плакатам, висящим на стене — на одном «Битлз», на другом черно-белое изображение Эйфелевой башни, а на третьем надпись «Сохраняй спокойствие и читай». Мои учебники лежат на столе, рядом с кружкой и банкой с чайными пакетиками. Раскрытые книги, одежда и обувь валяются на полу.

И внезапно я чувствую себя такой маленькой и неопытной. Я не могу и вообразить то бесчисленное число женщин, с которыми встречался Торговец, и уверена, что их комнаты выглядели более зрелыми, в отличие от моей, с плакатам на кнопках и грустным невзрачным чайным набором.

— Соседки нет? — спрашивает он, заметив на месте другой кровати, раскладывающееся кресло.

— Уже нет.

Она переехала к подруге, которую поселили одну, но той хотелось соседку. Я одновременно была разочарована и рада её переезду. Мне нравилось общение, но мы с ней не очень ладили. Она была веселой и взбалмошной, а я слишком... измученной проблемами.

Торговец с жалостью смотрит на меня.

— Пытаешься подружиться, ангелочек?

Я морщусь.

— Прекрати называть меня так, — говорю я, садясь на стул и закидывая ноги на стол. Ангелочек. Я сразу начинаю думать о пухленьких маленьких ангелах. И от этого чувствую себя ещё младше. Он просто улыбается, устраиваясь удобнее.

— А как тебя зовут? — спрашиваю я.

— Не собираешься отвечать на вопрос о друзьях? — отвечает он вопросом на вопрос.

— Это называется сменить тему, — говорю я, развалившись на стуле, — ты тоже так делаешь.

В его глазах танцуют бесенята. Сомневаюсь, что он когда-либо признается в этом, но

закрадываются подозрения, что ему нравится проводить со мной время. И я понимаю, что и мне нравится быть с ним. Общение с Торговцем сдерживает моих демонов немного дольше обычного.

— Действительно думаешь, что вот так просто я своим клиентам налево и направо называю имя, ангелочек? — Он берет заваливавшийся листок бумаги с моего стола.

— Прекрати. Называть. Меня. Так.

— Кто такой Джордж? — спрашивает он, читая, что написано на листке. И вот теперь я хочу умереть. Я вырываю записку из его рук, сминая и выбрасываю в мусорное ведро.

— О, боже. Джордж. — От того, как он это сказал, я с трудом сдержала очередной румянец. — Так это из-за него ты думала о чем-то непристойном?

Если бы.

— Какое тебе дело? — спрашиваю я.

— Когда мальчик дает тебе номер телефона — ты ему нравишься. И ты хранила его на прикроватной тумбочке. — Торговец говорит так, словно тумбочка играет тут решающую роль. Что я могу сказать? Что единственный парень, на котором я зациклилась сам Торговец? Нет, спасибо.

— Не то, чтобы мы собираемся на свидание, — мямлю я. — Его сестра дружит с девушкой, которой я не нравлюсь.

Я не должна рассказывать ему об остальном. Торговец выгибает брови.

— Ах. — Я чувствую, как он разгадывает язык моего тела. Что он видит? Моё смущение? Разочарование? Унижение? Внезапно он вскакивает с кровати, чем сильно удивляет меня. Протягивает ко мне руки и поднимает меня.

— Возьми пальто.

— Зачем?

— Потому что мы уходим.

Наши дни

Утром, прежде чем отправиться на работу, я тащусь в ванную и удивлена починенной дверью. Торговец отремонтировал её без совершения сделки. От понимания ситуации моё сердце начинает колотиться сильнее. Торговец — хитрец; всё имеет свою цену. Так почему не это? И то, что он сказал на прощание. Я закрываю глаза. Его слова не выходят из головы.

«Семь лет — это долго, особенно для меня».

Торговец никого не ждёт, особенно помешанную клиентку, которая однажды захотела быстрее расплатиться с долгами. Но, кажется, он именно ждал. В этом нет никакого смысла. Я кручу браслет на запястье, считая, а затем перебирая бусины. Осталось триста шестнадцать. Значит, Торговец забрал несколько после покупки его драгоценной мебели и несколько за раскрытый ему секрет.

Я тру лицо. Сейчас, больше чем когда-либо, я думаю, что ненавижу Торговца. Ненавижу за то, что он ворвался в мою жизнь, которую я, вроде как, выстроила. Ненавижу за то, что из-за незнания определенности в оплате Десу, мне пришлось порвать с Илаем по телефону. Но больше всего за то, что его легче ненавидеть, чем себя.

Спустя двадцать минут с розовой коробкой подмышкой, я появляюсь в бюро расследований Уэст-Кост. Последние шесть лет, мы с Темпер работаем частными сыщиками. Хотя наша работа более сомнительна в правовом аспекте, чем предполагает.

Бюро расследований Уэст-Кост берется за всё — пропавшие без вести, признания, доказательства преступлений.

— Привет, — кричу я с ресепшена, — я принесла завтрак.

Темпер в кабинете перестает печатать.

— Пончики? — спрашивает она с надеждой.

— Не-а, фрукты. Меня посетила мысль, что сегодня отличный день, чтобы начать заниматься фигурами к пляжному сезону, — говорю я и бросаю коробку пончиков на стол нашей приемной, взметнув небольшое облако пыли. Напоминание: нужно протереть пыль в приемной.

— В задницу фигуру к пляжному сезону. — Темпер выходит из кабинета и смотрит на меня, словно я богохульствую. — Думаешь, я хочу выглядеть, как тощая шл...

Он бросает взгляд на коробку с пончиками.

— Я взяла старые добрые пончики с голубикой и желе, — говорю я, протягивая ей кофе. — На фиг фрукты.

Она фыркает.

— Сучка, мне нравится ход твоих мыслей.

— И мне тоже, лапочка, — говорю я, направляясь в свой кабинет.

Офисы остались неизменными с того момента как пять лет назад, ночью после вручения дипломов, мы упаковали вещи и практически сбежали из Академии Пил, школы-интерната, для чего-то намного лучшего. И по-прежнему они вызывают это взволнованное, безрассудное чувство, что и тогда, когда мы вдвоем убежали — я от прошлого, а Темпер от судьбы — и стремились сделать для себя что-то новое. Я улыбаюсь, увидев на своём столе чек за предыдущее задание. Я сажусь в кресло и, взяв чек, кладу его в сумку. Надеюсь, Микки, хреновый сын, хорошо ведёт себя с матерью. Не всем выдалось иметь маму.

Закинув ноги на стол, я включаю компьютер, и в ожидании, когда он загрузится, листаю сообщения на рабочем телефоне. Одно с прошлого задания, от Шона, который следил за одним из моих клиентов. Мы с Темпер влезли не в своё дело и, очевидно, произвели неизгладимое впечатление, судя по красноречию сообщения. Я удаляю это и перехожу к следующему. Три сообщения от потенциальных клиентов. Я беру блокнот и записываю имена и контактные данные, которые мне оставили.

И вот, наконец-то, последнее сообщение. Я напрягаюсь всем телом, когда слышу теплый, хриплый голос.

«Малышка, я не расстанусь с тобой. Только не так. Когда я вернусь, мы обо всем поговорим». — Я выпрямляюсь, словно лом проглотила. Нет, нет, нет. *«А пока»*, — продолжается сообщение, — *«я потянул за кое-какие ниточки и внес Торговца в список самых разыскиваемых личностей».*

Он же, десятка.

Дерьмо.

Именно этого я так опасалась. Илай лезет в мои дела и делает их своими. Как только загружается компьютер, я открываю сайт Политии и перехожу в список самых разыскиваемых людей. В списке примерно за сотню пунктов, но на первом плане десятка самых разыскиваемых, фото которых размещены напротив имен. Под номером три: Торговец (настоящее имя неизвестно).

— Ублюдок, — бормочу я, пиная картотеку, стоящую рядом. Не знаю, почему я так обеспокоена. Торговец мог справиться со своими проблемами, а я со своими. Или могла, до

тех пор, пока не связалась с альфа-блядь-самцом. Я смотрю на эскиз лица Деса. В Политии даже нет фото Торговца, а на самой картинке... он может быть каким угодно. Единственное, что они знают точно — серебристые глаза и белые волосы. Чего, если честно, вполне достаточно. Я кликаю на ссылку, задаваясь вопросом, скольких женщин-офицеров Илаю пришлось умаслить, чтобы включить Торговца в десятку. Дес всегда был в списке разыскиваемых преступников, но я не припомню, чтобы он находился так высоко. На открывшейся странице все его данные и более подробное описание. И в отличие от рисунка Деса, они кажутся, более точными, включая даже рукав татуировок. Однако там не упоминается об остроконечных ушах и крыльях.

Они не знают, что он феяри. Но всё же, располагают важной информацией.

Я открываю нижний ящик стола и достаю бутылку «Джонни Уолкера». Сегодня один из тех дней. Спустя минут пять в кабинет заходит Темпер. Заметив, что я пью, она тянется к бутылке и я, нехотя, подвигаю её к ней.

— Что случилось, цыпа? — спрашивает она, пригубив виски. Она знает, если на сцену вышел Джонни, то случилось, что-то плохое. Я втягиваю воздух сквозь зубы и трясую головой. Она морщится от обжигающего напитка и ждет, когда я скажу хоть что-нибудь. Я опускаю взгляд на браслет.

— Меня настигло прошлое.

Она подвигает бутылку обратно ко мне.

— Мне нужно кому-то сделать больно? — серьезно спрашивает она. Мы с Темпер близки, насколько могут быть друзья, и вместе со старших классов школы. В основе нашей дружбы, своего рода договор — не касаемся будущего, которого она не хочет, и не тащим меня в прошлое, которое я хотела забыть. Никогда не касаемся.

— Илай уже опередил тебя, — едко говорю я.

— Илай? — выгнув бровь, говорит она. — Подружка, ты разбила мне сердце. Сначала друзья, а парни потом, помнишь?

— Я не просила его ввязываться. Я порвала с ним, а потом он стал предлагать...

— Что! — Она хватается за стол. — Ты порвала с ним? И когда ты собиралась мне рассказать об этом?

— Сегодня. Я собиралась рассказать тебе сегодня.

Она качает головой.

— Сучка, ты должна была позвонить мне.

— Я была занята, разрывая отношения.

Она садится на край стола.

— Черт, Илай перестанет давать нам скидку.

— Ты из-за этого так расстроилась? — спрашиваю я, делая очередной глоток виски.

— Нет, — отвечает Темпер, — Я рада, что ты отрастила вагину и порвала с ним. Он заслуживает лучшего.

— Я собираюсь запустить в тебя бутылкой.

В примирительном жесте она поднимает руки вверх.

— Да шучу я. А теперь серьёзно, ты в порядке?

Я еле сдерживаюсь, чтобы снова не посмотреть на экран компьютера.

— Честно? — выдыхаю я. — Не имею не малейшего представления.

Я делаю приличный глоток вина, когда задняя дверь открывается и входит Торговец.

— Опять пытаешься утопить в стакане чувства, ангелочек?

У меня чуть сердце не выскакивает из груди при виде его в черной приталенной рубашке и потертых джинсах. Я ставлю бокал и книгу, которую читала.

— Опять? — спрашиваю я, выгнув бровь. — Откуда тебе знать, как я справляюсь с чувствами?

— Слухи, — ласково говорит он.

Я прищуриваюсь.

— Ты что, следишь за?..

Я замолкаю на полуслове, когда Торговец подходит и забирает бокал, после чего направляется к раковине и выливает содержимое.

— Эй, — говорю я. — Это дорогое бургундское вино.

— Уверен, твой бумажник рыдает, — говорит он без угрызений совести.

Я иду за ним на кухню.

— Ты не должен выливать хорошее вино из принципа.

Он отходит от раковины, и я ахаю, когда бутылка вина поднимается с кофейного столика и, паря, пересекает гостиную и кухню, приземляясь прямо в руки Торговцу. Он переворачивает её, и я слышу, как из горлышка в фарфоровую раковину льется дорогое вино.

— Ты что, блин, творишь? — Я слишком потрясена его дерзостью, чтобы сделать что-то иное, кроме как стоять и пялиться на исчезающий в сливе водоворот вина.

— Не так надо решать проблемы, — говорит Торговец, протягивая мне уже пустую бутылку. Первую вспышку гнева затмевает шок.

— Я выпила стакан вина, псих, а не всю проклятую бутылку.

Он бросает бутылку в раковину, и я подпрыгиваю от звука бьющегося стекла.

— У тебя стадия отрицания. — В глазах Деса пылает злость, когда он грубо хватается за запястье и касается бусины.

— Что ты делаешь? — От трепета у меня бешено колотится сердце.

— Забочусь о тебе, — говорит он, все еще буравя меня взглядом.

Не сумев сдержаться, я смотрю на его руки, потому что от выражения лица Торговца меня передёргивает. Под его пальцами бусина исчезает.

Я выгибаю брови. Неважно, что он попросит в оплату, я знаю, что мне это не понравится.

— Ты скажешь, во что обойдется мне эта бусина?

— Скоро сама поймешь.

Ноябрь, восемь лет назад

После того, как на прошлой неделе мы с Торговцем погуляли — всего лишь выпили кофе и поели булочек — стали проводить половину вечера в моей общаге, а другую половину в пекарне на другом конце острова Мэн. Торговец старательно придерживается платонических отношений, хотя платит за кофе и французские макарены, которые я заказываю во время каждого визита в кафе «У Дугласа», лучшую пекарню на острове Мэн. К тому же большинство ночей прошедшего месяца он проводил со мной. Это неуместно, но я не хочу ничего менять.

— И какое же твоё настоящее имя? — пристаю я к нему в сотый раз.

Этой ночью мы торчим у меня в комнате. Я лежу на кровати, на экране ноутбука, который стоит рядом с постелью, ползут титры просмотренного нами фильма. Часть меня боится повернуться и посмотреть на лицо Торговца. Он, должно быть, скучал, сидя в моем неудобно-сложенном кресле и смотря «Назад в Будущее» на маленьком экране между нами. Но когда я к нему поворачиваюсь, не вижу скучающего мужчину, а сбитого с толку. Его брови сведены, а губы сжаты в тонкую линию.

— Торговец?

— Почему ты убила отчима? — спрашивает он, и наши взгляды встречаются. Я резко сажусь прямо. Прежние страхи атакуют меня, вызывая нежелательные воспоминания: кислое дыхание отчима, запах его дорогого парфюма.

— Почему ты спрашиваешь об этом? — я не могу убрать из голоса, рвущиеся наружу, эмоции. Он откидывается на спинку кресла, заводя руки за голову и скрестив ноги в лодыжках. Не похоже, что он в скором времени куда-то уйдет.

— Думаю, что имею право на какое-то объяснение, — говорит он, — учитывая тот факт, что я твой сообщник.

Я проглатываю стыд. Вообще не стоило заключать сделку, ради присутствия этого мужчины. Я глупая, глупая девчонка.

— Ты не получишь ответ, — говорю я. Не потому что не доверяю ему... а как раз наоборот, хотя и не должна. Но меня тошнит лишь от одной мысли, что могу поделиться частью своего прошлого с Торговцем. Он долго изучает меня, затем изгибает губы в кривой улыбке.

— Скажи мне, маленькая сирена, ты чувствуешь вкус к тайнам? — Торговец выглядит почти гордым, но внезапно это испаряется, и возвращается серьезность. Торговец опускает пугающие, накаченные руки себе на бедра. — Что бы он ни сделал тебе, это...

— Хватит. Замолчи. — Я встаю, мой ноутбук чуть не падает с кровати от резкого движения, но его спасает матрас. Торговец знает. Хотя не нужно быть гением, чтобы выяснить, почему, казалось бы, невинный подросток нападает на своего отчима. Я молча умоляю его не копать глубже. Знаю, что ношу на своем сердце оболочку, а моя сломанная, избитая душа видна через глаза. Фигура Торговца размывается. В какой-то момент я, должно быть, начала плакать, но только сейчас, когда больше не могу четко видеть, замечаю это.

Он матерится себе под нос, качая головой.

— Мне нужно идти.

Я моргаю, чтобы избавиться от влаги на глазах. Он уходит? Почему я чувствую себя такой одинокой от этой мысли, хотя мгновение назад желала обратного? Когда Торговец поднимается, то взглядом провожает слезу, катящуюся по моей щеке, и я вижу сожаление в его глазах. Это облегчает боль. Отчасти.

Когда я думаю, что Торговец собирается извиниться, он этого не делает, а говорит кое-что получше:

— Десмонд Флинн.

— Что? — спрашиваю я.

Воздух уже движется, колеблется, когда Торговца охватывает магия.

— Мое имя.

И только после его ухода, я понимаю, что он не добавил бусину за ответ.

Наши дни

Дес не говорит, ни куда ведет меня, ни какие задания родились в его разуме на сегодняшний вечер. Когда мы вдвоем парим над океаном, я знаю только, что он направляется к побережью, а не вглубь острова. Теперь, когда я уже немного привыкла летать на руках Торговца, то смотрю на сверкающую гладь моря и мерцающие звезды. Несмотря на темноту, есть на что посмотреть. Я слышу запах соли в воздухе, пока ветер трепет мои волосы. От этого возникает чувство, будто я что-то забыла... или потеряла.

Я поворачиваюсь и упираюсь взглядом в крепкую шею и нижнюю часть челюсти Деса.

Фейри уносит меня в ночь.

Так начинаются все истории, которые я когда-либо читала. Я поднимаю глаза к красивым, знакомым чертам лица. Дес смотрит вниз и замечает мой взгляд. В его глазах мелькает озорство, и что бы он ни видит в моих, черты его лица смягчаются. Моё сердце подскакивает к горлу. Я отворачиваюсь, прежде чем этот взгляд проникает под кожу.

Мы поворачиваем и летим от берега в сторону моря. Что там может нас ждать?

Я узнаю это немного позже, когда из прибрежного тумана появляется остров Каталина, который находится у побережья Лос-Анджелеса, и местные жители приезжают сюда на выходные, но большая его часть необитаема. Мы пролетаем Авалон, главный город острова, двигаясь вдоль кромки береговой линии. Затем огибаем скалы, и в поле зрения попадает белый каменный дом, подсвеченный огнями среди темноты. Становится понятно, исходя из маневров Торговца в воздухе, что это наш пункт назначения.

Я наслаждаюсь видом. Дом висит на краю обрыва, как и мой, а за ним располагается террасный двор, который заканчивается прямо у края собственности. Чем ближе мы подлетаем, тем поразительнее кажется место. Дом сделан из стекла и белого камня, и пока мы кружим впереди, я мельком вижу разбитые сады, окружающие здание. Торговец скользит по газону, и с финальным толчком, мы приземляемся.

Я спускаюсь с его рук и осматриваюсь.

— Что это за место? — Оно выглядит словно картинка из сна. Роскошный дом, расположенный на краю света.

— Добро пожаловать в мой дом, — говорит Дес.

— Твой дом? — недоверчиво произношу я. — Ты здесь живешь?

— Время от времени.

Никогда не думала, что у Торговца есть свой дом, но, конечно, есть. Он довольно часто

посещает землю. Я прохожу мимо кустов бугенвиллии и журчащего фонтана, расположенных за величественным домом.

— Это место невероятное, — говорю я. Внезапно мой маленький дом кажется потрепанным и ветхим по сравнению с этим.

Дес оглядывается, и у меня появляется чувство, что он пытается увидеть дом моими глазами.

— Я рад, что тебе нравится. Ты мой первый гость.

Я застываю.

— Серьезно?

Сначала он показал мне крылья, теперь убежище. Оба эти откровения, конечно, важны, но я не понимаю мотивов Торговца.

— Из-за этого ты чувствуешь себя неловко? — спрашивает он, и его голос становится ниже. — От того, что я привел тебя в свой дом?

У меня появляется стойкое ощущение, что он хочет, чтобы мне было неловко. И у него отлично получается.

— Любопытство, а не неловкость, — возражаю я, бросая ему вызов. В конце концов, он был в моём доме тысячи раз, когда я была моложе. Торговец приподнимает уголок губ, а глаза его темнеют от, возникших, в голове умыслов. Дес, в приглашающем жесте, вытягивает вперёд руку.

— Тогда пошли внутрь, нам нужно многое обсудить.

Я медленно вхожу в дом, отмечая полированные деревянные половицы и блестящие металлические настенные светильники. Кстати, не из железа. И хмурю брови, когда вижу две венецианские маски, висящие на стене. У меня раньше была идентичная пара в Академии Пил. Я чувствую, как по коже начинают бегать мурашки.

«Это ничего не значит».

Серия панорамных фотографий протянулась от входа до гостиной, каждая из разных уголков мира. Яркие базары Марокко, суровые горы Тибета, Красная черепица крыш Куско. Я видела все это лично, благодаря Десу, который наблюдает за моей реакцией. Нерешительно, я иду в гостиную, изношенный кожаный диван стоит на ворсистом меховом коврикe. Журнальный столик представляет собой огромный деревянный ящик, латунные скобы потускнели от времени.

— Скажи, что ты думаешь, Калли.

«Мне нравится твой дом. Я хочу погрузить босые ноги в ворс ковра и почувствовать, как шерсть щекочет пальцы. Хочу развалиться на диване и зависать с Торговцем, как мы привыкли».

— Я никогда не понимала, насколько близко ты живёшь, — говорю я вместо этого.

Он прищуривается, словно знает, что я не озвучиваю свои мысли. Я вытягиваю шею и пытаюсь всмотреться в темный коридор.

— Хочешь экскурсию? — спрашивает он, прислонившись к одной из стен. Со своими низко посаженными джинсами и растрёпанными волосами он выглядит так, словно изобрёл слово сексуальность, что, по-настоящему, раздражает, когда ты решаешь уберечь сердце от кого-то. Я киваю, прежде чем успеваю подумать.

«Вот как я закаляю сердце».

Торговец показывает мне свой дом, от причудливой кухни до гостиной, для которой я недавно покупала мебель. Только две комнаты, также известные как две наиболее

интересные комнаты в доме, оказываются под запретом для меня: в первой находится портал в Потусторонний мир — землю фейри — а вторая спальня Деса.

Экскурсия заканчивается на кухне с отполированными — лучше, чем в моей кухне — поверхностями, место, где, несомненно, хочется задержаться.

— Зачем ты привёл меня сюда? — спрашиваю я, лениво открывая медную банку, стоящую на столе у стены. Сначала я принимаю содержимое за муку, но когда внутрь попадает свет, оно мерцает. Магический порошок? Вместо ответа Дес забирает банку из моих рук и отставляет её в сторону, после чего хватает меня за запястья, проводя ладонью по браслету.

— Сегодня я хочу от тебя правды, — говорит он, в его глазах блестит озорство. — Скажи мне, ангел, что у тебя произошло за эти семь лет?

Как только он произносит эти слова, я начинаю ощущать магию, заставляющую меня говорить. Она не давящая, как прошлой ночью, потому что нет ограничения по времени, но развязывает мне язык.

— Я проучилась в Академии Пил ещё год, — начинаю я, — тогда и встретила лучшую подругу Темпер. — Клянусь, что вижу его реакцию на эту небольшую подробность. Дес занимал призовую позицию моего лучшего друга, хотя между нами всё было странно. — Она помогла мне прожить последний год в академии. — Мне не нужно уточнять, что до этого я получала поддержку от него. Он уже крепче сжимает мое запястье. — Во время выпускного бала, мы с Темпер покинули Великобританию и поселились в Лос-Анджелесе, где начали свой бизнес.

— Ах, да, бюро расследований Уэст-Кост? — спрашивает он.

Я широко распахиваю глаза, не успевая подавить реакцию.

— Ты в курсе?

Он отпускает мою руку.

— Я — Торговец, и знаю всё о твоём маленьком деле. — Дес говорит так, словно следит за всем. — Кажется, теперь не только я раскрываю секреты.

Я не могу сказать, доволен он или раздражён.

— Это тебя беспокоит? — спрашиваю я.

— Радует. И злит одновременно. — Дес хмурится, складывая руки на груди. — Я никогда не хотел, чтобы ты закончила так же, как я. — На этих словах вся хитрость исчезает из его голоса.

— Я и не догадывалась, что тебе есть дело. — Это горечь в моем голосе? Думаю, да.

Он дарит мне разочарованную улыбку.

— Расскажи о своем бизнесе. — Дес говорит невинно, но я ощущаю, что его магия заставляет меня отвечать.

— Мы с Темпер ведём частные расследования. Она использует свои способности, чтобы ловить преступников, находить пропавших и, — пугать людей до усрачки, — для других вещей. Я использую чары, чтобы заставлять людей признаваться или действовать против их воли. — Я думаю о Микки, своём последнем клиенте, когда я говорю это.

Дес цокает языком.

— Калли, Калли, ведёшь бизнес, нарушая закон. Надо же, как это знакомо звучит. — Так я взяла пример для своего бизнеса с него. Делов-то.

— Копирование — самая искренняя форма лести, — говорю я.

Торговец подается вперед.

— Ангелочек, это, пожалуй, слишком искренне. Хотя, как я уже сказал, это меня радует... Ты приняла меры предосторожности, чтобы оградить себя от властей, так?

То есть, не поймают ли тебя в ближайшее время? Клянусь, звучит так, словно он действительно беспокоится. И это говорит третий в списке самых разыскиваемых людей мира.

— Всё в норме. — Я отодвигаю один из стульев у островка и сажусь. — Вот чем я занималась последние семь лет.

С этими словами я поворачиваюсь на стуле.

— Ты упустила несколько деталей, — говорит он, садясь по другую сторону. Ему не требуется уточнять, пока его магия давила, заставляя рассказать больше.

— Что я пропустила?

Дес опирается на стойку, его взгляд непоколебим.

— Личную жизнь.

Я чувствую, как к лицу прилил жар, и удивленно смотрю на Деса. Почему того, кто отверг меня много лет назад, интересуется моя личная жизнь? Я просто клиент. Магия заставляет меня спросить:

— Ты хочешь, чтобы я рассказала обо всех отношениях, что у меня были за последние семь лет? Тогда говорить не о чем.

Он выгибает бровь.

— Ты ни с кем не была все это время?

Господи, это хуже, чем рассказывать моему гинекологу о сексуальной жизни.

— А что на счет тебя? — требую я. — Кто был у тебя?

— Я не спрашиваю о себе, и тебе всё ещё нужно ответить на вопрос.

Магия словно погружает в меня когти, сжимая горло.

— Восемь. Доволен? У меня было восемь «отношений». — Я в воздухе ставлю кавычки потому что моё представление об отношениях вызывает смех. Ни одни из них не длились дольше шести месяцев. У меня проблемы с обязательствами.

Магия Деса всё не отпускает меня.

— И несколько романов между ними, — говорю я, и румянец опалает щеки. Боже, как стыдно, учитывая, что я признаюсь в этом объекту моего подросткового увлечения. И чем больше я с Десом провожу времени, тем чаще думаю, что это не просто подростковое увлечение. Нет, чем дольше он смотрит на меня томным взглядом, тем больше я ощущаю, как броня вокруг сердца рушится, словно она сделана из бумаги. Пока я говорю, выражение лица Деса каменеет. Я немного волнуюсь по поводу того, что он слегка разочарован из-за мысли о моих отношениях.

— Ты любила кого-нибудь из них? — спрашивает он.

Я склоняю голову на бок.

— Это не твоё дело, — отвечаю я, ещё более смущенная.

— Напротив, учитывая, сколько ты мне задолжала.

— Ты действительно заставишь меня ответить? — Это риторический вопрос, я могу ощущать, как магия выщарапывает ответ из горла. — Нет, я никого из них не любила. — Наконец, магия меня отпускает. — Счастлив?

— Нет, ангелочек, — говорит он с суровым выражением на лице.

Я изучаю его. Всё это погашение долгов было фарсом. Поцелуй, мебель и пара признаний — лишь это он попросил. Но я видела, как это мужчина собственноручно

заставил политика изменить сверхъестественный закон, в качестве выкупа. Видела, как Дес добывал секреты мужчин, которые скорее умрут, чем признаются. Я опираюсь локтями на гранитную столешницу.

— Зачем ты вернулся в мою жизнь?.. И не говори, будто просто решил, что мне пора заплатить по долгам.

Он тоже наклоняется вперед, и между нашими лицами не более фута.

— Это не просто решение, Калли, а весьма продуманный план. — Он говорит так, будто слова сами по себе ужасно тяжелые.

Я вглядываюсь в его лицо.

— Зачем, Дес?

Он колеблется, и я вижу первую трещину в его фасаде, это не гнев или горечь или замкнутость. Это... уязвимость.

— Мне нужна твоя помощь, — наконец, признаётся он.

Дес сделал империю на секретах и одолжениях. И я, естественно, не могу предложить ему того, что он не мог получить где-то ещё, так?

— Скандально известному Торговцу нужна моя помощь? — говорю я с сарказмом, но внутри вспыхивает интерес

— Кое-что происходит в Потустороннем мире, — объясняет он, — что даже моим секретам не раскрыть.

«Потусторонний мир».

Просто упоминание о нём вызывает дрожь. Это царство фейри и других существ слишком жестоких для земли. Все сверхъестественные создания знают о нём, и немного боятся.

— Как я могу помочь? — спрашиваю я, хотя уже боюсь ответа, когда позади Деса распаивается дверца холодильника. Бутылка игристого сидра выплывает оттуда, а как только холодильник закрывается, с дальней столешницы в воздух поднимается бутылка вина. Спустя мгновение, открывается шкаф, и оттуда вылетают два бокала. Все четыре предмета опускаются перед Торговцем, который начинает разливать напитки.

— Мне нужно получить информацию от некоторых моих подданных.

Он пододвигает мне бокал игристого сидра. Я хмурюсь, но всё равно делаю глоток.

— И ты не можешь получить? — спрашиваю я, приподнимая брови.

Он качает головой, смотря вдаль.

— Могу заставить отвечать, но из-за этого... они умирают.

— Умирают?

Боже. О чём говорит этот мужчина?

— Как и ты, я могу заставлять людей. Но между нашими способностями есть существенная разница.

Было намного больше, чем одна существенная разница между нашими способностями. Дес не светился каждый раз, когда пользовался ими, не пытался трахнуть объект своего очарования, как делала сирена во мне... похотливая сука.

— Твои чары не дают возможности цели игнорировать приказ, — продолжал он. — Ты хочешь заставить их говорить — они говорят. Хочешь принудить их танцевать обнаженными на улице, они подчиняются. Без вариантов. — Он покрутил бокал с вином между руками. — А с моими силами, — говорил Дес, — объект может выбрать, не подчиняться... но это его убьёт. Так, если они пожелают, то могут выбрать умереть полностью одетым, но не

танцевать обнаженным на улице. Или они могут решить умереть молча, не раскрыв секрет.

Я никогда не понимала...

— Но ты всех вокруг заставляешь говорить, — возражаю я.

Торговец делает большой глоток вина, прежде чем ответить.

— Большинство людей предпочитают жить.

Я позволяю себе задуматься об этом.

— Так, твои объекты выбирают смерть, а не выдачу информации?

Он кивает, уставившись на бокал. Ох, я даже представить не могу, за какую тайну стоит умереть.

— Есть одна ошибочка в твоём плане, — говорю я. — Я не могу применять чары на фейри.

Он смотрит мне в глаза.

— Я не прошу тебя использовать чары на фейри.

Это приводит меня в замешательство.

— Тогда о чём ты меня просишь?

Его глаза, цвета луны в ясную ночь, как и всегда, загадочны. Приняв какое-то решение, он обходит бар и, взяв ещё один барный стул, тянет его ближе.

— В Потустороннем мире что-то... неладно, — он говорит тише, словно с осторожностью подбирает слова. — В моём царстве беспокойно... как и в других. Происходят исчезновения — много, много исчезновений. Солдаты пропадают без следа. Только женщины... вернулись. Мне нужно выяснить, что с ними случилось.

— Почему женщины просто не расскажут все сами? — спрашиваю я.

— Не могут. — На лице Деса читается мука.

— Они умерли?

Он качает головой.

— Не совсем. Они не живые и не мёртвые.

Я покрутила бокал с игристым сидром.

— Я не понимаю. Чего ты хочешь от меня, Дес?

— Фейри со мной не разговаривают. — Он осторожно подобрал следующие слова. — Но не только они живут в Потустороннем мире.

Я все сразу понимаю.

— Подменьши, — выдыхаю я. Люди, которых похитили фейри и забрали в Потусторонний мир. Большинство живут, как рабы.

— Мне нужно защитить своё царство.

Я застыла. Это редкий случай, увидеть другую сторону жизни Деса, сторону, где он не просто какой-то бандитский призрак в ночи. А ту, где он настоящий король, правящий всеми существами ночи.

— Так ты хочешь взять меня в свой мир, — говорю я. — И, чтобы я зачаровала твоих рабов...

— Они не рабы, — рычит он.

— Не держи меня за идиотку, Дес. Лишь потому, что они не знают другой жизни, не значит, что они выбрали бы эту, если могли.

— Никто из нас не выбирал наши жизни, — говорит он, и его взгляд становится чересчур пронизывающим.

— Ты хочешь, чтобы я силой вытаскала правду из людей, что живут в твоём царстве,

хотя это неэтично, и вероятно хуже, чем смерть.

— Ты никогда не заботилась об этичности использования чар, — говорит Дес.

— Потому что никто из зачарованных не был жертвой. — Они все преступники того или иного рода. Я продолжаю: — Ты никогда не задумывался, что если Король Ночи, со всеми уловками и обещаниями, не смог заставить людей говорить, то нужно оставить их в покое?

— Калли, — говорит Дес, наклонившись вперед, — фейри умирают. Люди умирают. Что-то происходит в Потустороннем мире, и это происходит прямо у меня под носом.

— Если я откажу тебе, что ты предпримешь? — спрашиваю я.

Он изучает меня несколько секунд, стиснув зубы.

— Я заставлю тебя это сделать, вне зависимости от твоего желания.

Так я и думала. Он предпочитает моё согласие, но использует свои способности в любом случае.

— Тогда выбора не остаётся, — говорю я. — Я сделаю это.

И вот так вот, я вновь работаю бок о бок с Торговцем.

Декабрь, восемь лет назад

— И, чем же ты занимаешься, когда не заключаешь сделки? — спрашиваю я Деса, который растянулся на полу с моим учебником. Он держит в руке ручку, и я вижу, что он что-то пишет на полях. Я серьёзно опасаясь, что он рисует члены на полях, но когда заглядываю, то вижу себя. Он изображает фрагмент моего лица и, чёрт возьми, ко всему прочему, Дес хороший художник.

— Кроме того, что делаю мозг маленькой сирене? — спрашивает он.

— Кроме этого, — мягко улыбаясь, отвечаю я.

Из коридора доносятся смех и громкий звук шагов моих соседей. Ребята стучат в соседнюю дверь и приглашают Шелли и Тришу присоединиться к ужину. Я слышу, как все они подходят к моей двери, и маленькая частица меня надеется услышать стук, даже несмотря на присутствие Десмонда. Но ребята проходят мимо.

— Ты же знаешь, что они нас не слышат, — говорит Дес, не отрываясь от своего занятия. Я не знала и удивлялась, почему никто на этаже не спрашивал меня о доносящемся мужском голосе. Стены здесь тонкие.

— Очень мило, Дес, — говорю я.

— Я люблю уединение. И это никак не связано с тобой.

— Верно. — Не дай Бог, Торговец получит репутацию милого парня.

— И меня зовут Десмонд, а не... Дес. — В его голосе слышится презрение. Значит, его бесит сокращение? Отличненько.

— Я закончу звать тебя Десом, когда ты перестанешь звать меня ангелочком.

На это он ворчит. Я выпрямляюсь на стуле и несколько секунд смотрю, как он работает. И сидя так, я чувствую, как в животе порхают бабочки. Закрывая глаза, я могу притвориться, что мы не в тёмной комнате общежития, что я не буду платить за его компанию, что Десу я нравлюсь точно так же, как и он мне. Но потом вспоминаю, что буду тусоваться с ним не больше четырех часов в день. Я живу ради этих четырёх часов, но что на счёт него? Я, наверное, просто эквивалент его оплачиваемого отпуска. Что он делает, когда не ворует секреты и не взыскивает долги? Как развлекается? Наверное, ворует конфеты у детей или что-то ужасное такого рода.

— Так что ты делаешь в свободное время? — снова задаю я вопрос.

Он переворачивает еще одну страницу учебника.

— Тебе придется заплатить, — говорит он.

Я пожимаю плечами. У меня уже есть две бусины. Что будет еще от одной?

— Добавь бусину.

Я смотрю на запястье, на котором появляется еще одна тусклая, черная бусина.

— Я правлю, — говорит он, даже не подняв на меня глаза.

Я жду большего, но в ответ тишина.

— Ой, да брось, и это всё? — произношу я. — Ответ из двух слов. — Я заслуживаю лучшего, учитывая цену, которую мне придется заплатить за услугу. По всей вероятности, когда-нибудь этот браслет из бусин превратится в очень реалистичную игру «Трахни-Женись-Убей».

— Так же было с моим именем. Ты же потом не жаловалась, — говорит он, начиная рисовать мой рот.

— Ты не добавил бусину за тот ответ, — произношу я.

— Не в моих правилах проявлять щедрость дважды, — отрезает он.

Я сильно стискиваю зубы. Опускаясь на пол рядом с Торговцем, я вырываю у него ручку.

— Чем именно ты правишь? — требую я.

Торговец поворачивается на бок, ухмыляясь, и подпирает голову рукой, отчего на его глаза падают белокурые волосы. Он несколько секунд не сводит с меня глаз, а затем сдаётся.

— Я Король Ночи.

— Король Ночи, — тупо повторяю я.

Что это за титул?

— В Потустороннем мире, — уточняет он, забрав обратно ручку.

Потусторонний мир.

Я таращусь на него.

Потусторонний мир.

Святое дерьмо, этот чувак фейри. Нет, не просто фейри, Король Фейри. Лидер одних из самых безжалостных видов существ. А я так груба с ним.

— Так ты... действительно важный, — говорю я.

Он склоняет голову и всё ещё смотрит на меня с усмешкой.

— Немного.

Ну, черт подери, я и не представляла, как мне повезло. Я окидываю взглядом его белокурые волосы, ошеломляющее тело, татуированную руку и чёрную одежду.

— Ты не похож на короля, — произношу я.

— А ты не похожа на девушку, которая будет заключать сделки с Торговцем, ангелочек.

Что на это скажешь?

Подловил. Король Ночи. Одно лишь звание круто звучит.

— Где твои крылья? — спрашиваю я.

Он бросает на меня раздраженный взгляд.

— Далеко. — Дес должно быть понял, что я не отстану от него, поэтому закрывает учебник и откладывает его в сторону. Когда Торговец обращает на тебя всё внимание, возникает ощущение, словно на тебя уставился тигр. Ты хочешь приласкать животное, но как тольколовишь его пристальный взгляд, понимаешь, что тигр просто разорвёт тебя на куски. — Скажи, ангелочек, хотела бы ты когда-нибудь посетить мое царство? — спрашивает он мягким, как бархат, голосом. Вопрос с подвохом? Чувствую, что попаду в ловушку.

— А ты возьмешь меня? — задаю встречный вопрос. Я стараюсь выглядеть не слишком взволнованной или напуганной. Всё, что я узнала о Потустороннем мире, пугает. Но сама мысль, что Король Ночи проведёт экскурсию по своему миру, невероятно привлекает.

— О, я возьму тебя, — обещает он со злым блеском в глазах. — Однажды я не оставлю тебе выбора.

Наши дни

После того, как я согласилась помочь Десу, вечером он возвращает меня домой. Теперь,

когда я в деле, ему нужно закончить приготовления. Завтра мы собираемся встретиться с теми, кого похищали. А после, я спрошу подменьшей. Следовательно, побываю в Потустороннем мире и впервые увижу Царство Десмонда.

Я стою во дворе, наблюдая, как Торговец улетает в ночь, и часть меня хочет последовать за ним. Ему не нужно было показывать дом, но он показал. Ему не нужно было показывать крылья, но он, всё же, их показал. Если он пытается меня запутать, то у него здорово выходит.

Как только Десмонд исчезает из виду, я проскальзываю в дом и иду к кухне. Он забрал бусину вскоре после того, как поймал меня за бутылкой вина. Хотя никогда не объясняет, за что именно забирает их, но у меня есть подозрения. Сейчас мною завладело любопытство. Время проверить теорию, и надеюсь, Боже, что я ошибаюсь. Схватив бутылку виски Джеймесон из шкафа, я откручиваю крышку, вдыхая аромат спиртного, и на секунду замираю. Если я заплатила за то, о чём думаю, будет неприятно. Это волнующее беспокойство на мгновение останавливает меня, но затем я опрокидываю бутылку и делаю большой поток. Я чувствую, как виски, словно расплавленный янтарь, обжигает нервы. Закрываю глаза и наслаждаюсь, как жидкость жалит горло и разливается теплом в желудке. Спустя мгновение, расслабляюсь. Я думала, он запретил мне пить алкоголь, но видимо теория оказалась не верной. С облегчением я отставляю виски. Но когда захожу в спальню, чувствую, как желудок сжимается. Я сглатываю и останавливаюсь. Ощущение исчезает, и я снова начинаю идти. Спустя три шага, желудок начинает выворачивать наизнанку, а тело содрогаться в конвульсиях, и я практически падаю на колени, чувствуя, как по трахее из желудка возвращается алкоголь.

Злобный говнюк.

Я едва успеваю забежать в ванную. Все тело бьётся в конвульсиях, пока меня рвет виски. Я чувствую, как потоки магии заставляют тело избавиться от алкоголя, и магия так же агрессивна, как и в первый раз, когда я почувствовала её шевеление в себе. Я так крепко сжимаю фарфор, что костяшки пальцев белеют. Теперь я знаю, за что именно Десмонд забрал бусину. За трезвость.

Сверхъестественные охотники, следующие за Десом, забейте. Этот говнюк мой.

В эту ночь, когда Десмонд Флинн открывает раздвижные стеклянные двери и заходит в мою гостиную, словно как к себе домой, я уже жду его.

— Я. - говорю я, швырнув в голову Торговцу бутылку виски. — Ненавижу. — Теперь бутылку вина. — Тебя. — А теперь и пиво. Десмонд исчезает каждый раз, когда в него должна попасть бутылка, а затем появляется и, мерцая, идёт ко мне. Каждая бутылка ударяется о стену за ним, янтарные и бордовые брызги стекают вниз на деревянные половицы.

— Не очень вежливо, — рычит он.

Я поворачиваюсь, чтобы схватить ещё боеприпасы, которые стоят в линию на островке. Я решила использовать их в качестве практики по стрельбе, всё равно сейчас от них толку

ноль. Торговец снова исчезает и появляется уже передо мной.

— У нас на сегодня есть работа.

— Ты можешь взять свою работу, — рычу я, — и засунуть в...

— А-а-а, — говорит он, хватая меня за подбородок, и прижимает меня к островку. —

Будь осторожна со своими желаниям, когда находишься рядом со мной. Я больше всего хочу, взять мою работу и засунуть её туда, где солнце никогда не светит.

Знаю из прошлого опыта, что когда Торговец в плохом настроении, то любит искажать смысл слов клиентов. Эта мысль заставляет сирену во мне гудеть — дерзкая девчонка. В остальном я зла, как чёрт. Торговец, кажется в курсе о моей противоречивой реакции, судя по тому, как у него расширяются зрачки. — Пора идти.

— Нет, — упрямлюсь я.

— А я не спрашивал, — он тащит меня от островка, через гостиную, к задней двери.

Осколки стекла и капли алкоголя поднимаются со стен и пола, жидкость дрейфует к раковине, а стекло к мусорному ведру. Он снова убирает за мной. Я пытаюсь освободиться из крепкой хватки Деса и борюсь с ним всю дорогу. — Дес-монд. Отпусти меня. Немедленно. — Моя сирена взяла вверх над голосом, заставляя приказ звучать соблазнительно. Но Дес просто перекидывает меня через плечо.

— Продолжай, ангелочек, — говорит Торговец. — Ты даже не представляешь, как сильно эти твои приказы заводят меня. — Он гладит меня по заднице, и я прихожу в ярость.

— Отпусти меня, придурок!

Но вместо того, чтобы опустить, он перемещает меня так, что теперь я обхватываю его талию ногами, а шею руками. Несмотря на все попытки освободиться, его хватка, словно клетка, держит меня на месте. Я щипаю его за спину. Он чертыхается, а стекло и жидкость, парящие за нами, падают на пол.

— Черт, Калли, — говорит он, — не заставляй меня забрать у тебя одну бусину, только чтобы обездвигить тебя.

Я смотрю ему в глаза, пока он несет меня на улицу.

— Ну, так, блин, рискни, Дес.

Его глаза сверкают.

— Не дразни меня. Я сделаю, и буду наслаждаться ощущением каждого дюйма твоей кожи, пока ты будешь обездвигена.

Я зло смотрю на него.

— Да что с тобой не так, — говорю я, — ты отнял у меня возможность пить спиртное.

— Это не самое худшее, что я сделал, ангелочек, — отвечает он. — И это не навсегда, если ты научишься пить.

Ну и наглец. Как я могу научиться ответственно пить, если не могу пить вообще? Я ужесточаю хватку на его появившихся крыльях.

— У меня всё было прекрасно, пока ты не влез в мою жизнь.

Он насмешливо фыркает.

— Это спорный вопрос.

Прежде чем я успеваю возразить, Дес взмывает в воздух. От неожиданности я ахаю, и Торговец начинает вырисовывать рукой у меня на спине небольшие круги, вероятно, в попытке успокоить. Хотела бы я убрать его руку, но не могу, так как держусь за его шею.

Я поднимаю глаза к небу, решив сосчитать созвездия и не смотреть на мужчину, который одновременно меня и злит и смущает. И естественно, я вижу целых три звезды,

одна из которых, вполне может оказаться самолетом. Так что я просто стараюсь игнорировать Десмонда, что оказывается почти невозможным. Я вдыхаю запах его волос, которые щекочут мои руки, и всё что вижу, кроме темноты — угрожающие дуги крыльев. Проходит примерно десять минут, когда я сдаюсь и кладу голову Десмонду на плечо. Торговец крепче сжимает меня, и я ощущаю грубую щетину на его щеке, когда он утыкается в меня носом. Я начинаю замечать закономерность, Дес становится ласковым, когда я в его объятиях.

Не уверена, как долго мы остаёмся в таком положении, но, в конце концов, чувствую снижение. Я смотрю вниз, на приближающийся остров Каталина, и в поле зрения появляется дом Торговца. Спустя пятнадцать минут мы входим в его гостиную. Сегодня на журнальном столике полно эскизов и листков с набросками. Я наклоняюсь, чтобы внимательнее разглядеть их. В будни частного детектива я частенько сталкивалась с осмотром рабочего стола, поэтому сразу же узнаю его.

Я подбираю один из эскизов, сразу узнавая работу Деса. Он рисовал портреты и пейзажи, когда приходил в мою комнату в общежитии Академии Пил. Хотя не совсем такие. На эскизе изображены стоящие в ряд гробы, в которых лежат женщины с закрытыми глазами и прижатыми руками к груди.

Святое дерьмо.

— Это... женщины?

Я чувствую, как зашевелится воздух, мгновение спустя Дес стоит позади и смотрит через моё плечо, довлея надо мной.

— Да. Каждая вернулась в стеклянном гробу.

Прошлой ночью Дес сказал мне, что женщины не мертвы, но выглядят они как мертвые. Он наклоняется и вытаскивает другую картину, там ещё один гроб, стоящий посреди чего-то очень похожего на огромный зал.

Дворец Деса. Такая странная мысль.

Я вновь обращаю внимание на спящую женщину, одетую в боевые доспехи. В одной руке она сжимает оружие, а в другой... Должно быть глаза меня обманывают.

— Это?..

— Да. Ребенок.

Я таращусь на изображение. Ребенок — не то слово, которым можно описать крошечную жизнь, прижимающуюся к груди спящей фейри-воительницы.

Младенец. Крошка. Лежит в руках женщины, которая может быть вполне мертвой. Будучи частным детективом, я видела и слышала достаточно много странного дерьма. Фейри всегда удается оставаться на вершине.

— Младенец мертв? — спрашиваю я.

— О нет. — То как Дес говорит, заставляет меня обернуться и посмотреть на него.

— Так они живы? — интересуюсь я.

— Весьма. А те, кого ты будешь допрашивать — кормилицы этих детей.

Я хмурюсь. Что может знать кучка кормилиц? Я скольжу взглядом по записям, написанным петляющим неразборчивым почерком.

...Мужчины-воины по-прежнему исчезают...

...известен под именем «Похититель Душ»...

Дес забирает эскизы из моих рук.

— Для того чтобы помочь мне, тебе сначала необходимо узнать о Потустороннем

мире... даже прежде, чем ты узнаешь все лазейки этой особой тайны. Видишь ли, невежество может убить тебя в моем мире.

Я сдерживаю дрожь. Кажется, Потусторонний мир хуже, чем я себе представляла.

Я сажусь на диван.

— Я вся во внимании, Дес.

Он тяжело опускается рядом. Из кучи страниц, лежащих перед нами, он берет ручку и чистый лист бумаги.

— Вот основы: Мир Фейри — это одна большая иерархия. — Дес рисует пирамиду. — Сильные мира сего на вершине, не такие могущественные, как королева и король фейри — Титания и её супруг король, Оберон, или Мать и Отец, как мы зовем их. Они одни из старейших древних, которые до сих пор живы. Но, не волнуйся. Оба давно заколдованы и спят вечным сном.

— Эм, это как? — уточняю я.

— Они в коме. Не живые, не мертвые.

— Немного похоже на женщин-воительниц, — говорю я.

Дес пронзительно смотрит на меня.

— Да, — медленно говорит он, — думаю, немного, похоже. — Он скользит вниз по пирамиде и рисует еще одну линию. — Под ними четыре больших Царства. Твои учебники по истории могут ссылаться на их традиционные имена, дворы.

— Есть четыре Царства: Ночи, Дня, Флоры и Фауны.

Я сразу же узнаю дом Деса, и в очередной раз поражаюсь, насколько могуществен этот мужчина.

— Есть ещё два дополнительных дома, которые обычно остаются незамеченными, но они также могущественны — Царство Мар, которое повелевает всеми водоёмами. И Царство Смерти и Пропasti. Эти два дома держаться порознь — Смерть не любит мир живых, а Мар по большей части, любит оставаться в своей пучине. Что касается четырёх домов, то я правлю Царством Ночи. Мои люди знают меня под именами: Его Величество Десмонд Флинн, Император Вечерних Звезд, Властелин Тайн, Повелитель Теней и Король Хаоса.

Я выгибаю бровь.

— Никто не зовет тебя Торговцем?

Я не акцентирую внимания на странной боли, которую ощущаю, узнав о другой жизни Деса. Чем больше он рассказывает, тем больше я понимаю, как мало, на самом деле, я знаю о нём.

— Только не в Потустороннем мире. — Возвращаясь к своей работе, Дес снова начинает рисовать. — Прямой противоположностью Царству Ночи является Царство Дня, которым правит Янус, Повелитель Правил, Король Порядка, Вещающий правду и Несущий свет, Величайший засранец.

Я едва не упускаю подкол. И, удивившись, смеюсь.

— Что не нравится парень? — спрашиваю я.

Дес не разделяет моего веселья.

— Он — свет в моей темноте. Добро для моего зла. Истина и красота для моего обмана и лукавства. Он моя противоположность, я создан не любить его, — говорит Торговец. — Не то, что ты должна разделять мое мнение, — добавляет Дес. — Если ты встретишься с ним, то, возможно, он понравится тебе. Каждому нравится.

Я не отвожу глаз от Деса, который смотрит на рисунок и замечаю что-то, что не могу

разобрать. Зависть? Сожаление? Тоску? Снова, я чувствую странную боль, на сей раз этого мужчины. Я кладу руку на ногу Деса, привлекая его внимание.

— Возможно, он мне понравится, а возможно и нет. Моя любовь к правде и красоте давно умерла.

Дес смотрит на меня и на его лице появляется намёк на улыбку, прежде чем он возвращает своё внимание обратно на листок бумаги.

— Царством Флоры правит Мара, Королева всего, что растёт, и ее супруг-король, ГринМэн^[1]. Она властвует над всеми растениями. — Он пишет их имена на листке. — И, наконец, Царство Фауны, которым правит Карнон, Повелитель зверей, Король Дикое Сердце, Властелин клыков и когтей. Также известный в определенных местах, как безумный король, благодаря затворническому образу жизни и... эксцентричности. В моём Царстве ты должна следовать правилам моих земель. В Царстве Дня подчиняешься их правилам, даже я, как король, должен следовать им.

Эй, эй, эй.

— Я ведь не собираюсь посещать Царство Дня или любое другое? — Потому что у меня нет времени, чтобы изучать их законы и этикет всех царств. Нет, если Дес и я завтра собираемся посетить Потусторонний мир.

— Ты будешь в моём царстве и только в моём, и будешь под моей защитой. — Я слышу резкий повелительный тон. — Это всё, что нужно знать о потустороннем мире... пока что.

Он откладывает рисунок с пирамидой в сторону и сосредотачивает внимание на разбросанных заметках. Нехотя я снова смотрю на спящих женщин, держащих младенцев у груди.

— Все женщины вернулись с детьми? — спрашиваю я.

Десмонд кивает, проведя пальцем по эскизу.

— Дети, чьи они? — задаю я вопрос. У фейри есть дурная привычка забирать детей, которые им не принадлежат.

— Они появились из чрева этих женщин, — утверждает Дес.

Не буду спрашивать, как они это поняли.

— А отцы? — спрашиваю я.

Губы Торговца растягиваются в кривую улыбку, но потом она превращается в гримасу.

— Ещё одна загадка, — произносит он и складывает бумаги в аккуратную стопку. — Сейчас это всё неважно, кроме... — он берет лист бумаги из стопки, — этого...

Я вырываю листок из его рук и смотрю. Список вопросов занимает почти всю страницу, и каждый страннее предыдущего.

— Что это?

— Это вопросы, ангелочек, которые ты будешь задавать завтра.

Даже после того, как Дес откладывает в сторону записи, а я засовываю список вопросов в карман, он сидит, не двигаясь до конца вечера. Позже в комнату дрейфуют нарезанный сыр и крекеры из кухни, набор бокалов и напитки. Я ловлю Кока-колу, которая парит у меня над коленями, в то время как Торговец открывает бутылку пива и делает большой глоток. Я бросаю на Деса ледяной взгляд, снова вспомнив, что не могу выпить спиртное. Десмонд удобнее устраивается на диване, его рубашка натягивается, когда он кладет руки на спинку дивана. Делая глоток пива, он искоса смотрит на меня, выглядя греховно-соблазнительно, как никто другой. Кажется, вечер не подходит к концу, всё только начинается. И не похоже, что будет погашен один из долгов. Слишком интимно для этого.

— Что, скажи на милость, на уме у моей малышки сирены? — спрашивает он, сверля меня глазами.

«Моя малышка сирена».

— В любом случае, я не твоя, — возражаю я.

Улыбнувшись у горлышка бутылки, он делает еще один глоток. Как только отпивает, взбалтывает янтарную жидкость в бутылке.

— Ты была моим клиентом когда-то, — говорит он, — и тогда ты стала моим другом, а теперь... — Его губы практически растягиваются в корыстной улыбке, а серебристые глаза блестят. — Возможно, нам не стоит обращать внимание на то, кто мы сейчас.

Атмосфера в комнате меняется, становится тяжелой, почти удушающей. Не знаю дело в магии или в природном магнетизме Десмонда, но это заставляет меня ерзать не месте.

— Зачем пришел на землю? — спрашиваю я, отчаянно пытаюсь уйти от наших отношений... или, как считаю я, отсутствие таковых. — Зачем всё это, если ты Король?

Атмосфера в комнате разряжается. Торговец делает ещё один глоток, после чего отвечает:

— Ты хочешь подходящее объяснение или настоящее?

— И то, и другое, — говорю я, скинув обувь и удобнее свернувшись на его диване.

Дес замечает это и выражение на его лице практически можно назвать приятным.

— Подходящий ответ заключается в том, что у меня есть на это время. Законы и политика в стороне, моё царство выполняет самую важную работу самостоятельно, — говорит он, закидывая ноги на диван и скрещивая их в лодыжках. — Оно тащит ночь через Потусторонний мир. Ещё одна часть моей работы, как Короля Ночи, убедиться, что хаос существует, а хаос — это естественное состояние вещей, даже здесь, на земле. Опять же Вселенная делает за меня мою работу. Потом есть и другие поступки, которые лучше всего совершать ночью. Насилие, бездельничанье и... — он скользит взглядом по моей руке, и я чувствую фантом его пальца, который гладит мою кожу, — секс. — Моя сирена начинает шевелиться. — Давай назовём их низменными влечениями. И, опять же, этим не нужно управлять.

Я правильно его расслышала? Я ставлю бутылку на кофейный столик.

— То есть, ты поощряешь... человека заниматься этим? — Я не могу поверить, что мы никогда прежде не говорили о таком. Он всегда так праведно вёл себя. Я бы никогда не догадалась, что «низменные влечения» — часть его работы. Дес выгибает бровь.

— Хочешь, покажу?

Во мне просыпается сирена. Всем чем правит Дес, питается моя сирена. Насилие хаос... секс. Она бы с удовольствием взяла целую охапку бусин для такой демонстрации. Он принимает моё молчание за... согласие. В одно мгновение он небрежно растягивается на другом конце дивана, ставит на пол бутылку, а затем исчезает. Я подпрыгиваю, когда Дес оказывается рядом.

— Ты бы наслаждалась, Калли, — говорит он, наклоняясь. Дес так близко находится ко мне, что его присутствие подавляет. Губами он прикасается к моему уху. — Я уверен в этом.

Он никогда не вёл себя так со мной раньше. Только сейчас я узнаю, что он борется с природой, подходящей мне. Я откашливаюсь.

— Дес. — Но тону в годах желания к этому мужчине.

— Подумай об этом, — произносит он, отодвигаясь — Ничто так не обрадует меня.

У меня сердце быстрее колотится, чем дольше я смотрю на него, тем отчаяннее сирена

пытается вырваться наружу.

— Ты не договорил о причинах посещения земли? — с хрипотцой в голосе спрашиваю я. Это последняя попытка остановить то, что может произойти дальше. Его настроение меняется и, закрыв глаза, он возвращается на свой край дивана.

— Ах, да, официальная причина. Мои обязанности в царстве по-прежнему оставляют мне много времени для работы на международные — на самом деле, между мирные — отношения. В качестве Торговца я этим и занимаюсь. Общаюсь здесь со сверхъестественными существами, используя магию, предоставляю им мелкие одолжения, — как в случае со мной, — и собираю долги с процентами. Таким образом, моё царство становится богаче и безопаснее.

Он берет пиво и делает ещё глоток.

— А неофициальная причина? — спрашиваю я.

Он долго смотрит на меня, в его глазах холод.

— Я остановился здесь по причинам, которые долго интриговали меня.

Вечный путник. Он, невидящим взглядом, оглядывает гостиную. Умом он где-то далеко, здесь Деса нет.

— Они продолжают?

Он пристально смотрит на меня.

— Что?

— Интриговать тебя.

На его щеке заходили желваки.

— Нет, ангелочек, уже нет.

Декабрь, восемь лет назад

Мы с Торговцем стоим в тёмном углу кампуса, где низкая каменная стена отделяет территорию Академии Пил от гряды отвесных скал, которые окаймляли эту часть острова Мэн. Далеко под нами океан разбивается о камни. Я могу поклясться, что слышу шёпот воды, которая просит подойти ближе. Слухи о том, что море рождает сирен, не преувеличены. Вода взывает к моей внутренне тьме, так же как я голосом зову мужчин. Ну, смертных мужчин.

Я гадала, какие сверхъестественные мужчины защищены от моих чар. Теперь знаю ответ.

Фейри.

Существа не из этого мира.

Я осматриваю территорию кампуса, где студенты снуют между замком Пил слева, в котором находились классные комнаты, столовые и библиотеки, и общежитием справа. Территория освещается фонарями, но, несмотря на это, в прибрежном тумане и вечерней мгле тяжело разглядеть людей.

— Они не видят нас, — говорит Дес и подходит ближе, тепло его магии касается меня. — Но, тебе ведь всё равно, да?

Я отступаю от него.

— Что это значит?

Дес делает шаг ко мне.

— Бедная Калли. Всегда на обочине, всегда смотрит со стороны. — Я хмурюсь, мой взгляд возвращается к группе студентов, снующих по лужайке. Даже отсюда были слышны их смех и обрывки разговоров. — Скажи мне, ангелочек, — продолжал он, — как кто-то вроде тебя, — Дес многозначительно осматривает меня, — в конечном счете, оказалась изгоем?

Я бегло смотрю на рваные джинсы, ботинки, кожаную куртку и шарф. Физически, я вписываюсь. Но то, что скрывается под кожей и отличает меня.

— Почему мы вообще говорим обо мне? — спрашиваю, заправляя прядь волос за ухо.

Его взгляд следит за движением моей руки.

— Потому что иногда ты меня поражаешь.

Сердце пропускает удар. Я бы хотела узнать, чем поражаю, но интерес захватывает другой предмет разговора. Торговец всё смотрит на меня, ожидая ответа.

— Это не из-за них, а из-за меня.

Дес сводит брови вместе. Я смотрю вниз на свои ботинки и пинаю траву.

— Трудно притворяться нормальной после... ну, ты в курсе. — «После того, как убьешь кого-то». Я выдыхаю. — Думаю, мне нужно вернуть прежнюю жизнь, прежде чем заводить друзей. Настоящих друзей.

Не могу поверить, что рассказала это. Я редко признаюсь в таком даже самой себе. Дес с серьезным лицом слегка касается моего подбородка. Он ничего не говорит в течение длительного времени, хотя я уверена, в его изощренном уме крутится миллион разных мыслей.

— Как на счёт того, чтобы я сделал тебя королевой на ночь? — наконец, говорит он.

Я с подозрением на него смотрю. Но, прежде чем могу разгадать намерения, цепочка маленьких мерцающих огоньков появляется за плечом Деса. Когда они приближаются, я слышу шелест маленьких крыльев. Светлячки. Целый рой. Они летят в одну аккуратную линию. Мой взгляд перемещается на Деса, который мягко улыбается. Это явно его работа. Мерцающие светлячки окружили меня, и, о, ужас опустились мне на макушку.

— У меня жуки в волосах, — говорю я, напрягаясь.

— У тебя корона, — поправляет он, ухмыляясь и облокотившись о каменную стену.

Он так себе корону представляет? Я ощущаю, как светлячки копошатся у меня в волосах, и призываю всю выдержку, чтобы не смахнуть их. Я не настолько боюсь насекомых. Один из светлячков падает на шарф и заползает под него, а после под рубашку.

— О, Боже! — пишу я.

— Озорные жучки, — ругает Дес, подходит и помогает мне вытащить светлячка, — держись подальше от хорошенькой груди человека.

Он только что назвал мою грудь хорошенькой? Торговец зажимает жучка в кулаке и костяшками пальцем проводит по моей щеке. Затем отступает и, разжав ладонь, выпускает светлячка. Мы наблюдаем, как жучок в пьяном полете возвращается ко мне на голову. Я едва могу разглядеть, как их мерцающие тела перемещаются надо мной. Всё так нелепо и странно, что я начинаю смеяться.

— Дес, ты пытаешься меня подбодрить?

Но, когда я смотрю на него, он не смеется. Свет насекомых отражается в глазах Торговца, смотрящего на меня с приоткрытым ртом. Дес моргает, словно возвращается к реальности, оттуда, где бы ни дрейфовал до этого и берет меня за руку.

— Пойдем отсюда. Ты голодна? — спрашивает он. — Ужин за мной.

Я сжимаю его ладонь, чувствуя, как что-то между нами изменилось к лучшему. Но не спрашиваю об этом, такое признание только отпугнет Торговца.

— Ужин с тебя? — вместо этого говорю я. — Как интересно...

Он мне порочно улыбается, в его глазах светится лукавство.

— Ангелочек, думаю, из тебя ещё может получиться феяри.

Наши дни

Я уже по уши погрузилась в работу, когда Темпер входит в бюро расследований Уэст-Кост, раскрывая настежь дверь своего кабинета. Эта женщина похожа на ураган. Я слышу, как она нажимает на кнопку автоответчика, и секунду спустя дребезжащий звук сообщения.

Потягивая кофе, я вновь проверяю список самых разыскиваемых людей. Торговец всё ещё числится третьим. Те ниточки, за которые потянул Илай, не порвались. Полагаю, если Полития поймает меня и Торговца вместе, я стану сообщником.

«Вот же бляха».

Именно поэтому я и храню секреты. Мы с законом редко согласны.

— О-о-ого-о-о! — раздаётся возглас Темпер из другой комнаты. Я слышу цокот каблуков, когда она спешит в мой кабинет. — Подруга, — говорит она, драматически останавливаясь перед моей дверью. Сегодня ее волосы спадали свободными волнами с плеч, — ты слышала...

— ... о клиенте с предложением в сто тысяч? — заканчиваю я за неё и поворачиваюсь в

кресле, каблуки моих сапог скребут по столешнице. — Ага, я уже подготовила файл для него.

Рассматриваемый клиент оборвал и мне телефон, прося заняться его делом. Какая ему нужна помощь непонятно, только он был готов заплатить королевское вознаграждение за работу. Я терблбу файл, который для него сделала.

— Он кажется немного подозрительным, — признаюсь я. Недостаточно, чтобы отказать, но хватает, чтобы насторожиться.

Темпер фыркает.

— Если ты не согласишься, я его возьму. Мне нужно сделать ремонт на кухне.

— Да возьму я это дело, возьму, — ворчу я. — Кстати, — я хватаю пачку файлов слева и бросаю ей, — эти официально твои.

Она ловит папки и просматривает их.

— Великолепно. Ох, посмотрите-ка на эту прелесть: мне нужно проклясть парня, избивающего жену. Бедняжка, он даже не представляет, во что ввязался. — Темпер выдвигает кресло. — Ладно, мне лучше вернуться к работе. Так много преступников, так мало времени... — она останавливается, когда ловит мой взгляд. — Эй, ты держишься?

Должно быть, она замечает моё внутреннее смятение, отражающееся на лице. Моя личная жизнь никогда не была великолепной, но прямо сейчас все хуже некуда.

Я приподнимаю плечо.

— Ну.

— Ну, хорошо или, ну, плохо?

— Ну, я не уверена, — отвечаю я.

Она наклоняется над столом и кладёт свои руки на мои.

— Я была плохим другом. Предполагала, что с Илаем у тебя... просто легкий флирт.

Я вытаскиваю свои руки из-под её и отмахиваюсь.

— Прекрати говорить глупости. Это не из-за Илая.

— О, ладно, — она расслабляется и выпрямляется. — Я чувствую огромную вину. — Темпер хмурится, когда сжимает мои руки снова. — Эй... что не так?

Я ставлю кружку с кофе и тру лицо.

— Моё прошлое.

— Ах, — говорит Темпер. — Мистическое прошлое, о котором ты мне всё ещё не рассказала...

— Расскажу, — настаиваю я, — просто... — *«Хочешь, покажу? Ты бы наслаждалась, Калли. Я уверен в этом».* Я настолько отчётливо слышу голос Деса, словно он сам находится в комнате, — ...не знаю, что чувствую по этому поводу на данный момент, — заканчиваю я.

Темпер сочувственно кивает.

— Отлично, отбросим разговоры. Хочешь выпить сегодня вечером, дебоширить, зля бармена, и подцепить пару холостяков?

— Эм, давай в другой раз. Пить и цеплять парней не входит в мои ближайшие планы.

— Эм, ну ты дашь знать, если что-то будет не так, верно? — спрашивает она.

«Нет».

— Конечно.

— Ты такая врушка, Калли, — отвечает Темпер, качая головой. — Отлично, расскажешь, когда будешь готова.

Но, когда дело доходит до Торговца, существует одна деталь: я не уверена, что когда-

либо буду готова поделиться.

Разобравшись с разными мелочами, в том числе запомнив перечень вопросов, которые дал мне Торговец прошлой ночью, я вышла из офиса и направилась допрашивать главного подозреваемого по одному из дел, над которыми работаю. Большинство моих дел очень просты: загонять в угол людей, применять на них чары и заставлять рассказывать всё. Сегодня я занимаюсь делом о пропавшей без вести дочери клиента.

— Где она? — спросила я, скрестив руки. Подозреваемым был двадцати четырёхлетний Томми Вайзел, местный торговец наркотиками, исключенный из колледжа, и бывший парень шестнадцатилетней Кристин Скотт, которая пропала. Томми сидит на табуретке, не двигаясь с места благодаря моим чарам. Он ёрзает, не в состоянии встать, его горло дергается, словно Томми пытается подавить ответ. Как обычно, все напрасно.

— Она-она в подвале, — говорит он с дрожащей верхней губой. Как только слова произнесены, Томми хмурится. — Ты тва... — Остальная часть ругательства умерла в его глотке.

Я отдала ему ещё один приказ: никаких ругательств и никаких оскорблений. Для его же блага. Сирена во мне ничего не любит сильнее, чем наказывать с особой жестокостью.

— Как Кристин попала в твой подвал? — спрашиваю я.

Томми облизывает губы, находя взглядом мой телефон, лежащий вне его досягаемости и записывающий видео с признанием.

— Я... проводил её туда, — отвечает он.

Я приподнимаю уголок губ, подаюсь ближе к Томми и касаюсь его лица тыльной стороной светящейся ладони.

— Проводил? Это ты пытаешься умничать? — я цокаю языком, качая головой. — Хорошая попытка. Теперь давай перефразирую: Кристин там против воли?

Он жмурится, когда пот стекает по его лбу.

— Отвечай.

— Да-а-а. — Он выплевывает слово, затем начинает тяжело дышать, пытаясь восстановить ритм дыхания. Томми принимается топтать ногами и разочарованно кричит. — Ты суч... Его ругательство прерывается бульканьем.

Я склоняюсь ещё ближе, игнорируя его сальные волосы и несвежий запах, исходящей от одежды. — Вот как ты поступишь, — говорю я. — Ты выпустишь Кристин, сдашься полиции, с которой будешь сотрудничать, и признаешься во всем. И никогда вновь не причинишь вред Кристин, её семье или другим девушкам или бывшим девушкам. — Он вздрагивает, когда мои чары берут его под контроль. — Теперь встань и освободи девушку.

Без дальнейших приказаний Томми ведёт меня к Кристин, которую спрятал в подвале. Спустя несколько минут, плачущая Кристин и я стоим в прихожей дома Томми. Наркодиллер выглядит испуганным и злым, вынужденный стоять в десяти футах от нас благодаря ещё одному отданному приказу. Я подвожу Кристин к входной двери, используя рукав куртки, чтобы повернуть ручку. Никогда нельзя быть излишне осторожной, и не стоит

оставлять следы. Такие парни, как Томми, иногда хитрее, чем кажутся. Я вывожу Кристин, затем останавливаюсь и оглядываюсь на Томми, который не сводит с меня глаз.

— Запомни мои слова, — говорю я, — ты собираешься признаться прямо после этого. — Начинаю закрывать дверь, но вновь останавливаюсь. — Ох, и меня никогда здесь не было.

Вернувшись домой, я бросаю вещи и направляюсь в спальню, чтобы захватить купальник. Сегодня собираюсь поплавать в океане. Раз я официально не пью, плавание один из способов снять напряжение. А общаясь, день за днём с одними из самых жадных и наименее щепетильных людей в Лос-Анджелесе, я сильно напряжена.

Я прохожу мимо гостиной, когда входная дверь трещит, затем раздается скрежет металла, и кто-то ломает ручку. Спустя секунду дверь распаивается. У меня достаточно времени, чтобы призвать сирену. Но внутрь врывается знакомая фигура. Я прижимаю ладонь к груди.

— Дерьмо, Илай, — говорю я неземным голосом, — ты испугал меня. И затем понимаю, что Илай только что ворвался в мой дом. — Я вновь смотрю на дверь. — Ты... ждал меня?

Он не отвечает, и выражение его лица заставляет насторожиться. Илай пересекает коридор, полностью сосредоточив внимание на мне. Не говоря ни слова, он сокращает последнее расстояние между нами, обнимает и жестоко целует меня.

— Эй, — говорю я, едва сумев отстранить лицо от него. Практически всё тело прижато к нему. — Что происходит?

Шестеренки в моей голове с трудом крутятся. Илай у меня дома и обнимает меня.

— Я должен был увидеть тебя, детка. — Он снова меня целует, чем ещё больше приводит в замешательство. Я прерываю наш зрительный контакт и смотрю на календарь. Полнолуние...

— Илай, тебе не стоит быть здесь.

Прошел всего день после полнолуния, а чем ближе к нему, тем сильнее в оборотне животная сторона. Это опасно для не-оборотней поблизости.

— Я не мог оставаться в стороне. — Его губы накрывают мои, а я изо всех сил пытаюсь не взбеситься, но его руки дрожат, и я чувствую, что Илай пытается сохранить человеческую форму.

— Почему никто не остановил тебя?

— Никто не встречается в дела пар, — говорит он, делая физически всё возможное, чтобы оставаться рядом.

«Дела пар».

«Дела. Пар».

Нет.

Нет, нет, нет.

Мне кажется, что я начинаю задыхаться от переживаний. Я всего лишь хотела

поплавать, а вместо этого... получила кучу негодования.

— Но я... я не твоя пара, — отвечаю я. И даже не его девушка. Больше нет.

Я слышу, как низкое рычание вырывается из его горла.

— Я собирался попросить. Сразу после возвращения собирался попросить.

О-о-о.

— Попросить о чём?

«Пожалуйста, не проси о том, о чём я думаю».

Мы встречались всего полгода, и я всё ещё привыкаю, что его зубная щётка стоит в моей ванной комнате. И всё это время он стремился к большему: к большему количеству прикосновения, к большей интимности, к большей откровенности... просто к большему.

Он делает довольно длительную паузу и смотрит мне в глаза.

— Попросить тебя быть моей парой.

Наверное, я самый ужасный человек в мире, потому что от его слов меня бросает в дрожь. Не от приятных чувств.

— Э-э-э. — Я не могу отодвинуться от него, пойманная в ловушку рук. Сейчас, он действует по-звериному. Илай, в основном, открыто проявлял чувства, но никогда не был таким... никогда не сходил с ума от необходимости отметить и заявить свои права на меня.

Мой взгляд скользит к окну, за которым наступают сумерки.

— Нам следует поговорить об этом, когда полнолуние не настолько близко. «Когда я пойму, что ты не собираешься превращаться в большого злого волка».

Его грудь дрожит от рвущегося наружу рычания.

— Я не хочу об этом говорить, Калли. Не хочу анализировать свои чувства к тебе. Хочу услышать твоё согласие и затем трахать, пока ты не начнешь повторять мое имя, как заклинание.

Вот как этому мужчине удалось оказаться в моей постели в первый раз. Благодаря сексуальным манипуляциям. Или оральным... или он в курсе, в отличие от меня, как завоевать сирену.

— У меня есть кольцо, — говорит он, целуя меня в подбородок, пока его ногти превращаются в когти, затем вновь становясь человеческими ногтями. — Дерьмо, — ругается Илай, когда проглядывает его человеческая сторона, — всё не так, но просто будь моей.

Взрослый мужчина, настолько сексуальный, как Илай, просто не может говорить такое. Моё женское начало хочет возобладать над разумом.

— Пожалуйста, Илай, — говорю я, когда он трётся своей щекой об мою, помечая своим запахом. — Нам нужно поговорить об этом.

Стоп. Что я творю? Это не переговоры. Нечего обсуждать. Когда рвёшь отношения, ты не обязан объяснять почему, насколько бы дерьмовой ни была причина. Кроме того, я уже ему объяснила.

В его груди зарождается рык.

— Отлично, мы поговорим позже.

Он продолжает поцелуй с той животной страстью, с которой вошёл в мой дом. Только сейчас Илай свирепее обычного. Мужчина уступает зверю, как раз когда солнце заходит. Я не знаю, что предпринять. Я порвала отношения с этим мужчиной, а он ведёт себя так, словно ничего не было. Я отстраняюсь на достаточное расстояние, чтобы сказать:

— Мы расстались.

— Я думал об этом после нашего разговора. — Он целует меня, затем снова отстраняется. — Какой бы парой я был, если бы бросил тебя, когда ты во мне нуждаешься?

Альфа в нём говорит, что разговору конец, на несколько мгновений я подчиняюсь. И зажмуриваюсь из-за его доминирующей ауры, той же самой, которую он излучал, когда обнял меня, а я просто не заметила. Он не может решить, что мы снова вместе. И даже если ему не претит тот факт, что я оказываю внимание двум мужчинам одновременно — а альфа никогда не согласится быть второй скрипкой — меня это не устраивает.

Он начинает скользить руками по моему телу. Всё происходит слишком быстро.

— Подожди, Илай, — говорю я. Но он не слушает меня, а слушает моё тело, которое наслаждается прикосновениями. — Илай, — повторяю я, даже когда сирена выходит на поверхность. — Его руки скользят в мои штаны и... — Илай, остановись. В моем голосе появляются приказные нотки благодаря сирене.

Илай замирает, подчиняясь моему голосу.

Я заставила альфу подчиниться своей воле. Плохо, плохо, плохо. Но, что важнее, я просто зачаровываю Илая, мужчину, который заявил о своей любви ко мне, охотника за головами, который работает на стороне закона. Я поимела его всеми способами, но именно этот доставляет мне наслаждение.

— Ты... зачаровала меня? — Его голос становится грубее, словно хищник пытается вырваться на свободу.

Я сглатываю.

Я зачаровывала Илая раньше. Бывают определенные ситуации, когда это неизбежно. Но всегда действовала осторожно, не отнимая волю. А секунду назад именно это и произошло.

Стеклянные балконные двери позади меня разлетаются на осколки, и ночь заполняет комнату. С ней приходит угрожающая волна, настолько ощутимая, что волосы встают дыбом. Дес выходит из теней, каждый мускул в его теле напряжен.

— Ну, разве не милое зрелище, — говорит он, имея в виду нас двоих.

Илай рычит, так низко и грозно, что у меня начинают бегать мурашки, а рык направлен не на меня.

— Ты, — выплевывает он.

— Я, что, пёс? — бросает Дес, скрещивая руки на груди.

«Пёс?» Торговец просто предполагает, что Илай оборотень, или ему это точно известно? Я не говорила Десу об Илае, когда он просил рассказать об отношениях...

— Дес, — предупреждаю я.

Илай толкает меня себе за спину, словно Торговца сейчас мы должны бояться.

— Держись подальше от этого, Калли, — приказывает он. Теперь ясно, что именно в наших отношениях было не так. Илай принял на себя командование и решил, что я подчинюсь. С тем же успехом он мог потыкать в осиное гнездо палкой.

— Я не думаю, что ты в том положении, чтобы отдавать приказы, — говорит Дес. Затем склоняет голову. — Ты действительно думаешь, что кто-то вроде Каллипсо хочет от тебя что-то большее, чем член? — говорит он, делая шаг вперёд и ведя за собой ночь. Я чувствую, как притяжение магии Десмонда выманивает меня из-за спины Илая, который рычит громче скаждой секундой. — Что ты можешь дать ей кроме этого? — продолжает Торговец. — Интеллектуально стимулирующие беседы? — Его глаза скользят по шести футам неповоротливого, едва сдерживающегося оборотня. — Однозначно, нет. Уверен, она получит это в другом месте.

Рычание Илая становится настолько громким, что я могу поклясться, будто весь дом вибрирует.

— Если ты её тронешь... — Илай еле выговаривает слова. — Если положишь хоть одну руку...

Дес зловеще ухмыляется.

— Я уже дотрагивался до неё рукой. И ртом. И остальными частями тела...

Илай издаёт рык, его мускулы напрягаются. Думаю, что он собирается наброситься на Торговца, но вместо этого делает неуверенный шаг вперёд, его кожа покрывается рябью. Я никогда не видела обращений, но, Боже мой, вскоре увижу. Меньше чем через минуту Дес и я окажемся в ловушке в комнате с оборотнем.

Вот почему оборотни держатся подальше от не-оборотней во время полнолуния. Если конечно, не хотят сделать конкретного не-оборотня оборотнем.

Именно поэтому Илая здесь быть не должно, так?

Он знал, что я не хочу меняться, и даже если бы хотела, всегда должна быть под рукой ведьма, на случай если обращение пойдёт не так, или тело станет слишком слабым, или возникнет другое осложнение. Но Илай был не в том настроении, когда пришёл, поскольку его разумом уже почти полностью завладел волк.

— Ты не обратишься, — голос Деса эхом разносится по всей комнате, и я чувствую касание магии, направленной на Илая. — Не в этом доме, не так близко к той, кого ты считаешь своей... парой.

«Как много из разговора он услышал? Сколько уже знал?»

Грубое рычание, исходящее от Илая, прерывается скулением. Он поворачивается ко мне, его глаза стали янтарными и в них нет ничего от мужчины, который был мне дорог. И всё же я не боюсь его. Защитный инстинкт присущ Илаю с рождения, а я часть его стаи. Но он причинит вред Десу, которого считает конкурентом. Который пришел на его территорию, распоряжаясь его — тьфу — парой. И который не отрывает своего взгляда с меня. Я чувствую его растущую потребность забрать меня.

— Илай, — говорю я тихо, не отрывая от него взгляда, пока вкрапления коричневого появляются в его радужке.

Я начинаю расслабляться, когда он выпрямляется. Но затем Илай поворачивается в сторону Деса, и рычание вновь вырывается из груди. Что-то заставляет его щелкнуть зубами. Оскалившись, он атакует Деса.

Моё сердце почти останавливается. Меня охватывает страх, подобного которому я не испытывала долгое время.

— Илай, не трогай его. — В этот раз при использовании чар я понимала, что делаю. Мой голос становится сильным и твердым. Илай останавливается недалеко от Деса, связанный моей магией. Я переступаю черту и понимаю это. Но плевать. И это пугает настоящего. Я забрала свободу воли Илая, но чувствую только облегчение от того, что Дес не пострадал. Я ощущаю панику, полнейший ужас... И встречаюсь взглядом с Торговцем. В его глазах невозможно ничего прочесть.

— Время уходить, ангелочек, — говорит он, пока Илай пыхтит от замешательства, всего в футах от него.

Я озабочено смотрю на оборотня. Илай мог бы простить использование на себе чар один раз. Но дважды?

Ни за что.

Он издает лающий звук, который режет меня изнутри.

— Калли, нет, — говорит оборотень. Он вновь начинает сутулиться, его карие глаза наливаются золотом. Даже магия Торговца не может удерживать изменение долго. Я в замешательстве, понимая, что стою... на перепутье.

С одной стороны Илай и всё, что он представляет, с другой — Дес.

Если Илай убьет Торговца, то я освобожусь от всех долгов. Десмонд, вероятно, заслуживает смерть, а с его исчезновением, я получу ещё один шанс на жизнь с Илаем. И в итоге стану его парой. Так легко сказать да, принять жизнь, о которой мечтают тысячи женщин. Но, в итоге, Илай захочет изменить меня. Он уже начал поднимать этот вопрос... а щенки. Обратни жили большими семьями. Я стану его женой и матерью его многочисленных детей. Я не смогу быть просто Калли, а буду его Калли. Мне придётся стать послушной, подчиниться ему, как и остальные в его стае. Придется поставить нужды стаи превыше своих.

Или я могу уйти с Десом, который ничего не гарантирует, который оставил меня много лет назад, чтобы потом вернуться в мою жизнь и который не хочет меня менять. Дес не предложил мне ничего кроме надежды и страдания. Дес — мой друг. Моя тайна.

Дес.

«Дес».

Вот мой ответ.

Илай был чьей-то мечтой, но... не моей.

— Я всегда буду оберегать тебя, Илай, — говорю я, — но тебе нужно вернуться к своему народу.

— Калли. Его голос надламывается. Его боль уничтожает меня. Я не хочу причинить ему вред. Тени обступают меня. Внезапно Дес обнимает меня за талию.

— Ангелочек, нам нужно идти.

Вид нас вместе становится последней каплей для Илая. Его глаза полностью наполняются золотом, и в них уже нет искры человеческого разума. Волосы растут на коже. Спина сгибается, мускулы идут рябью. Он запрокидывает голову и воет, от этого звука каждый нерв в моём теле встает дыбом.

Ночной воздух кружится вокруг меня, пока Дес тащит меня в сторону заднего двора. В момент, когда Илай опускается на четвереньки, я отбрасываю осторожность, на бегу хватаю Деса за руку и тяну его за собой. Торговец подхватывает меня на руки, когда леденящий душу вопль разрезает воздух позади нас.

— Держись, — говорит он, когда Илай бросается в погоню.

Блин, огромный чёртов волк.

Тело Торговца напрягается, и затем он отрывается от земли. Я мельком вижу, как зубы Илая хватают воздух там, где еще секунду назад была нога Деса. Затем слышу жалобное завывание, пока мы поднимаемся в воздух, и этот звук преследует нас.

Я кладу голову на грудь Деса, чувствуя, как его руки обнимают меня крепче.

К лучшему или худшему, я выбрала его. И не жалею.

Январь, семь лет назад

— Почему ты не возьмешь меня с собой? — спрашиваю я.

Мы с Торговцем сидим в кафе «У Дугласа», мягкий свет раскрашивает окружение. На улице идёт снег. Дес откидывается на спинку стула, лениво помешивая кофе.

— Собрать оплату с клиентов? — он приподнимает бровь. — Этого не произойдет.

— Почему? — спрашиваю я. Или пытаюсь спросить... выходит больше похожим на нытье. Мне нужно подавить дрожь. Я совершенно не хочу, чтобы Дес считал меня инфантильной.

— Ангелочек, ты когда-нибудь рассматривала вероятность, что я кое-что не хочу тебе показывать?

— Я не невинная, Дес, — говорю я. — И уже в курсе твоих дел. — Я сама всё видела когда впервые его вызвала. — Добавь бусину. Позволь мне пойти.

Он наклоняется вперед, толкая стол.

— Ты глупышка, — Дес рычит, когда я тянусь вперед и придерживаю свою чашку. — Эти бусины не шутка.

— Если ты так против них, то перестань их раздавать, как конфеты. — Я понимаю, что дразню его, но часть меня — необузданная, упрямая часть — хочет увидеть, как Дес потеряет контроль.

Черты лица Деса становятся резкими.

— Хочешь знать, чего в конечном итоге будут стоить мои дары? Отлично, я покажу тебе. Возможно, тогда ты начнешь держаться подальше.

Он допивает кофе и встает, его стул со скрежетом отъезжает. Подождите? Мы сделаем это сейчас? Когда я медлю вставать со стула, Десмонд машет рукой. Мой стул начинает наклоняться, заставляя меня встать. Вокруг никто этого не замечает. Я едва успеваю схватить пальто и последний пирожок, прежде чем Торговец хватается меня за руку и тащит на улицу. Снег цепляется за волосы, пока мы идём по улице. Практически мгновенно холодный воздух проникает под одежду. Возможно, это была плохой идеей.

Тени Деса вьются вокруг нас, словно дым. Всю дорогу до кладбища Дугласа, где расположены ближайшие лей-линии, он молчит. Лей-линии — по сути — сверхъестественное шоссе. В ткани нашего мира есть определенные петли и разрывы, которые являются точками входа, или порталами, на эти лей-линии. Оттуда, если ты определенный тип существ — скажем, фейри или демон — который знает, как управляться с лей-линиями, ты можешь перемещаться по миру и между мирами. Это объясняет, как Дес мог быть королем Потустороннего мира, но приходить на Землю и заключать сделки со смертными.

Когда мы добираемся до старой части кладбища, где надгробия такие старые и ветхие, что большинство имён и дат стёрлись, Торговец, со стиснутыми зубами, притягивает меня ближе и обеспокоенно на меня смотрит.

— Не заставляй меня пожалеть об этом.

Прежде чем я успеваю что-нибудь сказать, окружающая обстановка исчезает. Спустя секунду надгробия сменяются зданиями и каналами. Я осматриваюсь с широко открытыми

глазами.

— Венеция, — выдыхаю я.

Я всегда хотела здесь побывать. И мы оказались здесь по щелчку пальцев Торговца. Преимущества дружбы с королём фейри.

— Держись ближе, — предупреждает он.

— Я никуда не собираюсь, — бормочу я, идя следом. Дес практически до боли сжимает мою руку. Мы вдвоём пробираемся по переулкам, и я морщусь нос от запаха сточных вод. Когда достигаем маленькой, обшарпанной двери, Дес останавливается. Я смотрю на него. Его челюсть напряжена, в серебристых глазах застыл лёд. Все ещё злится. Эмоциональный фейри. Не похоже, что ему пришлось взять меня. Он — король, черт побери; уверена, что «нет» — первое слово в его словаре.

Я слышу, как открывается замок, и этот звук вырывает меня из размышлений, затем дверь перед нами распаивается сама собой, открывая тёмный коридор. Именно такое место ты не станешь посещать, если захочешь держаться подальше от неприятностей. Думаю, поэтому Торговец решил прийти сюда.

Дес заходит в коридор и тянет меня за собой. Дверь за нами закрывается.

— Ну, до чего же уютно, — говорю я.

— Тише, ангелочек, — говорит он, — и, пока мы на объекте, постарайся не говорить.

Я показываю ему язык.

— Я всё видел, — говорит Дес, не поворачиваясь. У него глаза на затылке?

Мы движемся вглубь дома, спускаемся по лестнице и достигаем тускло освещенной области, где стоят лишь столбы линий электропередач, цементные мостки и огромные, похожие на бочонки буйки. И между мостками, и под буйками стоит вода. Много, много воды.

«Венеция тонет», — вспоминаю я.

Мерзкий на вид мужчина с залысиной и огромным животом выходит из теней.

— Я позвал тебя час назад, — говорит он с сильным скандинавским акцентом, швыряя визитку Торговца. Дес наблюдает, как она падает на землю.

— Я не твоя марионетка, — возражает Дес. — Не нравится ждать меня, позови кого-нибудь ещё.

Торговец заставляет своих клиентов ждать? У меня создалось впечатление, что ко всем он приходит так же быстро, как ко мне. Теперь я ощущаю себя особенной.

Мужчина кивает на меня:

— Кто это? — спрашивает он.

— Не твое чертово дело. Не смотри на нее, — отрезает Торговец.

Но мужчина ничего не может поделать. Я сирена, и привлекаю внимание. На его лице появляется голод, стоит ему окинуть меня взглядом. Я чувствую, как воздух вокруг начинает вибрировать от силы Деса, а темнота в углах комнаты шевелиться. Мне не нужно смотреть на Торговца, чтобы знать о его напряжении.

— Слушай, что говорит Торговец, — приказываю я мужчине, добавляя силу в голос. Нехотя он отрывает от меня взгляд. И теперь я чувствую желание помыться. Фу, этот мужик годится мне в отцы.

— Что ты хочешь? — спрашивает Дес, скрестив руки.

— Хочу, чтобы моя дочь попала в Королевскую Академию искусств.

Также известная, как сверхъестественный эквивалент Джульярдской школы ^[2]. Эта

школа сценических видов искусства, которая принимает студентов с особыми способностями.

Торговец присвистывает.

— Последнее, что я слышал, почти все места на следующий год заняты. Мне придется потянуть за множество ниточек...

— Ты знаешь, в чём я хорош, — говорит мужчина.

Я слышу мягкий плеск воды, когда она соприкасается с буйками и мостками.

— И что ты дашь мне? — спрашивает Торговец.

Мужчина прочищает горло.

— У меня есть информация о нескольких входах в лей-линии, которые Палата коммонеров собирается уничтожить.

Палата коммонеров — это правительство сверхъестественного мира. Не важно, американец ты, аргентинец или австралиец, пока ты сверхъестественное существо, должен следовать их законам.

— М-м-м, — тянет Торговец, — мне нужно кое-что лучше. Если хочешь заключить сделку, предотврати согласование этого.

— Невозможно, — говорит мужчина. — Это желание общности. Люди беспокоятся о своих домах и окрестностях. Рост подменышей среди жителей...

— Удачи с будущим дочери. — Торговец кладёт руку на мою спину и начинает уводить оттуда. Полагаю, что вот так просто сделка аннулируется. За нами мужчина выпаливает несколько извинений и оправданий.

Мы почти доходим до лестницы, когда слышим:

— Подожди... подожди! Хорошо, я это сделаю.

Я кошусь на Деса. Подлая улыбка появляется на его лице.

— Тогда сделка заключена, — говорит Торговец, не потрудившись глянуть через плечо. — Убедись, что закон не примут. Будет обидно, если твоя дочь не поступит ни в одно заведение, куда подавала заявку.

И с этими словами мы уходим.

На улице Венеции я смотрю на Деса.

— Это было довольно безразлично, — говорю я, когда мы начинаем идти, а мои сапоги цокают по брусчатке.

— Это бизнес, ангелочек. Если хочешь ходить со мной, лучше привыкнуть к такому... и даже худшему.

— Да, да, ты плохой чувак.

Он кивает на мой браслет.

— Однажды тебе придётся вернуть долг. Теперь ты напугана?

Немного. Но затем я смотрю в глаза Десмонда, и появляется чёткое впечатление, что он не желает моего страха. Несмотря на попытки запугать, он не хочет меня отталкивать. Думаю, мы оба этого не хотим.

— Испугалась бы, если бы не твои волосы, забранные в девчачий хвостик, — говорю я, протягивая руку к кончикам его светлых волос.

Он ловит мою руку.

— Ты показываешь плохие манеры, издеваясь над фейри. Мы известны своей обидчивостью. — Несмотря на угрозы, в его глазах мелькает волнение.

— Извини, — говорю я, — твой хвост выглядит очень мужественно. Прямо возникает

желание, отрастить бороду, только глядя на него.

— Болтушка, — говорит Дес ласково.

Мы идём вдоль Гранд-канала, обходя туристов. Я смотрю на лодки, скользящие по каналу, на сувенирные лавки и рестораны, тёплый свет которых освещает улицы. Венеция. Она даже более удивительная, чем я предполагала.

— До отъезда мы можем покататься на гондоле? — спрашиваю я.

Уголки губ Торговца приподнимаются, когда он смотрит на проплывающую мимо лодку.

— Зачем бы мне?..

— А заскочить в один из тех сувенирных магазинов, чтобы я смогла сделать маску?

А ещё я хочу мороженого... и, возможно, бутылку из выдувного стекла, но не рискую настолько испытывать удачу.

Он стонет.

— Ты когда-нибудь слышала фразу «Не смешивай дело с удовольствием»?

Лукавая улыбка озаряет мое лицо.

— Ой, то есть, ты причисляешь меня к удовольствиям? — Моё сердце колотилось слишком громко.

Торговец сурово хмурится.

— Я определённо влияю на тебя.

Это так.

— Да ладно, будет весело, — говорю я, хватая его руку и таща к небольшому участку вдоль канала, где ожидают несколько гондол.

За спиной Торговец говорит:

— Если я соглашусь на это, то ты сделаешь мне одно одолжение...

Я сделаю ему одолжение?

— Да, что угодно.

— Пожалуйста, верни мне мои яйца к концу вечера.

Наши дни

Хотя нас с Илаем разделяет океан, даже после приземления перед домом, Дес не спешит отпускать меня. Вместо этого, его когтистые крылья задевают мои волосы, когда заворачивают нас в кокон безопасности.

— Дес?

Его крылья дергаются. Он судорожно вздыхает.

— У меня не выходит из головы, что с тобой могло что-то случиться, — шепчет он охрипшим голосом. — Перед глазами стоит картинка, как ты обращаешься в животное. Я боялся, что не успею. — Он дрожит всем телом.

Сейчас я чувствую себя странно уязвимой рядом с ним. Возможно, из-за искренности слов, ведь Дес всегда старался прятать чувства под остроумием и хитростью. Может, из-за страха, который появился, когда я увидела, что Илай бросился на него. И, вероятно, из-за обьятий, после того как я выбрала эту жизнь, а не ту, что оставила в своем доме.

Положив ладонь на щеку Десмонда, я прислоняюсь своим лбом к его.

— Спасибо, что пришел за мной, — говорю я, всё ещё боясь того, что могло бы произойти без него.

— Ангелочек, — говорит он серьёзным тоном, — я всегда приду за тобой.

Мы стоим неподвижно еще минуту. Довольно мило находится под защитой его крыльев, но я начинаю нервничать от необходимости почувствовать твёрдую землю под ногами.

— Дес, — говорю я, — можешь отпустить меня.

Он, нехотя, ставит мои ноги на землю, но не выпускает из объятий. Его крылья раскрываются, но не складываются красиво за спиной, а раздвигаются и выгибаются, выглядя будоражащими.

— Он пришел к тебе во время одного из дней Священной семидневки, — говорит Дес. — Думал, что ты его пара, и сознательно подверг тебя опасности. — Теперь его крылья вздымались вверх, сердито хлопая, а когти выглядели довольно острыми. Дес отпускает меня. — Он не настоящая пара, если допустил такое.

Дес, конечно, прав, но я даже не думала о себе в тот момент. Стоит закрыть глаза, и вижу только, как Илай бросается на Деса. Он бы его убил.

И тогда меня поражает другая мысль.

— О, Боже, — говорю я тихо. — Мы оставили полностью перекинувшегося вервильфа в спальном районе.

— Я уже позаботился об этом, он не сможет выйти за пределы твоего дома в течение этой ночи. Надеюсь, к утру он вернёт себе контроль. — Дес смотрит на меня виновато. — Сожалею о твоём доме.

В данный момент меня радует, что Илай не может больше никому причинить боль.

И затем еще одна ужасающая мысль поражает меня.

«Я не смогу вернуться домой сегодня».

Только если не хочу встретиться со злобным оборотнем. Я тру лицо, вспомнив, что зачаровала, а затем отвергла альфу. Когда к нему вернётся здравый рассудок, Илай сможет выписать ордер на мой арест. Даже если он решит не выдвигать обвинения, сделает что-нибудь, чтобы наказать меня за чары, отказ и унижение. Альфа в нём потребует большего. Он знает, где я живу, и ранее дал ясно понять, что запертая дверь не остановит его от проникновения. Сегодня я не могу вернуться, но смогу ли завтра? Или следующей ночью? Или послепослезавтра? Буду ли чувствовать себя в безопасности, зная, как легко он вламывается и как быстро

оборачивается? В глазах Деса появилась печаль.

— Ангелочек, мой дом — твой дом, — говорит он, читая мои мысли, — пока тебе это нужно.

Я смотрю через плечо на просторный дом за спиной. Всю мебель, что Дес заставил меня купить, он должен был поставить в единственной комнате для гостей. В комнате, в которой, скорее всего, я остановлюсь. И когда Дес противостоял Илаю, он не выглядел удивленным или смущенным тем, что происходило в моём доме. И этому может быть только одна причина...

Я вновь поворачиваюсь к нему.

— Ты знал, — говорю я, вспоминая, как он насмеялся над моим бывшим. — Ты поцеловал меня в ту первую ночь, зная, что я с Илаем.

Во мне просыпается гнев. Торговец хорошо меня знает, понимает, что я никогда не соглашусь на отношения с двумя парнями сразу. Ему нужно только посеять зерно сомнения... запечатлеть целомудренный поцелуй на губах и намекнуть, что мы можем быть вместе. Легче щелчка пальцев, и я рассталась с Илаем.

И теперь меня ждет комната в доме Деса. Я чувствую себя мухой, пойманной в паутину

Торговца. Я играю ему на руку. Я бросила властного мужчину и оказалась с коварным.

Дес стискивает зубы.

— Калли...

— Ты для всех клиентов так делаешь? Заставляешь разрывать отношения с их парнями?

Обставлять комнату в твоём доме, предназначенную только для них?

Он подходит ко мне, его глаза блестят.

— Я не делаю этого с тобой. Не сегодня.

— Нет, ты не станешь, да? — я бросаю ему вызов. В моих венах течет огонь, который не утихает с момента возвращения Деса в мою жизнь. — Ты просто убежишь, как всегда.

Он обхватывает мое лицо.

— Разве, похоже, что я убегаю, Калли? Похоже, что пытаюсь оставить тебя в стороне?

— Но ты так сделаешь, — говорю я пылко.

Как этот разговор перетёк в раскрытии моей неуверенности?

— Ты хочешь говорить начистоту, — говорит он горячо, — так вот: это не о собаке, это о нас.

— Ты перестанешь так называть Илая? — спрашиваю я.

Торговец отпускает мое лицо и с прищуром смотрит на меня.

— Ты защищаешь его даже сейчас?

— Он всё ещё кое-что значит для меня. И я делаю ему больно. — На щеке Деса дёргается нерв.

Торговец подходит ближе, его губы изгибаются в злобной ухмылке.

— У тебя есть более трёх сотен одолжений, который ты мне должна. К тому времени, как мы закончим, ты поймешь, что Илай и все остальные мужчины были просто неудовлетворенной мечтой. А это, и только это, реально.

Январь, семь лет назад

Я ложусь спиной на кровать и играю браслетом.

— Все твои клиенты получают такие украшения? — спрашиваю я Торговца и ухмыляюсь при мысли о каком-нибудь преступнике с изящным браслетом из черных бусин. Прислонившись к изножью кровати, Дес листает журнал «Магия и Наука», который взял с моего стола.

— Нет.

Я вытягиваю руку к свету и кручу запястьем и так и этак, стараясь, чтобы бусины отразили свет, но кажется, что полированное украшение полностью поглощает его.

— А что ты даёшь другим клиентам? — спрашиваю я.

Дес переворачивает страницу.

— Тату.

Я сажусь.

— Тату? У них есть тату? — Я невозмутимо смотрю на две венецианские маски, которые мы с Десом выбрали в Венеции: одна с крючковатым носом чумного доктора, а другая с разукрашенным лицом Арлекина, висящие на стене. — Почему я не получила тату? — спрашиваю я. Браслет, который минуту назад я думала, выглядит круто, сейчас казался убогим.

Торговец закрывает журнал и откладывает его в сторону.

— Ты хочешь тату?

— Конечно, — рассеянно отвечаю я, пропуская между ушей предупреждение в его голосе. Татуировка выглядела бы более дерзкой, чем какой-то хлипкий браслет. Дес поворачивается ко мне лицом, забирается на кровать и ползёт вверх... ко мне. Останавливаясь лишь, когда нависает надо мной.

Я не могу дышать. Я, правда, не думаю, что смогу дышать. Его опасный взгляд лишает меня способности связно мыслить. Это возможно тот самый момент, когда наши странные дружеские отношения, могут перерасти в нечто большее. Я так боюсь этой возможности. Но так стремилась к ней.

Он садится на меня, его мощные, обтянутые в кожу бедра, заключают меня в ловушку. Наклонившись, Дес берет мою руку, на которой нет браслета. Моё сердце хочет вырваться из груди и бьётся, как сумасшедшее. Я никогда не была так близка к Десу. И теперь точно знаю, что никогда не буду удовлетворена, пока физически не стану ближе с ним.

Моя кожа начинает светиться, Дес проявляет любезность и игнорирует тот факт, что я чертовски завелась. Он проводит рукой от запястья до предплечья. Под его прикосновением на моей коже появляются ряд за рядом линии татуировки.

— Ты бы ходила с этим, нежели с браслетом? — спрашивает он.

Я отворачиваюсь от Деса, чтобы лучше рассмотреть метки. Они... уродливые. Никогда бы не подумала, что тату могут быть такими мерзкими. — Ты можешь носить мои чернила, — соблазнительно говорит он, — только скажи, и они будут на тебе. И тебе, Калли, это не будет стоить ни единой бусины. — Дес ждёт от меня ответа. Когда я не отвечаю, рисунок блекнет и затем полностью исчезает. — Так я и думал. — Он отпускает мою руку и

возвращается к изножью кровати. Усевшись, он берет журнал в руки и начинает листать. — Я не собираюсь помечать тебя, как какого-то обычного преступника, — говорит он через плечо, — и ты не должна желать этого. Полития обращает внимание на такое. У них бы аневризма разорвалась, если бы они увидели девушку-подростка с более чем ста татуировками.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Почему? — спрашиваю я, сжав запястье, которого он только что касался. — Это так необычно?

Он не отвечает, но потому, как неподвижно сидит, я понимаю, что Дес больше не читает. Наконец, он откидывает журнал и встаёт на ноги, проводит рукой по волосам, избегая моего взгляда.

— Мне нужно идти.

Это единственное что я получаю, прежде чем Дес разворачивается на каблуках и направляется к двери.

— Подожди! — Вскакиваю и хватаю его за руку. Как обычно, при контакте по мне пробегает мелкая дрожь. — Не уходи, пожалуйста. — Не осознано я начинаю светиться и чары, случайно, проскальзывают в мой голос.

Дес смотрит на мою руку, через которую я безумно наслаждаюсь прикосновением.

— Ангелочек, тебя окружают свыше тысяч людей твоего возраста. Мне нужно работать, а ты должна завести друзей получше меня.

— Я просто хочу быть в твоей жизни.

— Почему? — спрашивает он, вглядываясь в мои глаза.

«Потому что не могу управлять тобой. Потому что ты знаешь мои секреты. Потому что ты заставляешь чувствовать себя нормальной. Потому что, несмотря на всю логику и разум, я думаю, что влюбилась в тебя».

— Пожалуйста, — произношу я.

Но этого не достаточно. Осторожно, Дес убирает мою руку со своей и исчезает.

Наши дни

Лишь стоит подумать, что Торговец вот-вот признается в истинных чувствах ко мне, он закрывается. Мы оба напряжены, идя в дом. Я перепугалась за Илая, но больше всего за Деса. Я обхожу его и сажусь на один из высоких барных стульев.

— Итак, я остаюсь здесь на ночь?

Дес проходит мимо и прислоняется к шкафу.

— Если ты, конечно, не хочешь, чтобы я бросил тебя псу, который обратилась в твоём доме.

Я смотрю на Деса. Он же в свою очередь скользит по мне горячим взглядом. Его крылья скрыты. И моей сирене это по-настоящему нравится. Так же как и женщине. Я слезаю со стула и открываю холодильник.

— Итак, когда мы... — я задохнулась, поразившись количеством еды в холодильнике. Моей любимой еды: самса, пицца, паста, пироги, жареный рис, салат из макарон. Ради любопытства я открываю морозилку. Мороженое, мини-киш^[3], торт-мороженое... Что? Такитос^[4]? Я кошусь на Торговца. — Ты так подготовился.

Он пожимает плечом, но в глазах читается веселье. Я возвращаю внимание к

холодильнику.

— Ты собираешься откормить меня, как индейку на День Благодарения, — бормочу я.

А если серьезно. Я хватаю контейнер с шоколадным мороженым и ставлю его на кухонный островок.

— Ложка?

Он открывает ящик рядом с собой, достает ложку и кидает её мне. Я едва успеваю ее поймать, прежде чем она попадет мне в глаз. Я пытаюсь отковырять мороженое, когда замечаю рядом с Десом белый пакет. Нет. Блин. Не может быть.

— Это?.. — Я даже вслух не могу произнести.

— Французские макароны^[5] из кафе «У Дугласа», — заканчивает он за меня.

Забыв про мороженое, я встаю и подхожу к Десу.

— «У Дугласа» далеко. — На другой половине земного шара.

— Лей-линии, ангелочек, — говорит он.

— Можно? — спрашиваю я, указывая на пакет.

— Они для тебя. — Он смотрит на меня, когда я потянулась за пакетом. Он всё продумал для моего пребывания здесь. Интересно, планировал ли Дес, что вечер обернется вот так, или же в рукаве Торговца припрятано ещё кое-что. Зная, какой он обманщик я бы не сильно удивлялась. Он переводит взгляд на мороженое. Контейнер поднимается со стола и плывет к морозильнику. Одна из гладких дверей из нержавеющей стали открывается и мороженое скользит внутрь. Ложка парит через комнату, убирается обратно в ящик, который тут же закрывается. От увиденного, становится уютно, а в животе растекается тепло, какое обычно бывает от удовольствия вспыхнувших воспоминаний.

Я достаю розовые макароны и откусываю. Из горла вырывается долгий, низкий стон. Идеально.

— Дес, ты бог, — говорю я, жуя. Прошло много лет с тех пор, как я ела хоть какие-то макароны, а в кафе Дугласа они лучшие.

— Король, — поправляет он. Его губы искривляются в улыбке, делая его взгляд более светлым и озорным. Он подходит ближе, забирая и откладывая в сторону бумажный пакет, и наполовину съеденное миндальное печенье. - У тебя был ужасный вечер, Калли. — Я смотрю на него с опаской, чувствуя себя снова маленькой мошкой в паутине. — Может, отложим поездку в Потусторонний мир на утро? — Я чувствую его дыхание на коже. — Как насчёт того, чтобы повеселиться?

Пульс начинает бешено колотиться.

«Будь готова к большему, чем просто поцелую».

— Что ты имеешь в виду?

Но уже слишком поздно. Он обхватывает моё запястье и проводит пальцем по браслету.

— Время правды, ангелочек: что бы ты хотела сделать сегодня вечером?

Магия сжимает горло, дёргая за голосовые связки. Есть миллион вещей, которые мой развратный ум мог бы придумать, чтобы с удовольствием провести вечер, поэтому я очень удивляюсь, когда говорю:

— Хочу поплавать в океане.

Я думаю, что так и есть. Дес улыбается мне, на этот раз, по-настоящему.

— Ладно, тогда пошли к океану.

Он ведёт меня обратно на улицу, обнимает и летит вниз со скалы, расположенной за домом, в маленький альков пляжа. Я выпутываюсь из его объятий, слушая, как волны бьются

о скалы. Океан зовет меня, каждый всплеск манит всё ближе и ближе. Рассеяно, я снимаю обувь и носки, всё ещё чувствуя Торговца за спиной, но с тем же успехом, могла стоять одна. Я захожу в воду, слегка поморщившись от холода. Шум, запах, ласка воды успокаивают пульс.

Я дома.

В одежде я окунаюсь с головой. Затем выныриваю и снова погружаюсь. Здесь в пучине океана существует тихий покой. С каждой секундой я чувствую, что страхи и неуверенность смывает вода. Есть только я, ночь и океан. В следующий раз, когда я появляюсь на поверхности, бросаю взгляд на пляж. Дес смотрит на меня с берега, несколько прядей белокурых волос бьют его по щекам. Выражение на его лице так знакомо, словно смотрю на себя. Выражение аутсайдера.

Подплыв к берегу, я заставляю себя выйти из океана. Дес шагает вперед, видимо, думая, что я готова вернуться. Вместо этого я хватаю его за руку, потянув в ледяные волны. Дес выглядит околдованным и не сопротивляется. И это самое странное. Сирены убивали мужчин в океане.

— Калли, что ты делаешь? — наконец, говорит он, когда мы заходим в воду по пояс.

Разве не очевидно?

— Заставляю тебя, присоединится ко мне.

Мы заходим глубже, пока лишь пальцами едва касаемся морского дна. Дес окунает голову под воду и заглаживает волосы назад. Мы плывём по течению, не произнося при этом ни слова. Я дрейфую на спине и смотрю на тусклые звезды. Мир Деса над нами, а мой под. Есть что-то умиротворенное в этом.

— Знаешь, — говорю я, — я скучала по тебе. Каждый день. — И эта боль мучила меня на протяжении семи лет. Она должна была притупиться, но этого так и не произошло.

Долгое время Дес просто молчит.

— Я тоже скучал, — признается он.

Лишь намного позже вечером, продрогшие до костей, мы возвращаемся обратно. Торговец показывает мою комнату, и когда я вижу, что меня ждет гигантская кровать с балдахинном, я падаю ничком на неё, портя покрывала песком и водой.

— Ты постоянно опровергаешь теорию, что сирены грациозные существа, — говорит Дес позади меня.

Я зарываюсь в простыни.

— У меня нет одежды.

— Я за свободу тела от одежды, — говорит он.

— Дес. — Мой голос заглушают простыни.

Рассмеявшись, он кладет рядом со мной огромную, выцветшую футболку с принтом группы «Kiss» и пару боксеров.

— Это лучшее, что я могу тебе сейчас предложить.

Я смотрю на одежду.

Дес кладет руку мне на спину — каждая клеточка отозвалась на это прикосновение — и наклоняется ближе к моему уху.

— Прими по-быстрому душ, и я уложу тебя в кровать. — Слова он перемежает с покусываниями уха. Я раздраженно смотрю на него, но всё это бесполезно учитывая, что моя кожа светится так же, как и раньше, когда я была подростком и когда мои гормоны бунтовали.

— Только если ты заберешь бусину.

— Калли, Калли, Калли, — цокает он, — Я думал, что мы не платим за компанию друг друга.

Я морщусь, вспоминая те дни, когда платила, чтобы Дес скрасил моё одиночество.

— На этот раз постарайся держаться подальше от ванной, — говорю я, сползая с кровати и направляясь в душ.

— Постарайся не думать обо мне, — говорит он.

Я показываю ему средний палец.

Торговцу всё же удаётся держаться подальше от ванной в течение двадцати минут.

А мне не удается, не думать о нём.

Я вытираюсь и надеваю футболку с трусами, которые дал мне Дес. Вещи пахнут им. Я не понимала, что у него есть свой аромат, но он есть. Пахнет дымом от жжёной древесины и мужчиной. Когда я вхожу в комнату, Торговец уже устроился на моей кровати. Он смотрит на меня и комната сильнее тонет в тенях. Посреди них блестят глаза Торговца. Было время, когда я бы с радостью отдала своего первенца, только чтобы увидеть, как он смотрит на меня с моей кровати.

Теперь, же беспокоюсь. Торговец мог попросить, что угодно в качестве оплаты.

Всё, что угодно.

И я обязана буду отдать ему это.

И с таким голодным выражением лица, я понимаю направленность его мыслей. Это не значит, что я возражаю зайти с ним дальше. Я очень даже не возражаю, а нужно бы. Я могу разделить момент близости с мужчиной и ничего при этом не почувствовать. Но не с Десом.

Не с Десом.

— Я не кусаюсь, ангелочек, — говорит он, заметив мою нерешительность, и хлопает по кровати рядом. — Я тебе даже местечко оставил.

Аккуратно я забираюсь на кровать и ложусь, повернувшись к нему лицом.

— Я думала, ты не пересекаешь границ, Дес.

Он обнимает меня за талию и притягивает ближе к себе.

— Тогда тебе было шестнадцать. Сейчас... — он нежно проводит ладонью по моей руке, — я надеюсь расширить границы с тобой.

Дыхание перехватывает.

— Ты хочешь сказать?..

Он наклоняется ближе, целомудренно целует меня в лоб и встает с кровати.

— Спокойной ночи, спи крепко и не позволяй монстрам укунить тебя.

И на этой ноте Торговец уходит.

Следующим утром я, еле волоча ноги и протирая глаза ото сна, захожу в кухню Деса.

— Доброе утро, ангелочек.

От голоса Деса я воплю, словно банши, и хватаюсь за сердце. У меня светится кожа, когда сирена незаметно подкрадывается, заставляя эндшиль моего и её крика звучать

едино. Король фейри, откинувшись на одном из кухонных стульев, потягивает кофе. На нём нет рубашки, и я отчетливо вижу рукав татуировок на его левой руке. Десмонд выгибает брови и смотрит на меня, как на сумасшедшую.

— Ты... ты напугал меня, — наконец-то, отдышавшись, говорю я.

— Понятно, — произносит он с улыбкой на губах.

— Не смейся.

Я приглаживаю волосы. Сейчас они выглядят так, словно бросили вызов гравитации.

— Это не смешно, — говорит Дес, скользя взглядом по рубашке и трусам, в которые я одета, и на его лице читается страсть. Когда он смотрит на меня так, сирена отказывается уходить.

— Дес. — Предполагалось, что его имя прозвучит, как предупреждение, но выходит мурлыканьем. Чёрт. Сначала кофе, так как моя хватка на сирене не такая уж и крепкая.

— Ну, здравствую, любимая, — говорит он, одарив меня улыбкой, которую приберёт специально для сирены. Между этими двумя что-то есть. Даже когда я была подростком, и Дес четко давал понять, что дальше этого не пойдет, он всегда снисходительно относился к ней. И теперь моя хватка на ней ускользает... ускользает... Исчезает.

Моя кожа пылает, когда я подхожу к нему, слегка покачивая бедрами. Я не останавливаюсь до тех пор, пока не забираюсь к нему на колени, оседлав. Забираю кружку из его рук и кидаю через плечо. Он поднимает руку, по-видимому, чтобы не дать ей упасть на пол. Я приближаюсь к его уху, двигая бедрами, пока не слышу, как Дес стонет.

— Семь лет, подонок, — говорю я... или, скорее, сирена, так как сейчас она тут главная. Он обнимает меня за талию.

— Самого лучшего стоит подождать, Калли.

Я обнимаю его за шею.

— Правда или действие?

В его глазах вспыхивает желание, а на губах появляется улыбка.

— Пытаешься играть в мою...

— Правда: если бы ты удосужился остаться, я бы воплотила в реальность все твои грешные желания. — Я двигаю бедрами по его ногам, подтверждая слова. Я чувствую его реакцию, которая приносит мне немало удовольствия. И прижимаюсь еще плотнее, обводя языком контур его уха. - А я уж знаю, как много грешных желаний у моего тёмного короля. — Повернув Деса лицом к себе, я приближаю его к себе, пока лишь миллиметр не разделяет наши губы. Но вместо того, чтобы поцеловать, произношу: — Я собираюсь заставить тебя мучиться от боли, изнывать и изнемогать, и никак не облегчу твою агонию. Я заставлю тебя заплатить за то, что бросил меня.

Я встаю и отхожу от него.

— Ангелочек, — говорит Дес за моей спиной, — я буду наслаждаться каждой сладкой секундой этого.

Как только я делаю несколько больших глотков кофе, сирена полностью уходит.

— Боги, как же я скучал по твоей сирене, — говорит Дес.

Типично для фейри скучать по самой зловещей, вредной части меня. Я ворчу, пока хозяйничаю на кухне Деса, как на собственной, поджаривая вафли и рыская по шкафам в поисках сиропа. Он действительно в курсе о моих предпочтениях в еде. Шкаф надо мной открывается, и сироп парит вниз. Я хватаю его.

— Спасибо, — бросаю я через плечо.

— М-м-м.

Я изображаю семью с Торговцем. И это так... нормально.

Закончив приготовление вафель, я возвращаюсь к столу.

— Теперь оба наших имени в списке разыскиваемых людей, — говорит Дес, когда я сажусь рядом с ним. Мне требуется пару секунд, чтобы понять, о чём речь.

— Я в розыске? — Дес передает мне планшет, и, конечно же, я там. Под номером восемьдесят шесть. У меня отвисает челюсть. — Собственно говоря, какого хрена?

Илай совсем разум потерял. Он вломился в мой дом и перекинулся, поставив меня и Деса в опасность. И этому придурку хватает наглости поместить моё имя в Список разыскиваемых людей? Секунду спустя я понимаю, что Темпер, конечно, видела список, а это означает, что она взбешена. Я тянусь за телефоном и вспоминаю, что вчера вечером у меня не была шанса, чтобы взять его с собой. Я вновь смотрю на список и кликаю ссылку. Обвинения: незаконное использование чар и общение с Торговцем. Уверена, что из-за последнего меня и включили в этот список. Я поднимаю взгляд на Деса, когда возвращаю ему планшет. В его глазах читается желание убить. Я узнаю этот взгляд, пропитанный мстостью фейри. На протяжении многих лет, за Десом тянется след из поломанных тел его клиентов. Клиентов, которые пытались переметнуться к врагам, желающим Десу смерти. Десмонд, от моего имени, изуродовал, по крайней мере, одного человека, который пытался навредить мне.

— Что бы ты ни задумал, — говорю я, — не надо, Дес. Прошу.

Он стискивает планшет.

— Даже сейчас ты заступаешься за этого пса?

— Не хочу найти его порубленным на мелкие кусочки.

— Это слишком легкая смерть для подонка, — мрачно отвечает Торговец, бросая планшет на стол.

— Дес, ты не убьешь его. — Из всевозможных тем для разговоров, которые, как я думала, мы могли бы поднять, подобной и в мыслях не было.

Дес, вокруг которого вьются мерцающие тени, подаётся вперёд.

— Не в моем характере проявлять снисходительность, — говорит он, грубо. — Поэтому, если хочешь обеспечить псу безопасность, придется заплатить за услугу.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю я, откусывая вафлю.

Он просто смотрит.

— Думаю, ты уже знаешь.

Кусок вафли застревает у меня в горле.

«Дай мне шанс», умоляют его глаза.

Он действительно хочет большего, чем поцелуй.

— Почему, Дес? — Вопрос, к которому я все время возвращаюсь.

Он долго смотрит на меня.

— Когда-нибудь, я скажу тебе, — признается он. — Но... не сегодня.

Он делает довольно большой глоток кофе.

Я таращусь на него.

— К твоему счастью, что чары на тебя не действуют.

Он ставит чашку на стол, и я стараюсь игнорировать то, как напрягаются мышцы на его руках от движения.

— Ты бы использовала их на мне? — спрашивает он.

— Безусловно.

Сейчас он улыбается, но выглядит, как сама смерть.

— Что сильно радует меня, ангелочек.

От такого ответа я начинаю волноваться.

— Ну, — говорю я, прожевав вафлю, — ты здесь, а за окнами день.

— И?

Я поднимаю глаза и смотрю прямо на его пресс. Серьёзно, ему просто необходимо надеть рубашку.

— Разве нет какого-нибудь правила запрещающего тебе появляться в течение дня?

Он снова берет кружку.

— Я не вампир. И не испаряюсь под солнечными лучами. — Отодвинув стул, Дес встает. — Заканчивай с вафлями, пора поработать.

Моя тарелка начинает левитировать, и я хватаю её, притянув обратно.

— Только поэтому, стану есть в два раза медленнее, — говорю я, зло посмотрев на Торговца.

Дес улыбается, и тарелка снова поднимается в воздух. Когда я пытаюсь прижать её обратно к столу, то чувствую сопротивление, и мне приходится просто схватить вафли. — Ты мстительный маленький говнюк, — говорю я, зыркнув на него.

— Маленький? — Он одаривает меня драгоценной улыбкой. — Давай не будем использовать неправильные прилагательные. — Он делает последний глоток кофе и ставит кружку в раковину.

А вот мой завтрак превратился в полный беспорядок. Я засовываю последний кусок вафли в рот, а по рукам течёт сироп. Я подхожу к Десу, включаю воду и мою руки.

Дес снова окидывает меня взглядом.

— Как бы сильно ты не нравилась мне в моей одежде, — говорит он, — тебе стоит переодеться. Вещи в шкафу.

— Серьёзно? Ты запасся вещами? — спрашиваю я, пытаюсь понять, когда он проскользнул в комнату?

— Нет, — отвечает он, выходя с кухни, — она висела там всегда, просто вчера я хотел увидеть тебя в своей.

Гандон.

— Надеюсь, ты готова использовать чары на паре человек, — кидает он через плечо, — потому что через час мы уходим в Потусторонний мир.

Я глубоко вздыхаю, когда направляюсь в комнату Деса, готовиться к путешествию. Мои чары действуют лишь на земных существ. И как только мы окажемся в Потустороннем мире, я всё равно, что безобидная мошка.

Это просто визит. Мы там не останемся.

Как только я открываю дверь временного шкафа, наряд пролетает по воздуху и приземляется на кровать. Намёк понят. Я посмотрела на переливающееся платье фейри. Ткань расходится при ходьбе, открывая взору завязки сандалий, обвивающие ноги.

К слову о фейри, хоть они и бессердечные сукины дети, но с безупречным вкусом в одежде.

Торговец ждёт меня в комнате с порталом, единственной комнате, которую я ещё не видела. Я никогда не видела Деса в чем-то другом, кроме как в обыденных футболке и штанах... до сегодня.

Черная без рукавов туника обтягивает его торс. Чёрные бриджи, заправленные в высокие сапоги для верховой езды. Кожаный пояс свободно повязан на талии.

Господи. Он выглядит, как ассасин... такой сексуальный.

За Десом я вижу дверь с множеством замков. Держу пари, что магических, которых я не в состоянии увидеть, замков ещё больше. Не знаю, утешиться или же обеспокоиться такими мерами безопасности.

Смотря на меня, Дес стучит костяшками по двери.

— По ту сторону находится действующий портал, — говорит он и протягивает мне руку. — Возможно, ты захочешь держаться за меня, пока мы не сойдём с лей-линии.

Ему не стоит говорить дважды. Я беру его за руку, наслаждаясь теплом кожи. Один за другим замки падают, усиливая моё беспокойство. В памяти всплывают все старинные сказки о фейри. Монстры, прячущиеся под горами. Зубные феи, которые построили себе дворец из детских зубов. Первобытные феи, которые одним взглядом могут поработить жертву. А еще феи, которые далеко не похожи на людей, съедают их целиком, а внутренности носят, как ювелирные украшения.

Всё это ждет меня на той стороне портала.

Дверь открывается, и мы с Десом входим в круглую комнату, мои сандалии утопают в зеленой траве, с крошечными белыми и розовыми цветками. Вьющиеся лозы глицинии устилают стены и потолок. Там где стена встречается с полом, по кругу почкуются грибы. Трава колышется, а листья лоз дрожат, словно призрачный ветерок гуляет в них. Как и в большинстве порталов, законы природы здесь не действуют.

Обернувшись, Дес осматривает меня.

— Готова, ангелочек?

Черт, я серьёзно это делаю.

Кивнув, я разрешаю Десу подвести меня к центру комнаты. С каждым шагом, воздух становится плотнее, и, я клянусь, что слышу музыку, она такая тихая, что мне кажется, будто слух меня обманывает. С мучительным взглядом, Торговец притягивает меня к себе, и наше окружение исчезает.

Январь, семь лет назад

Когда Дес появляется, мне становится чертовски не по себе. Вокруг разбросаны лоскуты ткани. Моё лицо мокрое, а глаза опухшие. Я тоскливо поднимаю взгляд на Торговца, дрожа всем телом. Он скрещивает руки так, что кожаная куртка трещит.

— Кого я должен наказать?

Я качаю головой, опуская взгляд. Не знаю, почему позвала его. Я не позволяю другим видеть себя в таком виде. Но так устала от одиночества. Сегодня... сегодня был плохой день.

— Назови имя, ангелочек.

Я вытираю глаза, но не перестаю плакать, просто на мгновение слёзы прекращаются. Когда я, наконец, смотрю Десу в глаза, то вижу, что он серьёзен. Мне требуется мгновение, для осознания, что Торговец разозлён, и ещё мгновение, что зол он за меня. А я зависима от чужого мнения настолько, что чувствую себя лучше из-за такой реакции.

— Инструктор, — шепчу я охрипшим голосом.

Дес садится рядом, задевая меня широким плечом, обнимает одной рукой и притягивает к себе. В течение следующих пяти минут он позволяет мне просто плакать и портить его кожаную куртку, спрятав голову на груди. Он гладит меня по руке, успокаивая, но действие кажется немного исковерканным из-за излучаемой им угрозы. Наконец, мне удаётся собраться, и не дрожать так сильно. Я немного отодвигаюсь. Нахмурившись сильнее, он вытирает слезы с моих щек, прежде чем обхватить ладонями лицо.

— Расскажи, что случилось.

Я ощущаю злость, исходящую от него, и вдыхаю.

— Его зовут мистер Уайтчепел. Он... он пытался прикоснуться ко мне...

Но это неправильные слова, так? Он прикасался и не остановился, пока не припёр к стенке, утверждая, что я этого хотела. Что сводила его с ума весь семестр. Он замечал каждый мой взгляд с намёком. Он расстегнул мне брюки, задрал футболку...

И это всё, что успел, хотя и этого много. Я всё ещё не полностью контролирую свой дар, но страх заставляет его проявиться. Сирена приказала Уайтчепелу остановиться и отпустить меня.

Тогда я и сбежала.

А теперь я умираю внутри, вновь становясь той, кем была до того, как Торговец спас меня от прошлого. Я ненавижу своё лицо и тело, ненавижу ту, что вижу в зеркале. Ненавижу эту способность управлять людьми одним взглядом и приказом. Ненавижу в себе всё, что делает меня такой. Ненавижу, что любой может сделать меня слабой.

Мне удаётся выдавить историю, и слёзы вновь льются из глаз. Торговец снова притягивает меня к себе, и я кладу голову ему на грудь, в этот раз даже не думая ни о чём романтическом, а лишь об утешении.

— Ангелочек, я горжусь, что ты использовала силу так, — в конечном счёте, говорит Дес. Почему из-за этого я плачу сильнее, не могу сказать. — Хочешь, расскажу секрет? — говорит он, рукой глядя меня по волосам, но не дожидается ответа. — Такие люди, как он, рождены бояться таких людей, как мы, — продолжает он зловещим голосом.

Я прекращаю рыдать. Что? Что это вообще значит? И почему он мне это говорит? Я всю

жизнь была жертвой. Такие люди как мистер Уайтчепел используют людей вроде меня. По-другому не бывает.

— Это дерьмовый секрет, — решаю я.

Торговец наклоняется ближе к моему уху.

— Это правда, — шепчет он. — В итоге ты поймёшь и примешь это.

Вряд ли. Но я киваю, потому что не желаю дискутировать с Десом в данный момент. На пятнадцать секунд мне становится хорошо и я даже забываю об инциденте, но воспоминания о том, как учитель лапал меня вновь затягивают. Не знаю, сколько я плачу, но Дес обнимает меня всё время. Я не уверена, что плачу о произошедшем сегодня. Думаю, что это слёзы обо всех тех днях, когда я не смогла уйти вовремя. Вскоре, Дес переносит меня с пола на кровать, тихо напевая какие-то песни фейри. Наконец, я перестаю одержимо рыдать и просто вцепляюсь в Десмонда, словно в личное безопасное одеяло, и засыпаю в его объятиях.

Следующим утром, когда я просыпаюсь, его уже нет.

Позже я узнаю, что мистер Уайтчепел пропал, а когда его находят неделю спустя в другой стране, у него сломаны почти все кости, несколько зубов и пальцев ног выдраны, а на лице лежит визитка Торговца. Никому не удаётся разговорить его и узнать о произошедшем. Но он явно стремится обсудить своё грубое нарушение дисциплины со студентками. Студентками. Во множественном числе. Видимо, я не первая.

Дес уже не просто спаситель, но и мститель. И мне придётся смириться с тем, что мужчина, позволивший мне выплакаться у себя на груди, к тому же Торговец — преступник известный не только своими махинациями, но и непомерной жестокостью... этой же жестокостью известны и фейри.

И, Боже помоги, я не против неё.

Наши дни

Меня покачивает, пока вокруг проявляется окружающая местность, осмотревшись, я ахаю. Мы с Десом стоим посреди руин, белый мрамор блестит в лунном свете. Цветущие лианы вьются вокруг потрепанных арок и разрушенных статуй.

Потусторонний мир.

Со всех сторон доносится звук водопада, а туман от него касается моей кожи. Я оборачиваюсь, отступая назад при виде огромного, окруженного туманом, водопада, грохочущего на противоположном конце пласта, на котором мы стоим.

— Что это за место? — спрашиваю я, удивляясь своему голосу.

— Храм Вечной Матери — одной из первых богинь, которой поклонялись мои люди. — Дес вновь обнимает меня. — Держись.

Я обнимаю его за талию, Дес расправляет крылья и напрягается, начиная ими двигать, от силы каждого взмаха мои волосы разлетаются. Мы взмываем вверх, и мне удастся лучше рассмотреть руины, которые лежат на небольшом скалистом острове, выступающем посреди гигантского водопада.

Я отвожу взгляд и замечаю, как Торговец внимательно наблюдает за мной с нежным выражением лица. Чем дольше я смотрю на него, тем быстрее бьётся сердце и больше возвращается старое желание. Я хочу отвернуться, но не могу. Он начинает улыбаться, и это так сильно отличается от его обычного выражения.

— Куда мы летим? — перекрикиваю я ветер, чтобы разрушить момент.

Его объятье становится крепче.

— В мой дворец.

Туда, где Дес правит. Несмотря на мои замечания по поводу пребывания во дворце, я рада увидеть его. Не могу даже сосчитать, сколько раз я задавалась вопросом, как он выглядит.

Мы всё выше и выше поднимаемся в ночное небо, пролетая мимо облаков. Группа крошечных сверкающих фейри — пикси? — пролетает мимо, затем кружат вокруг Деса, возбужденно чирикают.

— Конечно, я вернулся, — говорит он вместо приветствия, — нет, я не принес конфет, и да, она красивая.

Я чувствую аккуратное подергивание за волосы и слышу пищащий смех. Бросив взгляд через плечо, замечаю нескольких маленьких фейри пикирующих в мои волосы и обратно и играющих, во всей видимости, в прятки. Один из них ухватился за прядь и покачивался на ветру, повизгивая от волнения.

Эм... ладно.

— Это Каллипсо, — продолжал Дес. — Каллипсо, это пикси западного ветра.

— Привет, — бросаю я через плечо, пытаюсь не возражать, что крохотные человечки используют мои волосы в качестве игрового городка.

— Фейри верят, что прикосновение пикси приносит счастье, — сообщает Дес тихо.

— Ой. — И вот я улыбаюсь.

Одна из пикси порхает надо мной и проводит рукой по моей щеке, мягко приговаривая.

— Она говорит, что у тебя добрые глаза.

Я могу слышать голос пикси, пищащий мне на ухо, пока остальные барахтаются в моих волосах и садятся мне на голову. От её слов выражение лица Деса становится пустым.

— Что такое? — спрашиваю я.

— Ничего важного.

Раздается злой писк.

— Конец дискуссии, — уже не снисходительно, бросает он крошечной пикси. — Отправляйтесь во дворец и доложите о нашем приближении.

С фырканьем пикси поднимаются в воздух, ероша мои волосы. Я смотрю им вслед, пока они не исчезают в облаках.

— Они были милыми, — говорю я.

— Угу, — отвечает Дес, выглядя отстранено.

— Что у тебя на уме? — спрашиваю я.

— Ничего, ангелочек.

Очевидно, что это ложь, но я не настаиваю.

Мы поднимаемся над очередным слоем облаков, и небо становится чистым. Океан звёзд на небосклоне сверкает ярче, чем я когда-либо видела на земле. Звёзды такие крупные, что, кажется, можно протянуть руку и коснуться их.

И затем я вижу дворец Десмонда Флинна, и все мысли о звёздах улетучиваются. Поднимающийся над облаками, замок построен из молочно-белого камня. В лунном свете он ярко сверкает, привлекая внимание к высоким шпилям и лабиринту мостов и парапетов, их соединяющим. Ниже, со всех сторон, замок окружает город, каждое здание сделано из того же белого камня. Из-за того, как облака лежат у основания города, создается

впечатление, что он плавает на пушистых перьях. Но при приближении облака рассеиваются, и я вижу основание синевато-серый горы, на которой стоит город. Остров в небе. Невозможно, и всё же, в Потустороннем мире он существует. Даже основание плавучего острова, кажется, вырезали, высекли и отшлифовали, чтобы выглядело как большинство зданий. Мне удаётся рассмотреть колонны и балконы, спиральные лестницы и мерцающие огоньки в хрустальных окнах.

— Вау, — выдыхаю я.

Боковым зрением я вижу, как Дес вновь смотрит на меня, но в этот раз слишком увлечена, чтобы перевести на него взгляд.

Мы начинаем снижаться, и вокруг появляется ещё больше пикси. Вскоре я могу разобрать улицы, которые извиваются между зданий, а затем замечаю фейри. Многие замирают и наблюдают за нашим снижением. Я чувствую хищный взгляд каждого чужака, и мне больно осознавать, что я на земле, создания которой, поработают мой вид. А ещё я замечаю, что Торговец прижимает меня крепче, чем следует, и делает это у всех на виду, словно с гордостью демонстрирует человека на руках. Или что его просто ничего не волнует. Зная Деса, я ставлю на последнее.

Он машет крыльями быстрее, когда белый каменный двор перед дворцом становится ближе и ближе. Дворец окружает замысловатая бронзовая ограда, за которой собираются мужчины и женщины с заостренными ушами, их любопытные взгляды обращены на нас. Несколько фейри охранников, одетых в бело-серебристые одежды, отгоняют их назад. Они проявляют такое же любопытство к нам, как и я к ним.

Мы мягко приземляемся, и Дес склоняет ко мне голову. Я выворачиваюсь из его объятий, но не пытаюсь скинуть руку, которую он положил мне на талию.

Собравшаяся вокруг нас толпа стоит молча, но спустя мгновение, один за другим, существа начинают аплодировать. Я смотрю на них с выгнутыми от удивления бровями. Десмонд, стоящий рядом, расправляет крылья на всю ширину, подчеркивая насколько мы малы. Если быть честной, я хочу завернуться в одно из его крыльев и спрятаться.

— Почему они хлопают? — шепчу я.

— Ты ещё многого не знаешь о Царстве Ночи. — С этим загадочным ответом, он кивает нашей аудитории и ведёт меня в сторону замка. Десятки людей собрались в холле — я могу только догадываться, что это его солдаты, чиновники и советники — но никто не подходит к нам, и Дес не останавливается, чтобы заговорить с ними, хотя приветствует толпу кивками.

Я осматриваю всё подряд, потому что везде есть что-то интересное, будь то огромная бронзовая люстра над головой, огни которой трещат и мерцают, словно бенгальские свечи, или потолок, который выглядит как небо снаружи.

Все такое невероятно красивое.

Дес наклоняется ко мне.

— Я хотел показать тебе это место очень, очень давно, — признается он.

Я отрываю взгляд от окружающей обстановки и смотрю на него.

— Правда? — Я не знаю, как к этому отнестись.

— Но ещё больше мне хотелось, чтобы тебе здесь понравилось, — добавляет он.

Я внимательно вглядываюсь в выражение его лица, прежде чем заметить простую диадему из ковanej бронзы, которая венчает голову короля фейри. Его корона.

Я касаюсь её.

— Когда ты её надел?

— Когда мы приземлились.

Он не надевал ее руками, значит, задействована... магия.

— Тебе идет.

Это правда.

— Ненавижу её, — признается он тихо, ведя меня по одному из коридоров.

— Почему?

— Никогда не чувствовал себя особенно по-королевски.

Тогда я понимаю, следуя за Десом через дворец в центр королевства, что король — это настоящая сущность Деса. Не просто какое-то милое звание, а всё, что за ним стоит. Независимо от того, каким я видела его все те годы, когда он приходил ко мне, это что-то другое. Тогда я видела только его порочную сторону и грязные дела, никогда не замечая добродетели, я её не знаю. Но думаю, что это может быть лучшая сторона Десмонда.

Корона не единственная деталь, появившаяся на нём. Три бронзовых браслета обвили бицепс.

Он замечает, куда я смотрю.

— Военные браслеты, — объясняет Дес. — За отвагу.

Воинственный король. И раньше мои женские прелести сходили с ума при виде Деса, теперь же, я официально полностью пропала.

Дес ведет меня через дворец, кивая людям, мимо которых мы проходим. Их взгляды устремлены на меня, и большинство склоняет головы. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на женщину фею, которая остановилась и по-настоящему поклонилась мне. Не только королю, но и мне. В чём дело? Десмонд сказал всем, что я здесь для решения их проблем? Потому что я серьезно сомневаюсь, что могу сделать что-нибудь этим людям, чего Дес не мог.

— Куда мы направляемся? — спрашиваю я рассеянно.

— В помещение для слуг. Ты побеседуешь с няней, у которой сегодня выходной.

Ну да, нет смысла тратить время. От мысли, что мне придется наложить чары на этих людей, у меня потеют ладони.

— Все царства прекратили брать подменьшей? — задаю я вопрос.

Дес качает головой.

— Только Царство Ночи. Царство Дня думает над этим, но ни Царство Флоры, ни Царство Фауны не согласны.

Значит, людей так и будут похищать с земли.

— А твои свободны? Здесь нет ни одного раба? — спрашиваю я.

— Нет, ангелочек.

Я киваю сама себе, вытирая потные ладони о платье.

Комнаты для слуг находят в отдельном здании в стороне от дворца. Мы выходим из задней двери и проходим через освещённый луной сад, прежде чем зайти в здание. Внутреннее убранство украшено лишь немногим меньше, чем во дворце, и коридоры немного уже. Мы останавливаемся у темной деревянной двери.

— Ты запомнила вопросы? — спрашивает Дес.

Я киваю.

— Я согласилась пойти на это. И держу своё слово.

— Я принимаю это за «да», — говорит он, изучая мое лицо.

Так и есть.

Дес стучит костяшками пальцев в дверь. Спустя секунду она распаивается сама собой.

В комнате за столом сидит женщина с пером в руке, занесённым над письмом. Судя по виду комнаты — несколько пар обуви разных размеров стоит прямо у дверного проема — с ней должны жить соседи. Но в данный момент она одна. Как только женщина замечает Деса, то поднимается на ноги, глубоко кланяясь.

— Мой король, это честь, — лепечет она.

Торговец поворачивается ко мне с серьёзным взглядом.

— Оплата твоих долгов начата, — говорит он.

Мгновенно меня охватывает магия, покалывая кожу, призывая сирену.

— Ненавижу, когда ты так делаешь, — бормочу я.

— Не заключай сделки с плохими людьми, ангелочек, — говорит он, прислонясь к стене и скрестив руки на груди.

Взгляд женщины перемещается ко мне. Первое, что я замечаю, это синяки. Они усеивают ее шею и грудь, уходя под дугообразный вырез платья. Некоторые в виде кругов, очевидно, что одни старше других. Когда она замечает, куда я смотрю, то застенчиво прикрывает отметины, но обнажает другой синяк на запястье. Я почти могу разглядеть маленькие отпечатки от захвата.

— К-как я могу вам помочь? — спрашивает женщина, переводя взгляд с меня на Деса.

— Ты знаешь, зачем я здесь? — спрашиваю я, делая к ней несколько осторожных шагов. Она качает головой, скользя взглядом по моей мерцающей коже. — Я здесь, чтобы задать несколько вопросов, касающихся исчезновения фейри в вашем царстве, — поясняю я.

Женщина втягивает воздух, её лицо заметно бледнеет. Вот он момент осознания. Она начинает качать головой, пятясь и натываясь на стул позади.

— Прошу. — Она вновь прикрывает руками синяки на груди. — Я-я не могу.

Видя её страх, я ожидаю молчания. Но, возможно, мы обе знаем, что это бесполезно. Она начинает судорожно искать глазами выход. Женщина обходит меня боком, неуклюже натываясь на вещи и мебель.

— Тебе некуда идти, — заявляю я. — Мы обе это понимаем.

Несмотря на моё предупреждение, женщина пытается проскользнуть мимо, делая обманный манёвр влево, прежде чем побежать, будто я собираюсь за ней гнаться. К несчастью для этой женщины, я привыкла к бегству допрашиваемых.

— Остановись, — приказываю я жутким голосом.

Она тут же останавливается, а её плечи дрожат. Когда она смотрит на меня, одна слеза скользит по щеке. Это зрелище разбивает мне сердце.

— Пожалуйста, вы не представляете, что он сделает со мной, если я заговорю, — умоляет женщина.

«Он?»

— Давай сядем, — предлагаю я спокойным голосом, несмотря на чары. Как робот она движется к небольшому дивану, проливая ещё больше слёз. В глазах женщины я вижу сопротивление, но она ничего не может сделать. — Как тебя зовут? — спрашиваю я, садясь рядом и беря её за руку, уже липкую от пота.

Она смотрит вниз на свои руки, покоящиеся на коленях.

— Гэйлия.

Человеческая женщина с именем фейри.

— Ты здесь родилась? — спрашиваю я.

Судорожно вздохнув, она кивает.

— Чем ты занимаешься во дворце? — спрашиваю я, уже зная ответ.

Женщина смотрит на Деса, который всё ещё стоит у входа в комнату, прежде чем вновь уставиться на свои колени.

— Я работаю в королевских яслях.

Мой взгляд возвращается к синяку на её запястье. Опять же, появляется впечатление, что след на коже оставлен крошечной ручкой. Детской ручкой...

Я заставляю себя посмотреть Гэйлии в лицо.

— Почему твой король верит, что ты знаешь что-то об исчезновениях? — задаю я вопрос.

Выражение её лица становится мучительным, она поджимает губы и жмурит глаза, плача.

— Прошу, — вновь умоляет она.

Гэйлия смотрит на меня с мукой, и я могу сказать, что это её последняя отчаянная попытка отказаться от разговора. Она глазами взывает к моей человечности, но не знает, что я контролирую ситуацию не больше, чем она. Я стискиваю зубы, мне жжёт глаза. Я не хочу так поступать с ней. Она не преступница, просто последняя в роду людей, которые когда-то были рабами в этом мире. Она жертва, одна из тех, кому посчастливилось работать в неправильном месте в неправильное время. И благодаря мне, Гэйлия, вероятно, будет страдать из-за вынужденного признания. Мой взгляд мечется, когда я повторяю:

— Ответь мне, — в голосе проявляется сила сирены.

Она делает глубокий, судорожный вдох.

— Некоторые дети в королевских яслях — это дети спящих воинов.

— Женщин в стеклянных гробах? — спрашиваю я.

Гэйлия кивает.

— В отличие от других детей, под нашим присмотром, — продолжает она, — эти... специфичны.

Фейри в принципе специфичны, и мне сложно представить, что выглядит странным среди них.

— Специфичны чем?

Гэйлия начинает откровенно рыдать, хотя и отвечает.

— Они неактивны, иногда почти впадают в ступор. Они не спят, просто лежат в кроватках и смотрят в потолок. Они лишь... — она прикасается к синякам на груди, — питаются.

Женщина скользит пальцами по вырезу блузки и оттягивает край материала. Я наклоняюсь, чтобы получше рассмотреть. Под материалом всю грудь покрывают обширные кровоподтеки. Среди выцветших есть странные, изогнутые порезы.

Следы укусов.

При виде этого, я резко отклоняюсь назад. Теперь, присмотревшись, я различаю небольшие отметины, где зубы вонзались в плоть Гэйлии.

— И когда они едят, — добавляет она, — они пророчат.

Пророчество. Даже на земле есть сверхъестественные люди, которые говорят пророчества... но предсказывающие дети? Это специфично. Не говоря уже о том, что дети вгрызаются в людей.

— Сколько лет этим детям? — спрашиваю я.

Гэйлия начинает раскачиваться на стуле, обнимая себя руками.

— Некоторым больше восьми. — С каждым словом у неё сильнее дрожат губы. — Младшему меньше трех месяцев.

— И какие из них предсказывают?

Ее взгляд фокусируется на чём-то на полу.

— Все.

Все?

— Даже трехмесячный? — спрашиваю я скептически.

Гэйлия кивает.

— Она говорит и питается, как и все остальные, и сказала мне, что ты и король придете. Сказала: *«Не раскрывай им секрета, не говори правды, или боль и ужас станут твоими товарищами, а смерти ты станешь бояться меньше всего»*. — Она прерывисто вздыхает. — Я не поверила ей. И даже не помнила о предупреждении, пока вы не упомянули, что хотите задать несколько вопросов. — Она крепче себя обняла. — Они все показывают мне так много вещей, так много ужасов...

— Это нормально? — выясняю я. — Что такие маленькие дети уже разговаривают?

Полилось еще больше слез.

— Нет, моя леди. Ничто из этого не нормально. — Дрожь Гэйлии, которая внезапно стихает, начинается заново.

— Не понимаю, что ужасного в том, что ты мне это рассказываешь? — спрашиваю я. Она колеблется. — Ты скажешь всё так или иначе, — добавляю я. — Это может быть и на твоих условиях.

Гэйлия прикрывает рот рукой и снова начинает всхлипывать. Я слышу, как она бормочет себе под нос:

— Простите меня. Простите меня. — Она сильнее начинает раскачиваться.

— Гэйлия.

Она медленно поднимает взгляд и убирает руку ото рта.

— Он не хочет, чтобы его нашли, — шепчет женщина. — Дети сказали мне, что он строит много планов. Что опасается нашего короля, Императора Вечерних Звезд, — добавляет она, смотря на Деса. — Но не боится других. — Теперь Дес подходит и кладёт руку мне на плечо. Гэйлия замечает этот жест. — Ему пока нужно больше времени, — продолжает она, вновь обнимая себя руками. — Но он уже не остановится.

— Зачем они сказали тебе это? — спрашивает Дес.

Она не отвечает, сильнее стискивая пальцами свои плечи.

— Ответь ему, — тихо произношу я, заставляя её отвечать чарами, но Гэйлия ещё секунду или две сопротивляется, пока моя сила не побеждает.

— Дети говорят, что думают, и это тоже. В конце концов, они не так уж и отличаются от обычных детей.

— Почему ты веришь им? — спрашиваю я.

У неё дрожат губы.

— Не считая пророчеств? Потому что в течение многих лет кормилицы говорили о фигуре, склоняющейся над колыбельками этих детей. И, в последнее время, я тоже её вижу.

У меня встали волосы дыбом на затылке. В Потустороннем мире полно злых существ, похоже, фигура одна из них.

— Как он выглядит? — спрашиваю я, отходя от сценария. До сих пор мне удаётся вставлять вопросы Деса в естественный ход беседы, но сейчас я полностью от них

отказываюсь.

Гэйлия маниакально качает головой.

— Он просто тень... лишь тень.

— Где он? — спрашивает Дес.

Она дрожит и, уже даже не стараясь молчать, отвечает:

— Везде.

От её слов у меня начинают бегать мурашки.

— Ты знаешь его имя? — спрашиваю я.

— Похититель душ, — бормочет она. — Похититель душ.

— Чего он хочет? — рычит Торговец.

Она смотрит то на меня, то на Деса.

— Всего.

Февраль, семь лет назад

Сегодня в кафе «У Дугласа» шумно, отовсюду доносятся десятки голосов. Я смотрю в чашку с кофе.

— Дес, почему ты не потребуешь с меня оплаты долгов?

Торговец откидывается на спинку стула, а ноги забрасывает на соседний. Он маленькими глотками пьёт эспрессо из самой крошечной чашки в мире, которая полностью скрывается в его руке. Через мгновение он ставит её на стол.

— А ты этого хочешь, ангелочек?

В тусклом освещении кафе, глаза Деса блестят от предвкушения.

— Просто любопытно. — Я вглядываюсь в выражение его лица. — А ты?

— Я что? — Он небрежно осматривает остальную часть помещения. Но меня не одурачишь. Он сознательно сел в угол, убедившись, что сзади будет стена. А с тех пор, как мистер Уайтчепел вернулся без пары пальцев на руках и ногах, и с визиткой Торговца на груди, Полития открыла охоту на Деса.

— Хочешь, чтобы я заплатила по долгам? — спрашиваю я.

— Если бы хотел, ты бы уже заплатила.

Но почему не требует оплаты? Основываясь на сделках, свидетелем которых я стала, знаю, что Дес очень скрупулезен в отношении своевременной оплаты долгов клиентами. На моём браслете уже девять рядов и количество бусин неуклонно растёт. А Дес ни разу не попросил заплатить. Ни за одну просьбу.

— От этих бусин я нервничаю, — признаюсь я, крутя браслет на запястье.

Он снова переводит взгляд на меня.

— Ну, так перестань покупать услуги.

Отодвинув со скрипом стул, я встаю и говорю:

— Из тебя сегодня херовая компания.

Может дело не в нём. А во мне. Потому что сейчас я чувствую себя такой чертовски разочарованной и этим вечером и всеми остальными. Я разочарована тем, что хочу того, что не могу заполучить. Слабостью, что не могу отказаться от дурацкой влюбленности, хотя и понимаю, что должна. Тем, что набрала долгов на жизнь вперёд и связала себя с кем-то, кто не желает иметь со мной ничего общего.

— Сядь, — приказывает Дес, и я чувствую его магию в приказе.

У меня подгибаются ноги, тело сгибается, чтобы сесть. Я борюсь с его приказом, но это не так-то просто. Я со злостью гляжу на него. И теперь понимаю, почему моя сила считается такой ужасной. Это особый вид пытки, твоё тело подчиняется другому. Странно и мерзко.

— Вот это ты и будешь чувствовать, возвращая долги, — произносит он. — Только хуже. Намного хуже. — Торговец подаётся вперед. — Не спеши расплачиваться. Ни кому из нас это не принесёт удовольствия.

— Если тебе так не понравится, Дес, — говорю я, пытаюсь встать. Его магия давит на меня, заставляя оставаться на месте, — то почему не прекратишь заключать со мной сделки?

И снова этот блеск в глазах.

— Ты играешь в опасную игру, сирена. Заключение сделок, это своего рода

принуждение. — Он говорит так тихо, что только я могу слышать. — А ты с такой легкостью заключаешь их со мной. — Он замолкает, а глаза его злобно сверкают. — Не думай, что я когда-нибудь остановлюсь... этого не будет.

Наши дни

Мы с Десом, который мрачнее тучи, в тишине выходим из помещения для слуг. Кровососущие дети, призрачные посетители, и мужчина с именем Похититель Душ. Этого достаточно, чтобы у меня начались ночные кошмары. Я потираю руки.

— Как давно происходят похищения? — спрашиваю, когда мы входим в сад.

— Почти десять лет.

И за всё время это не разрешили...

Я выполнила свою работу, зачаровала женщину по воле Торговца. Теперь умываю руки и оставляю Гэйлию на милость судьбе, которая от ужаса свела её с ума. Судьбе, напороченной ребёнком, который слишком мал, чтобы говорить.

Я останавливаюсь на мощеной тропинке. Торговец поворачивается ко мне, нахмутив брови.

— Если я смогу получить больше информации от детей, ты заберёшь ещё бусины? — спрашиваю я.

— Почему ты хочешь увидеть их? — склонив голову, интересуется он.

Как будто не очевидно.

— Та женщина боится детей и их предсказаний. Именно детей мы должны допрашивать.

Дес вздыхает.

— Я связан клятвой не использования своей магии на детях, и помимо этого... я тысячу раз был в яслях, пытаюсь поговорить с ними. Но всё без толку.

— Но ты не приводил к ним сирену, — говорю я.

Каждый раз, когда закрываю глаза, то вижу умоляющий взгляд Гэйлии и безысходность. Я не могу всё так оставить. В уголках глаз Деса появляются морщинки.

— Правда, я никогда не приводил вспыльчивую сирену, которая бы сделала за меня грязную работу. — Он смотрит на меня немного дольше и, наконец, неохотно, кивает. — Я отведу тебя к детям. Сомневаюсь, что это поможет мне, но все равно отведу. Но, — добавляет он, — если я почувствую что-то неладное, мы уйдем, без всяких возражений.

От покровительственного тона в его голосе по рукам сбегают мурашки.

— Меня устраивает.

— О чьих детях заботятся в королевских яслях? — спрашиваю я, когда мы снова идём по дворцу в направлении того самого детского сада. Мне кажется странным, что эти специфичные, как выразилась Гэйлия, дети находятся в замке, в самом сердце царства.

Дес заводит руки за спину.

— В саду заботятся об осиротевших детях родителей-воинов — своего рода наша дань их последней жертве — детях дворян, работающих в замке, и, конечно же, обо всех детях королевской семьи, в том числе и моих.

— Т-твоих? — повторяю я.

Почему я никогда не рассматривала вероятность, что у Деса могут быть дети? Такой воинственный король, как он, точно не испытывал недостатка внимания от женщин... Это возможно.

Торговец смотрит на меня.

— Тебя это беспокоит?

Я качаю головой, отводя от него взгляд, хотя всё внутри сжимается. Я чувствую его взгляд на себе.

— Правда, — говорит он, — как бы ты себя чувствовала, скажи я, что у меня есть дети?

В тот момент, когда вопрос слетает с губ Торговца, я чувствую, как магия стискивает мне горло. Я прижимаю ладонь к горлу, уставившись на Деса.

— Неплохо было бы хоть предупредить, — язвительно говорю я.

Моё горло сжимается. Магию не устроит молчание. Я чувствую, как она вытаскивает слова, точно так же, как моя побуждала отвечать Гэйлию.

— Я бы ревновала, — отвечаю я.

Боже, как я рада, что мы только вдвоём идём по этому коридору. Было бы весьма неловко признаться Десу при зрителях.

— Почему? — спрашивает он.

Магия не отпускает. Я стискиваю зубы, но это не мешает ответу сорваться с губ.

— Потому что я ужасный человек. — Магия давит сильнее, видимо, недостаточно правдивый ответ. — П-потому что, — снова пытаюсь я, — я не хочу, чтобы кто-то другой разделил этот опыт с тобой.

— Почему? — продолжает давить он.

Да ты должно быть шутишь. Магия петлёй обвивается вокруг шеи.

— Потому что я хочу разделить этот опыт с тобой, — поспешно произношу я. Сразу мои щеки заливаются румянцем. Магия ослабевает, но слегка. Дес с нежностью смотрит на меня.

— Ты хочешь от меня ребенка?

— Уже нет, — с трудом дыша, говорю я. Но даже сейчас магия ощущает, что я вру, и тут же сжимает горло, не давая сделать вдох. — Да-а-а-а, — шиплю я.

Вся магия мгновенно рассеивается, и даже не глядя, я знаю, что несколько бусин исчезают с моей руки. Мне откровенно насрать на это. Я в бешенстве.

Дес выглядит таким довольным. Довольным и возбужденным.

— Мы ещё вернёмся к этому разговору, ангелочек, — обещает он.

И в этот момент я набрасываюсь на него. Он фыркает, когда я толкаю его к стене и хватаю рукой за горло.

О, милостивый Иисус, я злюсь.

Он отходит от стены и убирает мою руку со своей шеи, отчего я теряю равновесие. Прежде, чем я снова могу напасть, Дес прижимает меня вплотную к себе.

— Ты не имел никакого права это делать, — тихо шепчу я.

Формально, имеет полное право. Вот что происходит, когда ты заключаешь сделку с Торговцем. Он может взять что угодно в качестве погашения долга.

Он смотрит на мои пылающие щеки.

— Ты смущена. — Конечно, я смущена. Да кто захочет сказать парню, который растоптал твоё сердце, что-то вроде: «эй, парниша, я, кстати, хочу от тебя детей». Он скользит рукой вниз по моей спине. — Ты бы не смутилась так, если бы знала мои мысли. — Теперь у меня перехватывает дыхание. — Можешь не беспокоиться, ангелочек, — продолжает он. — У меня нет детей. — Притянув меня ещё ближе, Дес касается губами моего уха. — Хотя я всегда готов изменить это.

Теперь, я стараюсь оттолкнуть его.

— Дес, пусти.

— Хм, — говорит он, скользя рукой по спине к бедру, — думаю, нет. — Подняв мою ногу, он забрасывает её себе на талию. Я пытаюсь вырваться, но мои усилия тщетны. Затем то же самое он проделывает со второй ногой. — Думаю, мне нравится то, где ты сейчас.

В следующий раз я влюблюсь в кого-то другого, менее коварного, властного...

Дес опускает руку ниже и обхватывает мою задницу.

...грубого короля фейри.

В следующий раз это будет хороший парень.

— Я даже не хочу детей, — бормочу я.

Дес просто улыбается.

Фейри.

Затем, естественно, кто-то, выбрав не самый подходящий момент, заворачивает в коридор. Торговец даже не пытается меня отпустить. Он просто вместе со мной, висящей на нём, как коала, идет и кивает женщине-фейри, мимо которой мы проходим.

Так неловко.

Дес ставит меня на ноги только после того, как мы достигаем двойных дверей, ведущих в ясли. В этой части дворца неестественная тишина. Я ожидала услышать... хоть что-нибудь. Дети всегда шумные. Я хватаюсь за одну из ручек. Прежде чем успеваю повернуть её, Торговец хватается меня за руку.

— Помни мои слова, — говорит он, — если произойдет что-то необычное, мы сразу же уходим.

Я смотрю в эти серебристые глаза, на его резкие черты лица.

— Помню, — отвечаю я. Смахнув его руку, я открываю дверь.

В яслях тише, чем снаружи. Даже воздух здесь не движется, словно все затаили дыхание. Одинокая служанка взбивает подушки на дорогом диване, стоящем в комнате. За ней были видны французские двери, выходящие на внутренний двор. Испугавшись при виде нас, она садится в глубоком реверансе.

— Мой король, миледи, — приветствует она каждого из нас. — Какой неожиданный сюрприз.

— Мы хотим увидеть усыпальницу детей, — бесцеремонно говорит Дес.

Усыпальница детей — что за отвратительное название.

— О, — она смотрит то на меня, то на Деса, — к-конечно.

Неужели я слышу беспокойство?

Она склоняет голову.

— Сюда. — Пока мы следуем за ней в один из боковых залов, который ответвляется от общей комнаты, я замечаю, что она незаметно по одному заламывает себе пальцы. — Сейчас они довольно спокойны. — Она имеет в виду кататонические. — Нам пришлось отделить их от других детей. Были жалобы... — Она не заканчивает предложение. — Но вы уже в курсе

этого, мой король.

— Жалобы на что? — спрашиваю я.

Она делает глубокий вдох.

— Некоторые питались от других детей. Мы приняли решение разделить их. Они не... охотятся друг на друга.

Идя за ней, мы переступаем через различные игрушки и лиру, играющую какую-то мелодию, и я бросаю на Деса «какого-хрена?» взгляд. Вздернув брови и с мрачным выражением лица, он качает головой. Остановившись у дверей, она стучит, а затем входит.

— Дети, у вас гости.

Комната, в которую мы входим, окутана мраком и кажется, что ни один из подсвечников не рассеивает тьму. Стена в дальнем конце комнаты состоит из окон. Несколько детей стоят перед ними и смотрят в ночь. Как и говорила Гэйлия, ни один не шевелится. В комнате много детских кроваток, придвинутых к стенам. Я не вижу, что внутри них, но точно знаю, что в некоторых лежат младенцы. Кормилица сидит в кресле-качалке слева, прижимая ткань к коже чуть выше груди и морщась. Увидев меня и Деса, она убирает руку, сминая ткань, поспешно встаёт и кланяется. Торговец кивает ей, а я задерживаю взгляд на бусинках крови на её коже, где она только что прижимала ткань.

— Вы обе можете покинуть нас, — обращается он к слугам.

Женщина, которая привела нас сюда, без всяких колебаний уходит, а вот кормилица мнётся на месте, бросая боязливый взгляд на комнату, прежде чем опустить голову.

— Если понадобится, я буду снаружи, — говорит она и уходит. Щелчок и дверь за ней закрывается.

Теперь, когда мы остались один на один с этими странными детьми, мне страшно, каждый инстинкт вопит, чтобы мы убрались из этой комнаты.

Почти одновременно, дети поворачиваются к нам. При виде этого, мороз пробегает по коже. Их взгляды останавливаются на Десе. Все дети начинают кричать. Не двигаются, а просто орут, даже младенцы кричат.

Дес наклонился ближе.

— Забыл тебе сказать, меня они не очень любят.

Забыл сказать? Дес встает передо мной, закрывая собой, и не буду врать, сейчас я безумно благодарна за живой щит.

«Хотела видеть их, Калли. Так веди себя по-мужски».

Собрав последние капли мужества, я заставляю себя обойти Торговца.

Что говорила Гэйлия? Насколько специфичными они могут быть, ведь это просто дети.

Просто дети.

Я делаю осторожный шаг, затем ещё один. Они по-прежнему кричат и смотрят на Деса. Я начинаю напевать, надеясь, что объединив детскую любовь к музыке с моими способностями, смогу заставить их перестать вопить, и наладить контакт с ними. Все, как один, дети переводят взгляды на меня, некоторые понемногу перестают кричать, когда я начинаю мерцать и вкладывать в мелодию, которую бормочу, магию. И затем я начинаю петь.

— Ты мигай, звезда ночная!..

Ну, и подайте в суд за не оригинальность.

Один за другим дети перестают кричать, и заморожено смотрят на меня. Я подхожу к ним, очень надеюсь, что это хорошая идея. Когда заканчиваю петь, дети моргают, словно

пробуждаясь ото сна. Я не могу зачаровывать фейри — мои силы распространяются на существ моего мира, но музыке не нужна магия, чтобы заколдовать вас. Дети вновь смотрят на Деса и опять напрягаются.

— Успокойтесь, — говорю я неземным голосом. — Он не причинит вам вреда, и я вас не обижу.

Несколько напряженных минут, я наблюдаю за их реакцией. Когда дети не срываются на крик, я расслабляюсь. По крайней мере, расслабляюсь насколько могу, учитывая, что меня окружает стая жутких детей. У некоторых на губах запёкшаяся кровь. Я стараюсь не содрогаться.

— Меня зовут Каллипсо, но вы можете звать меня Калли. Я хотела бы задать вам несколько вопросов. Вы со мной поговорите?

Они устремляют взгляды на меня, и, не моргая смотрят. Я обеспокоена тем, что они снова впали в ступор, но, внезапно, они все, как один кивают и окружают меня.

— Где ваши мамы? — спрашиваю я.

— Спят внизу, — лепечет маленький мальчик.

— Почему они спят? — задаю вопрос я.

— Потому что он их хочет. — В этот раз отвечает девочка. И пока она говорит, я замечаю пару клыков у нее во рту.

Я стараюсь не отпрянуть.

— Кто «он»?

— Наш отец, — отвечает другая девочка.

У всех этих детей один отец?

Клянусь, я чувствую призрачное дыхание у себя на затылке. Они не должны об этом — или о чём-то, что я их спросила — знать, но знают. И я нутром чувствую, что у них есть ответы, на большинство вопросов Деса. Поделятся ли они ими, совершенно другой вопрос.

— Кто ваш отец? — спрашиваю я.

Они смотрят друг на друга, и снова складывается впечатление, что они коллективно принимают решение.

— Похититель Душ, — отвечает мальчик.

Это имя упоминала Гэйлия, и его же я видела в записях Деса.

— Он всё видит. Он всё слышит, — добавляет другой мальчик.

Десять баллов Слизерину за жуткий ответ.

— Где я могу найти его? — спрашиваю я.

— Он уже здесь, — говорит мальчик с иссиня черными волосами.

От ответа у меня волосы дыбом встают.

— Могу я с ним встретиться?

Как только я задаю вопрос, в комнате темнеет. Хоть Торговец и молчит, но ясно, что он не рад моему вопросу.

— Да-а-а-а-а-а-а-а...

На этот раз ответ исходит из одной колыбели, стоящей в дальнем углу комнаты.

— Но ты не можешь взять его. — Дети тут же обращают свой взор на Деса.

— Ты понравишься нашему отцу, — говорит рыжеволосая девочка.

— Уже понравилась, — добавляет ещё кто-то.

— Он любит красивые штучки.

— Любит ломать их.

Когда дети говорят, не сводя с меня своего твёрдого взгляда, я снова ощущаю это жуткое дыхание на шее. Тени Деса защищая, окружают мои ноги.

— Калли.

Сомкнувшись вокруг меня кольцом, дети бросают взгляд через плечи на Торговца. Раньше, я опасалась, что они не будут говорить, теперь боюсь, что я им слишком понравилась.

— Вы знаете, где я могу найти его? — спрашиваю я.

— Он найдёт тебя...

— Он всегда находит тех, кого хочет...

— Он уже вышел на охоту...

— Охоту? — Не стоило мне спрашивать. Чувствую, что пребывание в Потустороннем мире покажется мне именно таким, каким я и боялась.

— Он сделает тебя своей, как наших матерей.

Хорошо, я закончила.

— Я должна уйти, — произношу я.

Дес идёт в мою сторону, явно с теми же мыслями.

— Нет, — умоляют дети, прижимаясь ко мне и хватая за платье.

— Остайся с нами навечно.

— Не могу, — говорю я, — но я могу вернуться.

— Остайся, — рычит один из старших мальчиков.

— Она сказала, нет, — резкий тон Деса сотрясает комнату.

Дети отшатнулись от Торговца, снова начав кричать. Одна девочка зашипела, оскалив острые клыки.

— Остайся, — несколько детей произносят снова. На этот раз они хватают меня за руки, и затем...

Из меня вышибает весь воздух, и я начинаю падать. Всё ниже и ниже, во тьму, мимо бесконечных рядов клеток с женщинами, некоторые из которых долбят по прутьям, а некоторые неподвижно лежат на полу. Пока я падаю, этаж за этажом сливается. И затем мир переворачивается, теперь я падаю не вниз, а вверх. И я уже не падаю, а лечу. Я приземляюсь у подножья трона, раскрыв крылья во весь размах. Окружение меняется на лесной пейзаж. Я лечу между деревьев, которые, кажется, воют. И вылетая из леса, я врезаюсь в свою старую кухню, залитую кровью. Мой отчим медленно поднимается с пола, его тело оживает.

О, Боже, нет.

Он нависает надо мной, а глаза полыхают злостью. Из его головы вырастают рога. Они закручиваются и удлиняются с каждой секундой. Он смотрит на меня, и, вдруг, его лицо меняется. Теперь передо мной уже не отчим, а незнакомец с каштановыми волосами, смуглой кожей и карими, обезумевшими глазами. Мужчина, покрытый кровью отчима. И на моих глазах, он слизывает с пальцев кровь.

— Ну, надо же, — говорит он, — какая симпатичная, милая птичка.

Он и комната исчезают, а тьма поглощает меня целиком.

Февраль, семь лет назад

Мой будильник разрывается, как и тринадцать минут подряд. Но у меня нет сил, вытащить руки из-под одеяла и выключить его. Сегодня, как я люблю называть, день Аве-Марии. Потому что только чудо может вытащить меня из постели.

Большинство дней, я в порядке и могу притворяться, что я как все. Но бывают моменты, в которые прошлое меня настигает, и лишает сил. Сегодня один из таких дней. Я слишком подавлена, чтобы встать с кровати. Меня одолевают плохие воспоминания: звук поворачивающейся дверной ручки, насыщенный аромат одеколona отчима и бассейн крови, когда я, наконец, убила его...

Одна из моих соседок по этажу стучит в дверь и кричит:

— Калли, выключи этот долбаный будильник, пока он всю школу на ноги не поднял. — После чего уходит.

Каким-то чудом я отключаю будильник и зарываюсь лицом в подушку.

И пяти минут не проходит, как я слышу щелчок дверного замка. Я приподнялась на локти, дверь открывается и на пороге возникает Торговец. Если кто-то выйдет в коридор, то не обратит на него никакого внимания.

— Вставай, — рычит он.

До меня с трудом доходит, что Торговец в моей комнате в такой час. Технически, за окном ещё ночь — время, когда он правит. Но утренний визит? Он нанёс его впервые.

Дес идет ко мне, и лишь по его выражению я вижу, что он не шутит. Сбросив одеяло, он нежно касается моей спины.

— Вставай.

Откуда он узнал, что я проспала на тринадцать минут дольше, чем обычно и что это совершенно не лень, а рецидив? Он мастер по секретам. Охнув, я снова падаю лицом в подушку. Я слишком устала для этого.

— Хочешь, чтобы я приходил каждую ночь? Тогда ты должна приводить себя в порядок.

Надо же было ему такое сказать.

— Играешь на чувствах, — бурчу я в подушку. На данном этапе моей жизни я больше всего желаю его визитов.

— Смирись с этим.

Я поворачиваюсь к нему и строю гримасу.

— Ты злой.

Но выглядит весьма сексуальным с забранными назад белокурыми волосами, в футболке с «Металикой», которая обтягивает его мускулистую грудь, и черных джинсах. Он скрещивает руки на груди и склоняет на бок голову.

— Ты только сейчас это поняла, ангелочек? — Нет, я с первого дня знала, но после наших встреч, он стал мягче относиться ко мне. — А теперь, — продолжает он, — вставай.

Чтобы подчеркнуть своё требование, он наклоняет магией кровать, заставляя её левитировать одним краем в воздухе. Я начинаю соскальзывать с матраса.

Чертыхаясь, я прижимаюсь сильнее к краю, чтобы не скатиться на пол.

— Хорошо, хорошо! Встаю!

Отпустив хватку, я встаю и, не сводя взгляда с Торговца, пересекаю комнату. Дес наблюдает за мной. Беспощадный мужчина! Я открываю ящик и достаю одежду. Мои движения медленные, глаза полузакрытые, тело разбито усталостью.

— Такое больше никогда не должно повториться, поняла? — говорит он. — Ты не можешь перестать барахтаться в реалиях жизни, только из-за того, что некоторые дни тяжелее остальных.

Я смотрю через плечо на него, как на сумасшедшего.

— Не этого я хочу!

Моё сознание тянет меня обратно, в самые худшие моменты прошлого, заставляя чувствовать себя грязной, испорченной и непривлекательной. Даже сейчас, раздражаясь, я чувствую себя жалкой. У меня нет сил, чтобы реально переживать по этому поводу.

— Почувствуешь снова себя так, попроси помощи или позови меня и я помогу, но с этого момента, ты обязана разбираться с этим, договорились? — говорит Дес с решительным видом, говорящим о том, что от него я не получу сочувствия.

— Ты не понимаешь...

— Не понимаю? — Он выгибает бровь. — Ну, так расскажи, ангелочек, а то откуда мне знать? — Подначивает меня. Так очевидно. Я не решаюсь продолжить, потому что... а что мне действительно известно про Торговца? А сколько он знает про меня? Поэтому, я просто с вызовом смотрю на него. — Да, — говорит он. — Именно это я хочу видеть. Гнев, вызов. — Он смягчает тон. — Я не прошу, чтобы ты никогда не грустила, Калли, а прошу сражаться. Всегда борись. Ты ведь можешь?

Я глубоко вдыхаю.

— Не знаю, — признаюсь я.

Услышав моё признание, его выражение становится мягче.

— Сможешь постараться?

Прикусив нижнюю губу, я нехотя киваю. Если так он продолжит приходить ко мне, то я постараюсь.

Он улыбается мне.

— Хорошо. А теперь одевайся. Я организую нам завтрак, прежде чем ты уйдешь на занятия.

Дес проводит остаток нашего странного утра рядом, изо всех сил стараясь заставить меня смеяться. И это срабатывает. Не знаю, как, но Торговец с трудом поднимает мне настроение. Для моего дня Аве-Марии, Дес, видимо, то самое чудо, в котором я нуждалась.

Наши дни

Моргнув, я открываю глаза и оглядываю незнакомую комнату. Хмуро изучаю стены насыщенного голубого цвета.

— Ты очнулась.

Я вздрагиваю от спокойного голоса Торговца. Сцепив руки в замок и прижав их к губам, он сидит в кресле рядом с кроватью. На прикроватной тумбочке около него стоит пустой бокал.

— Где я? — спрашиваю я.

— В моей комнате... мы вернулись на землю, — отвечает Дес, опустив руки.

Его комната... которую он не желал показать мне. Я осматриваюсь кругом, замечаю

фотографию кафе «У Дугласа» и ещё одну Замка Пил. На другом конце комнаты стоит круглый стол, где установлена модель солнечной системы — металлические и мраморные планеты окружают золотое солнце. В его спальне нет ничего, из-за чего её стоило прятать от меня.

Внезапно возвращаются воспоминания того, что произошло в Потустороннем мире. Я втягиваю воздух сквозь зубы и смотрю на Торговца.

— Те дети.

Дес берет пустой бокал, встаёт и направляется к бару на противоположном конце комнаты, где наливает себе выпить. Он залпом опустошает бокал, шипя от обжигающей жидкости, после чего смотрит на бокал.

— Теперь понимаю, почему ты любишь виски, — говорит он и осторожно ставит бокал, прислоняясь к бару. — Боги. — Он проводит рукой по лицу. — Я ещё никогда не хотел так сильно придушить детей, как в момент, когда увидел, как они схватили тебя, обнажив клыки и готовясь выпить крови.

Я кладу руку на горло. Выпить меня? Я лишь помню страшные, жуткие образы, наводнившие разум, как только дети прикоснулись ко мне. Я нервно сглатываю, при мысли об этих образах. Гэйлия про эти пророчества говорила? Я выскальзываю из постели.

— Дес, они мне показали кое-что, — говорю я, потирая места, где дети касались меня, и замечая несколько синяков. — Я видела женщин в клетках, трон, лес и мужчину с рогами.

— Мужчину с рогами, — с хмурым выражением лица, повторяет Торговец.

— Это поможет? — спрашиваю я.

— К сожалению, ангелочек, — говорит он, — да.

«Он найдет тебя».

«Он всегда находит тех, кого хочет».

«Он уже вышел на охоту».

«Он сделает тебя своей, как наших матерей».

Я сижу в гостевой комнате Деса, уставившись в темноту ночи. Что я натворила? Думала, что смогу помочь Десу — и Гэйлии — если допрошу детей. Какая-то часть меня гордилась тем, что они заговорили со мной, хотя Торговец был уверен, что этого не произойдет. Но сейчас... как и Гэйлия, я нутром чувствую, что слова детей не пустой звук. Хотя и неразумно, но я привлекла внимание того, на кого охотится Дес. Только теперь тот охотится на меня.

Я делаю глубокий вдох.

Мне нужно покинуть это место — этот дом — со всеми его связями с Потусторонним миром. Чёрт, портал всего через несколько дверей отсюда. И неважно, что существо живёт в другом мире, как только он поймёт, как управлять лей-линиями, через мгновение придёт на землю.

Я переодеваюсь в уже сухую одежду (если не считать слоя соли), в которую была одета и беру то немного, с чем пришла.

Меня одолевает та же, что и королевскую няню, паранойя, вызывающая озноб. Я

надеваю серьгу, когда открывается дверь. И спиной ощущаю угрозу.

— Ты уходишь.

От его плавного, шелковистого голоса по рукам бегают мурашки.

Я поворачиваюсь к Торговцу.

— Я не останусь здесь.

— Твой бывший найдёт тебя, если ты вернешься к себе. — Дес недовольно скрещивает руки на груди.

— А кто сказал, что я туда вернусь? — Ещё как вернусь.

— А куда ты пойдешь?

— У меня есть друзья.

Хорошо, у меня есть подруга. И она, наверное, злится, за то, что я ушла в самоволку.

— Ты не вернёшься к себе домой. — Это не приказ, а просто констатация факта.

— А что, если вернусь? — Я бы предпочла встретиться лицом к лицу с Илаем, который волнуется обо мне, ранен и зол, но я могу его контролировать при необходимости, чем остаться здесь и воспользоваться шансом, встретиться с врагом, которого Дес даже не видит. Воздух приходит в движение, и вдруг Торговец оказывается рядом, прижимаясь губами к моему уху.

— Если ты вернёшься домой, то, скорее всего, мне придется украсть тебя у бывшего, а это меня очень огорчит.

Я поворачиваюсь и смотрю на него.

— В данный момент, Дес, твои чувства не самая большая моя проблема.

Торговец впивается в меня взглядом.

— Ты боишься оставаться здесь, — говорит он, читая меня, как открытую книгу, затем склоняет голову и прищуривается. — Думаешь, я позволю чему-нибудь случиться с тобой, пока ты в моём доме? — Клянусь, он становится больше, а его присутствие подавляет. Судя по его взгляду, я только что оскорбила Короля Ночи.

Плевать.

Я отвожу взгляд и направляюсь к двери. Секунду спустя Торговец материализуется в дверном проеме, блокируя выход. Он ставит руки на верхнюю часть дверной рамы, и я неохотно скольжу взглядом по его татуировкам.

— А если я скажу, что ты не сможешь уйти? — говорит он, гипнотическим голосом. — Что желаю, чтобы ты осталась и лишилась ещё нескольких бусин?

Не думаю, что Дес попытается удержать меня. Он так долго не желал иметь ничего общего со мной, что трудно представить наши отношения в ином русле.

— Я бы тебе не поверила, — говорю я. — А теперь, пожалуйста, отойди.

Дес странно смотрит на меня. Отпустив руки, он начинает приближаться.

— Правда или Действие?

Взглянув ему в глаза, я начинаю нервничать и отхожу назад.

— Дес...

— Действие, — выдыхает он и в тот же миг, грубо обхватывает моё лицо, притягивает к себе и накрывает губы в требовательном поцелуе. Боже, поцелуй получается таким диким. Не задумываясь, я, захваченная вкусом и ощущением объятий, отвечаю на поцелуй.

Мне бы уйти отсюда к себе и вернуть свою жизнь, но нет же. Этого не произойдёт, пока Дес не продемонстрирует, что именно с подросткового возраста меня привлекало в мужчинах. Я всё пчусь, а Торговец опускает руку мне на бедро, выставленное напоказ

благодаря длинным разрезам платья, и скользит по нему пальцами вверх-вниз, вверх-вниз. Я упираюсь спиной в стену. Дес захватывает меня в заложницу своего тела. Я открываю рот, и Дес тут же скользит в него языком. Другой рукой он проводит по моей груди и, тяжело дыша, я выгибаюсь навстречу.

— Боги, Калли, — оторвавшись от меня, говорит он сквозь зубы, — ждать... почти невыносимо...

Дес раскрывает крылья на всю ширину, а затем обнимает меня ими. Целуя его, я начинаю ласкать изгибы крыльев. Дес стонет, выгибаясь под мои прикосновения.

— Так хорошо.

Он забирается мне под лиф платья и накрывает ладонью грудь, издавая по-настоящему сексуальный стон. От его прикосновений у меня подгибаются колени, и, чтобы я не упала Дес скользит ногой между моих.

Моя кожа начинает светиться. Мне хочется плакать от того, что ощущения такие правильные. Каждое его прикосновение с нашей первой встречи — правильное.

— Правда или Действие? — шепчет он.

Как будто мне есть сейчас до этого дело?

— Правда, — мурлычу я у его губ, отказываясь поддаваться изменным инстинктам. Вновь оторвавшись от моих губ, Дес смотрит на них, в его глазах сверкает голод.

— Пока меня не было, чего именно во мне тебе не хватало?

Я должна сделать несколько вдохов, чтобы собраться. Его вопрос — ушат холодной воды, вылитый на костёр. Его магия окружает меня, заставляя ответить.

— Всего. Мне, без преувеличения, всего в тебе не хватало.

Дес смотрит на меня, тяжело дыша, отчего его грудь вздымается и опускается. Затем вытаскивает руку из-под лифа и проводит костяшками по моей щеке.

— Ты не представляешь, что делают со мной твои слова.

— Хотела бы. — Всё происходящее заставляя меня сдаться и предоставить Торговцу шанс. Но не на таком строятся здоровые отношения. Он пробегает пальцами по моим рукам.

— Останься, и я расскажу.

Что бы я отдала за то, чтобы знать наверняка о его ко мне чувствах?! Я почти веду, как обычно в присутствии этого мужчины, и уже почти соглашаюсь, когда вспоминаю: Дес — феяри, хитрец. Он всю жизнь коллекционирует секреты, и не делится ими. В прошлом он никогда не открывался мне. И сегодня вечером этого тоже не произойдёт. После того, как Дес исчез из моей жизни, я обещала себе, что буду независимой. Не позволю мужчинам, как он, разрушить мой мир. И теперь этот мужчина, из-за которого я дала себе обещание, пытается снова залезть мне под кожу и пробраться в сердце.

Я стала бы худшим человеком, нарушив обещание при первом искушении. Что я творю? Я приглаживаю волосы и смотрю в пол, словно на нём лежит ответ на этот вопрос. Затем, опустив руки по бокам, прохожу мимо Деса. Это был чертовски тяжелый день. Я хочу залезть в свою пижаму, взять тарелку хлопьев и включить какую-нибудь передачу, под которую смогу уснуть.

Дверь гостевой комнаты захлопывается перед моим носом.

... Очевидно, желаемое получить нелегко.

Я раздраженно разворачиваюсь и взвизгиваю. Торговец вторгается в моё личное пространство, при этом выглядит так, словно собирается отшлёпать меня.

— Не уходи, — говорит он. Несмотря на то, что выглядит он злым, слова звучат нежно.

И от этого я мешкаю.

Почти сдаюсь.

— Почему, Дес? — Я бегаю взглядом по его лицу, всё ещё ощущая вкус Торговца на губах. — Почему ты так сильно желаешь, чтобы я осталась?

На его щеках ходят желваки. Есть сотни правдоподобной лжи, которой Дес может накормить меня, но не произносит ни слова.

Я жду. И жду.

Но он так и не отвечает. Вздохнув, я разворачиваюсь и направляюсь к двери. Воздух становится плотнее, а от статического электричества волосы на руках встают дыбом. Это огромный признак того, что Дес недоволен. Я просто задыхаюсь от его силы. Оборачиваясь, я вижу, что он расправляет и отводит назад мерцающие крылья. Не недовольный, поправляю я себя, а в бешенстве. Он вот-вот слетит с катушек. Я думаю, что он меня не отпустит, но другая — извращённая — часть не протестует.

Внезапно, воздух перестаёт быть тяжелым, а Торговец прижимает крылья к спине.

— Хорошо, ангелочек, я отнесу тебя домой.

Как только мы опускаемся ко мне на задний двор, Дес с маниакальным пристрастием проверяет периметр дома, а затем комнаты. Я все ещё слишком шокирована окружающей обстановкой, поэтому просто стою и смотрю. Я и забыла, что мой дом стал ловушкой для взрослого оборотня и превратился в развалины. Прохаживаясь по дому, Торговец магией исправляет сильнейшие повреждения: дыры в стенах исчезают, разбитый журнальный столик собирается по осколкам и встаёт на прежнее место, деревянные щепки, как пазлы, соединяются вместе, а разбитые окна, снова становятся целыми.

Дес, выглядя взволнованным и переполненным энергией, входит в гостиную.

— Всё чисто, — сообщает он и проводит рукой по волосам. — В конце улицы стояли два офицера Политии, но я их отослал. Ты будешь в безопасности ещё день.

День, который мне нужен, чтобы выследить пушистый зад Илая и устроить ему взбучку.

— Спасибо, — говорю я, неуверенно двигаясь туда, где Дес всё исправил. Знаете, до жути пугают сверхъестественные легавые, которые при удобном случае бросят меня в тюрьму. До сих пор не могу поверить, что нахожусь в списке разыскиваемых людей.

Торговец колеблется, борется с желанием что-нибудь сказать. Я знаю, он не хочет оставлять меня здесь.

— Береги себя, ангелочек, — наконец произносит он. — Я вернусь завтра вечером. — Даже не посмотрев на меня, он пересекает комнату, направляясь к двери, ведущей на задний двор.

Мне не должно быть больно. Но всё же меня одолевает агония. Я не хочу отпускать его. Сердце жаждет отдаться Десу, а разум считает иначе.

На полпути, Торговец останавливается, чертыхается себе под нос, затем разворачивается и возвращается ко мне. Сжав меня в объятиях, Десмонд варварски меня целует. Я стою ему в рот, заставляя улыбаться. Дес резко отрывается от моих губ и отступает.

— Если захочешь увидеть меня до завтра, ты знаешь, как со мной связаться. — Он идет обратно к двери. — Буду ждать.

И на этом он исчезает.

Март, семь лет назад

— Расскажи о матери, — произносит Дес, сидящий напротив. Мы играем в покер и выпиваем в общезитии, в то время как дождь снаружи барабанит по стёклам. Выпить было его идеей.

— Немножко раскрепощения тебе не помешает, — сказал он, когда появился в комнате с бутылкой в руке и подмигнул мне.

Я фыркнула при виде алкоголя:

— Он запрещён.

— Разве я похож на парня, который следует правилам?

С кожаными штанами и рукавом татуировок, он точно таким не был. С неохотой я ополоснула кружку со стаканом и дала налить Торговцу «действительно чертовки хорошего» скотча. На вкус то же самое, что заниматься аннилингусом с грязножопым.

— О маме? — переспрашиваю я, когда Дес заново раздаёт карты. Я рассеяно беру их, пока не вижу, что он мне раздал. Три десятки — сет. На этот раз, у меня есть шанс выиграть партию. Дес быстро переводит взгляд с меня на рубашку карт, потом снова на меня.

— Все одного ранга, — угадывая, произносит он.

Я смотрю на свои десятки.

— Ты смухлевал.

Он поднимает стакан и делает глоток, как всегда, двигаясь обольстительно.

— Если бы. Тебя легко прочитать, ангелочек. Теперь, — говорит он, поставив стакан. Безо всяких эмоций он смотрит в свои карты, — расскажи о матери.

Я подношу скотч к губам и делаю глоток, немного морщась от того, что он обжигает язык. Моя мама — одна из тем, которые я никогда не обсуждаю. Какой смысл? Всего лишь очередная грустная история; в моей жизни полно таких. Но из-за того, как Дес смотрит на меня, я не собираюсь, как обычно, менять тему.

— Я мало что помню о ней, — говорю я. — Она умерла, когда мне было восемь.

Дес больше не обращает внимания на игру или выпивку. Два предложения и он отвлечён от всего остального.

— Как она умерла?

Я качаю головой.

— Её убили во время отпуска с отчимом. По ошибке. Целились в него, а застрелили её. — Приёмный отец был провидцем, но не предвидел этого, или, возможно, увидел, но не смог или не стал останавливать их. Виновен он был или нет, та ночь преследовала его. — Её смерть была причиной его пьянок. А пьянство стало причиной...

Я подавляю в себе дрожь.

— Где ты была, когда это произошло? — спрашивает Дес. Он всё так же спокоен и ленив, но могу поклясться, что это фарс, как и в игре.

— Дома с няней. Им нравилось ездить по отпускам без детей.

Я знаю, на что похожа моя жизнь. Безразличие и хрупкость. Что есть, то есть. Формально, у меня было всё — присмотр и деньги, которые помогали справляться. Никто не подозревал, что я подолгу оставалась одна в голливудском особняке отчима, с няней и

водителем, которые присматривали за мной. Бизнес всегда был на первом месте. Никто и не подозревал, что эти длительные периоды одиночества были намного лучше, чем тогда, когда он возвращался из поездок. Он лишь встречал меня взглядом и припадал к очередной бутылке.

И затем...

Ну, на большинстве воспоминаний я стараюсь не заикливаться. Всё равно от этого у меня все ещё мурашки по коже пробегают.

— Почему кто-то пытался прикончить твоего отчима? — спрашивает Дес, игра в покер уже полностью забыта.

Я пожимаю плечами.

— Хью Андерс любил деньги. И его не заботило, с какими клиентами связываться. — Боссы мафии. Владельцы картелей. Шейхи со связями в террористических группах. Он приносил достаточно дерьма в дом, из-за чего я и была в курсе дел. — Он озолотился и нажил огромное количество врагов. Возможно, поэтому у него была визитная карточка Торговца в кухонном ящике. Такой человек, как отчим, разгуливал с мишенью на спине. — Ты когда-нибудь имел дело с ним, перед тем, как мы познакомились? — спрашиваю я.

Я не собиралась задавать этот вопрос, от чего теперь задерживаю дыхание. Я не думаю, что Дес знал отчима. Он не отреагировал так, будто знал Хью, когда я впервые его вызвала, но он был полон секретов. Что, если знал? Что, если помогал ему, парню, который надругался надо мной? Человеку, который прямо или косвенно повлиял на смерть матери? Всего лишь от вероятности этого меня начинает тошнить.

Дес качает головой.

— Никогда не встречал этого типа, пока не увидел, плавающим в луже собственной крови. — Образ мертвого тела вспыхивает перед глазами. — Как насчет биологического отца? — спрашивает Дес. — Каким он был?

— Никаким, — говорю я, вглядываясь в свой стакан. — Мать случайно залетела, когда ей было восемнадцать. Не думаю, что она знала, кто отец; его имени нет в свидетельстве о рождении.

— Хм-м, — протянул Дес, рассеянно покручивая стакан с выпивкой, с отстраненным видом. Я не знаю, о чём он думает, могу лишь предположить: мои родители — паршивые люди. Мать, которая хотела дать мне хорошую жизнь, но не хотела прилагать для этого усилий; отец, чьим великим вкладом в мою жизнь активный сперматозоид; и отчим, который играет главную роль во всех моих ярких кошмарах.

— Почему ты не расскажешь о своих родителях? — спрашиваю я, стараясь отвлечь от себя внимание.

Дес откидывается назад и прищуривается, медленно улыбка касается его губ. Я не могу оторваться от него.

— Мы разделяем одну трагедию, ангелочек, — говорит он, всё ещё улыбаясь, хотя кажется, что в улыбке появляется нотка горечи. Я выгибаю брови от услышанного. Король Фейри, имеющий что-то общее с убогой человеческой жизнью? Я нахожу это сомнительным. Он встает. - Мне надо поработать. Можешь оставить скотч себе... и ради богов, попрактикуйся пить, не морщась. — Он поворачивается к двери.

Я не пытаюсь убедить его остаться, хотя очень хочу. Я уже знаю, что он уйдёт. Особенно после нашего небольшого разговора по душам. Порой мне представляется, что голова Торговца — это хранилище секретов, которые никогда не покидают его пределы. Он

останавливается, затем кидает на меня взгляд через плечо, и выражение лица говорит само за себя. Возможно, я не рассказала ему, как отчим издевался надо мной, но он знает.

— Для справки, ангелочек, — говорит он, — если бы отчим был жив, то ненадолго. — Его взгляд ожесточается.

И потом, как по волшебству, Дес растворяется в ночи.

Наши дни

Я трачу около часа, чтобы убраться в доме. Повсюду обивка и волчья шерсть. Не говоря уже о следах от когтей. Кофейный столик и прикроватную тумбочку теперь придется выкинуть. А учитывая их состояние, то лучше сжечь. Надо было попросить Деса с помощью магии прибраться здесь.

Но он был таким подавленным; я не хотела испытывать удачу.

Дес.

Не прошло и двух часов, как он ушёл, а мне уже не терпится увидеть его снова. Я скучаю по его дому, французским макарони и мягким простыням в комнате для гостей. Я скучаю по запаху Торговца и его прикосновениям. Я скучаю по нему. Мне нужно было вернуться в пустой дом, чтобы вспомнить, насколько я одинока. В обществе Деса, я об этом забыла.

Я делаю все, что могу, чтобы привести дом в порядок, стараясь изо всех сил, действительно не думать о мужчине, который, казалось, не хотел расставаться со мной... не говоря уже о том, что он разнёс тут все, борясь за меня.

Я должна отказаться от мужчин. Ничего, кроме страданий, от них не дождёшься. Страданий или же проблем. Сейчас, помимо игр в прятки со сверхъестественными властями и потусторонним монстром, мне нужно купить новую мебель, потому что мой бывший нарушил один из самых важных законов и пришел ко мне в полнолуние, во время, так сказать, оборотнического ПМС.

Закончив с основной частью беспорядка, я обращаю внимание на потрескавшийся сотовый телефон, нервно покусывая внутреннюю часть щеки. Я уже долго откладываю его, но больше не могу. Поставив девайс на зарядку, я проверяю сообщения. Тридцать одно и двадцать пять пропущенных звонков. Некоторые от Илая, парочка с различных крутых вечеринок, но большинство от Темпер. Я даже не утруждаю себя просмотром сообщений, а сразу же звоню подруге, делая глубокий вдох.

Она отвечает сразу на первом гудке.

— Детка, где ты, чёрт возьми? — панически спрашивает она.

— Уже дома.

— Дома? Дома? — переспросила она, повышая тон. — Дом обыскивали, а за твою поимку назначена награда, и ты дома?

— Всё хорошо. Я в порядке.

— Я думала, что ты мертва. — У неё дрожит голос, и я слышу всхлипы. — Я не могла тебя найти. — Темпер — профи в отслеживании людей с её-то магией, но я никогда не думала, что она использует её, чтобы найти меня.

— Ты... плачешь? — спросила я.

— Чёрт, нет, я никогда не плачу, — возражает она.

— Извини, что не позвонила раньше. Я действительно в порядке, — произношу я мягко.

— Что с тобой случилось? Ты просто исчезла, а Илай разрывает телефон звонками, но

ничего не рассказывает.

Я прижимаю пальцы к вискам.

— Эм. Это длинная история.

— У меня есть время.

Я вздыхаю. Она раздражается, немного заикаясь.

— Не вздыхай, ты, тощая сучка, я провела последние двадцать четыре часа, думая, что моя лучшая подруга мертва.

— Темпер, извини. Со мной всё нормально. Мне очень жаль, и я жива. — Очевидно. Но иногда с Темпер важно повторять очевидное снова и снова.

— Детка, что случилось? — повторяет она. Даже могу сказать, что она сейчас тихонько перебирает пальцами свои побрякушки. — Ну, лучший возможный сценарий, который я могла представить — у тебя был офигительно бурный и примирительный секс с Илаем и, затем, о-боже-мой-он-возможно-совокуплялся-с-тобой-обратившись-что-чертовски-противно. — Она выпаливает все это без передышки. — И, да. Натворил он тут дерьма, да и ты недалеко ушла. — Я вздрагиваю. Она переводит дыхание. — Только не говори мне, что он обратил тебя. Пожалуйста. Я помню, насколько ты была напугана этой мыслью. Если ему всё-таки удалось, то помоги-мне-чернокожий-Иисус, я надеру его волосатую задницу и сделаю себе пальтишко из меха. Усекла?

Темпер умолкает, и в трубке слышны лишь тяжелые вздохи.

— Твою мать, — наконец, говорю я, прочищая горло. — Хм, нет, мы не занимались буйным животным сексом; нет, Илай не обратил меня; и, Господи, женщина, пожалуйста, не надо делать из моего бывшего пальто. Он ничего мне не сделал.

— Тогда что произошло?

Как только она спрашивает меня в третий раз, я осознаю, что подхватила некоторые вредные привычки от Торговца, например, утаивание секретов.

Я гляжу на браслет, у которого не хватало ряда бусин.

— Ты могла бы приехать? — спрашиваю я.

— А небо голубое, сучка?

Я слегка улыбаюсь, хоть она и не может этого видеть.

— Ладно. Я расскажу, когда ты будешь тут.

Как я и обещала себе, выживаю немного вкусняшек и включаю телевизор, чтобы отвлечься, пока жду Темпер. Ничего не помогает.

Я обеспокоена путешествием в Потусторонний мир и расстроена тем, что приключилось дома, но больше всего я раздражена тем, что воспроизвожу в голове каждый интимный момент с Десом с тех пор, как он пришел за мной.

Десять минут спустя входная дверь открывается, и я слышу клацанье каблучков. Темпер, быстро моргая, останавливается на лестничной площадке, когда видит меня.

— Моя девочка.

Мы сокращаем расстояние и крепко обнимаем друг друга. Когда, наконец, расходимся, Темпер шмыгает носом, осматривая разруху. Её взгляд задерживается на реставрированном столике и нетронутых окнах.

— Я была здесь сегодня утром, — сказала она, убирая косички с лица. — Кухонный стол был сломан.

— Это, ну, та часть, о которой я должна тебе рассказать.

— Вся во внимании.

Она кладёт вещи и плюхается на диван, из-за чего пучок ваты вздымается в воздух. Кое-что упустила.

Темпер хватает тарелку с попкорном и начинает есть.

— Где бухло? — спрашивает она, оглядываясь по сторонам. Обычно, такие ночи у меня всегда сопровождалась пивом или бокалом вина. Чёрт, она ещё не в курсе.

— Эм, я экспериментирую с трезвостью, — говорю я, осторожно садясь рядом с ней. Она поворачивается, чтобы полностью лицезреть меня, забывая про попкорн.

— Ок, что происходит?

Я потираю лицо.

— Очень, очень, о-о-о-че-е-ень много всего. — С чего же начать? Опустив руки, я кидаю взгляд на запястье. — Помнишь этот браслет? — начинаю я, поднимая руку.

— Да-а-а.

Она понятия не имеет, к чему я веду.

— Каждая из этих бусин — долговая расписка. — Я пробегаюсь по ним пальцами, не поднимая на нее взгляда. — Я по уши в долгах.

Она устраивается на диване.

— Так расплатись, — говорит она и продолжает жевать мой попкорн. — У тебя есть деньги. — Она щелкает пальцами, когда её озаряет. — Или, лучше зачаруй мудака.

Я прочищаю горло.

— Всё не так просто. Я не могу зачаровать этого парня. И я расплачиваюсь. Поэтому меня не было.

Теперь она на меня щурится.

— Кто этот тип?

Я выдавливаю нервный смешок.

— Он, хм... ну, он — Торговец.

Несколько секунд тишины.

От удивления Темпер поднимает брови.

— Подожди, Торговец? Тот Торговец, который чуть не убил учителя десять лет назад? Тот чувак, который связан с более чем двадцатью исчезновениями? Тот хрен, который всегда на вершине списка разыскиваемых Политией, потому что этот же хрен тащит за собой всякое безумное дерьмо?

— Это всё можно объяснить, — говорю я.

Она фыркает.

— Сучка, мы с тобой обе знаем, что этот говнюк не невинный.

— Он — порядочный парень. — И целуется как рок-звезда.

— Ты защищаешь его, — произносит она, изумленная.

— Это сложно.

— Он — плохой парень, Калли. И ты заверяла меня в этом. Я выросла в Окленде, и мне нравятся плохиши. Но даже я думаю, что он слишком испорчен, чтобы измениться. — Я поджимаю губы и вглядываюсь в руки. Она бросает на меня один взгляд и вздыхает. — Ох, ну, детка, ты ведь не хочешь сказать, что он тебе нравится? — Я ничего не говорю. — Де-е-ерьмо, все-таки да. — Она взяла меня за руки. — Позволь сказать тебе прямо, сучка, с такими, как он, всё всегда заканчивается ужасно.

Особенно для меня, я уже это прекрасно знаю.

На дворе стоит глубокая ночь, когда я, в конце концов, иду спать, поглощенная своими

мыслями. Раньше, в течение восьми лет, мне всегда удавалось усмирить интерес Темпер. Она всегда знала, что кто-то разбил мне сердце, но до сегодняшнего вечера она не знала деталей. Я рассказала, что имею дело с Торговцем, о тайне, в которую я себя втянула, и, в последок, об Илае, который пришёл во время Священной семидневки и, обратившись, напал на меня.

Бедный Илай. Я далеко не единственное сверхъестественное существо, с которым ему придется расплачиваться. И, лично, я бы больше страшилась гнева Темпер, чем своего.

За окном завывает ветер, сотрясая стекла в рамах, от чего кажется, будто какое-то существо умирает. Волны сердито бьются об утёсы, так громко, что, как только я засыпаю, всё это становится неким саундтреком, переходящих из одного в другой, тревожных снов. Я слышу голоса детей-фейри в голове.

«Он идёт за тобой. Идёт, чтобы забрать».

Они удерживают меня на месте, пока что-то вдали всё приближается и приближается. Стонущий ветер говорит со мной, напевая.

— Раз, два, три, четыре, пять,
Милую сирену удалось поймать.
Пять, четыре, три, два, один,
Выдерну ей перья, и она закричит.

Я пытаюсь вырваться из хватки детей, но не могу. Я вглядываюсь в окно, и могу поклясться, что вижу тёмный силуэт в ночи. Я плыву по течению, утерянная в море разума. Двери и окна грохочут.

— Впусти меня, сирена, и я дам тебе крылья, чтобы летать. — Клянусь, я слышу, как голос вещает мне прямо в уши. — Лишь открой дверь и готовь себя преподавать. — Вздых отдается эхом в неподвижном воздухе. — Каллипсо, осталось недолго...

Затем этот странный сон растворяется.

Я тру глаза из-за солнечных лучей, проникающих в комнату. Нос чешется, будто его щекочут пером. Растерев лицо, я гляжу на часы рядом с кроватью.

Два часа дня?

Я не планировала вставать так поздно. Хотя, большую часть ночи, я так и не поспала, ворочаясь от одного тревожного сна, сменяющегося другим.

Я срываю с себя одеяло, из-за чего перья разлетаются в воздухе.

Я кривлюсь. Только не покрывало. Илай, должно быть, искромсал стеганое пуховое одеяло. Я и не видела...

Я слезаю с кровати, и ещё больше перьев рассеивается по полу.

Ох.

Я поднимаю ногу, смахивая этих маленьких убудков, и осознаю, что перья разбросаны по всему полу. Сотни и сотни выложены в линии, которые дугой расходятся от кровати. Я подаюсь назад, наклоняя голову.

И когда охватываю весь образ, кровь стынет в жилах.

Крыло. Перья выложены в форме крыла.

Кто-то был здесь. В моем доме. В моей спальне. Кто-то стоял рядом со мной, пока я

спала, и тщательно раскладывал сотни пёрышек.

Кожа покрывается мурашками, когда я, обогнув кровать, вижу идентичное крыло с другой стороны.

Я зажимаю рот рукой. Такое чувство, будто сердце, сейчас выпрыгнет из груди.

Откуда вообще здесь столько перьев?

Я тянусь за покрывалом, стягиваю его и вижу, что разорвано не одеяло.

Простыня с матрасом изрезана. Прямо там, где я спала. И я прекрасно помню, что этого не было, когда я ложилась спать. В голове не укладывается весь ужас происходящего. Проникновение. Кто-то буквально залез под меня, чтобы разорвать матрас и вытащить все эти перья.

Как я только не проснулась?

Я начала задыхаться от нехватки воздуха. Я отхожу, чуть ли не спотыкаясь о свои ноги.

Слова на автомате слетают с губ.

— Торговец, я хочу...

Дес материализуется прежде, чем я заканчиваю предложение. Сперва он смотрит только на меня. И выглядит таким счастливым... счастливым из-за того, что я его позвала. Но затем он замечает перья. Эти гребаные перья повсюду.

— Какого хрена.

Это даже не вопрос, а угроза тому, кто всё это сделал. Его тон вонзается мне в шею, как тысяча игл.

— Не знаю, — качаю я головой.

Он обходит кровать, изучая узоры. Ему почти удастся успокоиться, но очертания его тёмных крыльев всё же видны. Он кладёт руку на матрас, собирая горсть перьев.

— Это сделали, пока ты спала?

— Да, — выдавливаю я, дрожащим от страха голосом.

Я обхватываю себя руками, чувствуя себя осквернённой в собственном же доме, в своем святилище. Дес бросает перья и осторожно вышагивает в другую часть комнаты, чтобы проверить двери. Насколько я понимаю, они заперты. Он проводит рукой по рту, и я чувствую, как его магия возрастает. Пряди моих волос начинают подниматься из-за электрических разрядов в воздухе.

— Ты под моей защитой, — произносит он. — Уже в течение долго времени. Кто бы это не сделал, он это осознавал. — Когда он говорит, пол дрожит под ногами, стекла начинают гроыхать, как прошлой ночью. Даже слышно, как одно из них треснуло. — Никто, ни-кто не трогает людей под моей защитой. — Его крылья мерцают и постепенно гаснут одновременно со словами.

Я осознаю, что сейчас немного боюсь Деса. Я чувствую, как его ярость подпитывает магию в комнате. Сейчас один из тех моментов, когда я вынуждена признать, что феири сильно отличаются от людей. Их ярость намного больше и свирепей, чем человек может себе вообразить. На лице Деса отражается маска жестокости, и я почти уверена, что он близок к тому, чтобы превратиться в нечто ужасное.

— Пожалуйста, не убивай кого-то из-за меня, — говорю я. Такое случилось раньше.

Он зловеще смеется.

— Никакие бусины в мире не могут заставить меня согласиться на это. — Торговец возвращается ко мне и сжимает в руке моё запястье. На его лице всё ещё отражается ярость, но чем дольше он смотрит на меня, тем больше она тает. — Теперь, ангелочек, — слова

стекают с его губ, словно мед, — первая оплата за день: ты возвращаешься со мной домой, и не уйдешь, пока не будут выплачены все долги.

Март, семь лет назад

Дес сидит на моём столе, закинув одну ногу на спинку компьютерного кресла. Прислонившись к окну, он делает наброски. Студенты, снующие из общежития и обратно, должны прекрасно его видеть. Я живу на втором этаже, и окна выходят прямо на университетский городок. Любой, кто сейчас стоит снаружи, может созерцать большую и неповоротливую мужскую спину. Но они не видят. И я прекрасно осведомлена об этом, потому что в противном случае, домоправительница надрала бы мне зад в считанные секунды. Часы посещения давно закончились. И это значит, что Торговец снова скрывает своё здесь присутствие.

— Что не так? — спрашивает Дес, не глядя на меня. Он продолжает рисовать, используя блокнот и уголь, что я недавно купила для него. Всё было бы не так странно, держи он их в руках. Но, вместо этого, блокнот с углем парят в воздухе почти в метре от Деса, и рисунок воплощается на бумаге без какого-либо прикосновения. Торговец же сложил руки на груди.

— Ничего, — говорю я.

— Лгунья.

Я выдыхаю, глядя на рисунок с кровати.

— Ты стыдишься встреч со мной? — спрашиваю я.

— Что?

Уголь перестает двигаться.

По моим щекам разливается румянец. Так унижительно.

— Тебе стыдно видеться со мной? — повторяю я.

Торговец поворачивается ко мне, хмурясь.

— Почему ты спрашиваешь меня о таком?

Я чувствую, как желудок наливается свинцом. Дес и не отрицает этого.

— Бог ты мой, так и есть.

Он исчезает со стола и возникает прямо передо мной. Мгновением позже, блокнот с углем падают на пол.

— Ангелочек, — говорит он, взяв меня за руку. — Я понятия не имею, откуда у тебя такие безумные-пребезумные мысли. Почему, чёрт, я должен стыдиться наших встреч?

И в мгновение ока, беспокойство рассеивается. Думаю, я немного ненавижу себя за то, что позволяю Десу контролировать эмоции.

— Ты всегда магически скрываешь себя рядом со мной, — уточняю я.

Он сжимает мою руку, и его прикосновение пробирает до самых пальчиков ног.

— Калли, у тебя абсурдное представление о том, что я — хороший человек, в то время как я нахожусь в списке разыскиваемых лиц Политией. Сейчас меня ищут несколько охотников за головами. И не только они; у меня есть клиенты и враги, которые с радостью используют тебя, чтобы добраться до меня. Маскировка — это как вторая сущность, особенно рядом с тобой.

Здравая мысль.

Он не отпустил мою руку, и не отошёл от кровати. Похоже, мы находимся на краю чего-то, и чем дальше он смотрит на меня, тем больше я склоняюсь над краем. Я делаю вдох,

когда серебристые глаза Деса темнеют. Уже прежде, я видела это источающее жар выражение у некоторых мужчин. Но ни один из них не был Десом.

У меня учащается пульс. Я перевешиваюсь за край, проваливаясь в эти глаза и выражение лица. Если бы в Десе мне нравилось лишь лицо, было бы легче отрицать чувства. Но дело в том, что Торговец спас мне жизнь несколько месяцев назад, и с тех пор продолжает спасать каждый день. Мне нравится, что он, как и я, ненормален, что нечестив и грешен, за что и не оправдывается. Мне нравится, что ему всё равно, что я тоже слегка нечестива и грешна. Мне нравится, что он учит играть меня в покер, а я тем временем заставляю смотреть его Гарри Поттера... и читать книжки (до меня он их даже не касался, неуч). Мне нравится, что я могу путешествовать по миру с ним каждый раз, когда он решается взять меня на одну из сделок, от чего комната становится похожа на музей безделушек. Нравится, как он пьёт эспрессо из крошечных чашечек, и что я могу поделиться с ним секретами, даже если он не делится своими. Он — лучик света, затмевающий одиночество.

Да ладно... Он — самый яркий лучик в моей жизни.

И я очень рада быть его другом, но сегодня вечером, когда он так смотрит меня, я хочу большего.

— Останься на ночь, — шепчу я.

Дес приоткрывает рот, и клянусь — клянусь — я вижу, как его губы изгибаются в «да».

Затем Дес моргает несколько раз, и... момент рассеивается.

Высвобождая мою руку, он прочищает горло.

— Ангелочек, это не целесообразно.

— Я взрослая.

Торговец отстраняется от меня как физически, так и эмоционально; я знаю, что не должна гнаться за ним, когда он такой, но всё равно хочу. В течение нескольких секунд Дес был моим. И я полностью уверена, что не бредила.

— Тебе шестнадцать, — произносит он.

— Именно. Палата коммонеров считает меня взрослой, не понимаю, почему ты нет.

— Ты носишь трусики с днями недели, — говорит Дес. — Это значит, что ты слишком юна, чтобы я... остался.

— Откуда ты знаешь, что я ношу такие трусики? — я подозрительно спрашиваю.

— Мне нужно идти. — Он потирает виски и встаёт передо мной во весь свой впечатляющий рост.

Я пытаюсь встать следом.

— Пожалуйста, не уходи.

Это уже звучит как заезженная пластинка. Я слишком на него давлю, и он сбегает. Самое пугающее то, что чем больше он увеличивает между нами расстояние, тем отчаянней я стремлюсь сблизиться, и чем больше пытаюсь, тем дальше отталкиваю его. Я теряю лучшего друга, и мы оба знаем это.

Дес опускает руки.

— Калли, если я останусь, то сдамся. Если уйду, то нет.

Тогда просто сдайся.

Но он не станет и не будет. Так как, несмотря на все заверения, Торговец — человек чести в отношении меня. Это, как раз-таки, и есть корень наших проблем. Он, возможно, лучший человек, которого я знаю.

Наши дни

Ох, чёрт.

Из огня да в полымя. Лишь об этом я могу думать, пока мы летим над островом Каталины. Мы приземляемся перед ошеломляющим домом Деса, и я, без единого слова, высвобождаюсь из его рук, чувствуя оценивающий меня взгляд спиной.

Коварный придурок безусловно думает о том, как лучше ко мне подобраться.

Ему придется поломать голову над этим. Даже я не совсем уверена, как сейчас ко мне подобраться, потому что ни черта не понимаю, что чувствую. Раздражение, определённо. Мой поводок стал намного короче. Злость — и неверие — в то, что Торговец действительно заставил меня переехать к нему на обозримое будущее. Учитывая, как медленно он заставляет гасить долги, я могла бы жить под его крышей всю оставшуюся жизнь. Я игнорирую искры волнения, возникающие на фоне этой мысли; сердце, по-видимому, без понятия, что такое здравый смысл.

Под всем этим, крылось облегчение. От того, что мне не пришлось уступать своему эго и оставаться в доме, где было небезопасно, и что не нужно было, сглотив гордость, умолять этого мужчину, позволить мне остаться с ним, хотя только ушла.

— Я не сожалею, знаешь, — произносит Дес позади меня и его голос проникает в каждый уголок двора.

Не обращая внимания на него, я направляюсь к каменным ступенькам роскошного дома.

— Завтрак и кофе, — заявляю я. — Без них, я не умею быть вежливой.

Я чувствую руку на спине, когда он материализуется рядом.

— Тогда дадим леди то, что она хочет. У меня для тебя есть кое-что...

Кафе, мать его, «У Дугласа». Так вот на что он ранее намекал.

— Ведь прошли... годы, — говорю я, осматривая знакомое кафе. Будто ничего не изменилось, от полированных деревянных столиков до обрамленных фотографий гавани и стеклянной витрины, наполненной выпечкой. Когда Дес привел меня в комнату с порталом, я не горела желанием вновь путешествовать по лей-линиям. Но стоило ему сойти с линии на остров Мэн, мое мнение изменилось.

Снаружи небо стало тёмным. Возможно, в Южной Каролине сейчас день, но Британские острова уже окутывает вечер. Дес откидывается на спинку стула, лениво помешивая кофе. Что-то похожее на ностальгию сдавливает мне горло. Торговец, всякий раз, как заскучает сидеть в общепитии, приводил меня сюда. Он следовал взглядом за моим по каждому месту в кафе.

— Ты скучала по нему? — спрашивает он.

— Не так сильно, как по компании, — признаюсь я.

На его лице, на мгновение появляется маска боли.

— Почему ты ушёл, Дес? — шепчу я. В какой-то момент нам придется расставить все точки над «i», раз уже живём под одной крышей.

Его лицо помрачнело.

— Поговорим об этом в другой раз.

Я почти стону от разочарования.

— Это было так давно, разве это имеет значение?

Я такая хреновая лгунья. Конечно, имеет. Десмонд Флинн как рана, которая никогда не затянется.

— Имеет, — он озвучивает мои мысли.

Красивый, раздражающий мужчина. Он видит во мне загнанное в угол животное. Не лучшая позиция для сверхъестественного существа, особенно перед королём фейри. Я всё это понимаю, но не могу не коснуться данного вопроса. И настаиваю.

— Расскажи.

Он трёт глаза, сердито выдыхая.

— Не в моем характере рассказывать. Ничего из этого не в моем грёбаном характере. Я объясню это, когда придёт время.

И на этом все надежды стремительно рушатся.

— Дес, прошло семь лет. Сколько ещё тебе нужно ждать подходящего времени?

Атмосфера над нашим маленьким столиком накаляется.

— Ты хоть осознаёшь значимость ожидания? — Я вздрагиваю от его колких слов. Дес упирается предплечьями в стол, белый локон выскальзывает из кожаного ремешка, которым он затянул волосы на затылке. — Семь лет, Калли, и сколько из них ты провела в одиночестве? — Его голос пропитан эмоциями.

— Что? — я начинаю сильнее дрожать, глядя на него. — К чему это имеет отношение?

— Ко всему. — Дес... ревнует? — Скажи, — произносит он, в то время как комнату начинают поглощать тени, — сколько из них ты была одна?

Я все еще ошеломленно пялюсь на него. Не думала, что из миллионов сценариев, как провести день, я могла оказаться в этом. Дес хватает меня за запястье, сжимая бусину.

— Отвечай.

Слова будто вырывают из горла.

— Нисколько.

Тьфу. Будь проклята магия. И эти фейри, сборщики долгов.

— Нисколько, — повторяет Торговец, злой, но удовлетворенный ответом, после чего отпускает руку.

— Будто ты держал свои руки при себе? — Я достаточно слышала историй о Короле Ночи и его похождениях. — Ты — мудака, оставил меня. Разбил сердце и ушёл. Ты не должен ревновать к тому, что было после этого.

Он подаётся вперед с грозным выражением лица.

— Я никогда не покидал тебя, Калли.

Теперь злюсь я.

— Ты исчез из комнаты в ту ночь после танца. Скажи ещё, что это не прощальный подарок.

— Ты ничего не знаешь.

— Ну, так просвети меня.

Мы смотрим друг на друга. Тени окружают нас по мере того, как эмоции овладевают Десом. Другие люди не замечают этого из-за тусклого освещения и ночного неба, но не я. То, что он устраивает «игры теней», должно доставлять удовольствие, но под гневом скрыто смятение. Дес ушёл все эти года назад, а сейчас утверждает, что не уходил. Да и прошло

столько времени, отчего мне довольно-таки интересно, а не изменяет ли мне память. Но нет, та ночь выжжена в памяти.

Я жду объяснений, но как обычно, их не будет. Потеряв аппетит, я отодвигаю кофе и остатки круассана. Он наблюдает за моими действиями.

— Что произошло прошлой ночью, ангелочек?

— Тебе придется забрать бусину, если хочешь получить хоть какие-то ответы от меня, — огрызаюсь я рассерженно. Если мы собираемся играть в «оправдашки», то я, чёрт возьми, точно в игре. Его взгляд становится менее злым, а на губах играет кривая ухмылка. Вот оно что! Ему нравится. Мой настрой и приглашение. Он сжимает браслет, и я быстренько пробегаюсь взглядом по сложному рукаву татуировок.

— Расскажи мне, что случилось прошлой ночью, — повторяет он, уже используя магию. Я содрогаюсь от прикосновений, и тотчас жалею, что искушала его.

— Ничего.

И начинаю чувствовать давление в горле.

— Кажется, магия с тобой не согласна, — тянет Торговец.

У меня возникает желание громко застонать.

— Что тебе ещё рассказать? После того, как ты ушёл, я убралась в доме, затусила с подружкой на несколько часов, и затем пошла спать. Когда проснулась, обнаружила комнату в том состоянии, в каком ты её видел.

Дес продолжает помешивать кофе.

— Магия тебя не освобождает, так что, возможно, нужно сильнее стараться. — Я прищуриваюсь. — Или можешь медленно задохнуться. Выбор за тобой.

Он выгибает брови.

— Я не знаю, чего ты хочешь от меня, — хриплю я. — Посмотрела телек, легла спать, проснулась на искромсанной кровати.

Всё ещё давит. Сейчас я чувствую себя одним из клиентов Торговца, который корчится от силы.

— Что делала в промежутке между тем, как легла спать и проснулась? — спрашивает он, делая глоток горячего напитка.

Я бросаю озадаченный взгляд.

— Спала.

Магия уже давит на грудь.

— Крепко спала? Урывками? — пытается он. — Мучили кошмары?

Я помню шторм, сотрясающий дом, и стонущий ветер, овладевший моим сном.

— Был один, — произношу я.

Давление на грудь чуть уменьшается?

— О чём? — продолжает давить Дес.

Я пытаюсь вспомнить, но не выходит.

— С каких пор ты толкуешь сны? — спрашиваю я.

— С тех пор, как всегда. Я — Король Ночи. И господствую над всем, что подвластно ей, включая сны.

Ну, убедил.

Я обхватываю кружку и пристально вглядываюсь в кофе.

— Я не знаю. Эти дети, которых я видела, они были там, удерживали меня. И был голос, мужской голос.

Что он говорил?

«Впусти меня, сирена, и я дам тебе крылья, чтобы летать. Лишь открой дверь и готовь себя преподавать».

Жар опалает щёки.

Боже, милостивый.

— Что сказал голос? — спрашивает Дес.

— Я не озвучу этого на людях.

Король фейри выглядит заинтригованным. Теперь, когда я вспоминаю сон, магия усиливается, будто зная, что я умышленно скрываю информацию.

Я не отвечаю, и Дес пробегает взглядом по мне.

— Ты действительно решила устоять, малышка?

Ненадолго... магия просто выжимает из меня жизнь.

— Не на людях, — я почти умоляю.

Ещё мгновение Торговец изучает меня. Затем щелкает пальцами, и уровень шума вокруг нас снижается.

— Такой приватности тебе хватит.

Хватит. Ладно, если быть честной, то нет; я не хочу рассказывать содержание своего сна Десу, но я уже призналась, что хочу от него детей, поэтому от гордости не осталось ничего.

— Он сказал: «Впусти меня, сирена, и я дам тебе крылья, чтобы летать. Лишь открой дверь и готовь себя преподавать».

Давление с груди исчезает.

Наконец-то.

Шум вокруг нас усиливается.

Тени Деса отступают. Какой переменчивый мужчина.

— Ты видела говорящего? — спрашивает он.

Я трясую головой и делаю глоток.

— Ты действительно воспринимаешь сон всерьёз? — говорю я, осторожно поставив кружку.

Дес пробегается большим пальцем по нижней губе.

— Возможно, — бросает он рассеяно. — В Потустороннем мире сны никогда не бывают снами. Это другой тип реальности.

Я обдумываю это.

— Ты... думаешь, что-то из Потустороннего мира наведалось ко мне прошлой ночью?

— Не знаю.

Возможно, у меня появился сталкер-фейри. Который может проникать во сны. Я чувствую себя такой грязной. Грязной и уязвимой. Моим разумом может манипулировать какое-то существо, и я ничего не могу с этим поделать. Я думала, что, оставшись дома, у меня будет дополнительная защита, но это не так.

— Ты думаешь, это имеет какое-то отношение к исчезновениям? — интересуюсь я.

Сидя на кушетке Торговца, я наблюдаю, как он шагает взад и вперед по комнате, заложив руки за спину. После моего вопроса, он бросает взгляд в мою сторону, и, хмурясь,

отрывисто кивает.

Ну, бляха.

Как же дети назвали этого мужчину, скрытого завесой тайны? Похититель душ. От такого имечка не веет теплом. Сколько раз мы с Темпер сталкивались с аналогичными ситуациями? Сколько преступников угрожало нам на протяжении многих лет? Бесконечное множество. И когда такое происходило, единственный верный способ, который гарантировал нашу безопасность — схватить плохого парня до того, как он доберётся до нас.

Я делаю глубокий вздох.

— Я хочу помочь тебе решить твою проблему. Только не опрашивать пострадавших, а действительно решить.

Прежде, чем сталкер исполнит свои обещания. Дес перестает расхаживать.

— Ты хочешь помочь мне и моему народу? — он странно смотрит на меня.

Я ёрзаю, стесненная напряжением в его глазах.

— Я не это сказала.

Дес медленно подходит ко мне, склонив голову, будто может по выражению моего лица, раскрыть все секреты.

— Но имела это в виду. — Он доходит до кушетки, глядя на меня сверху вниз.

— Помогая мне больше, чем сейчас, ты навлечёшь опасность... такую, что моя защита, возможно, не спасет тебя. Мы и другими путями можем выплатить твои долги.

— Речь не о долгах, — говорю я.

Его глаза темнеют. Почти с неохотой он отрывает от меня взгляд, потирая подбородок. Тени нежно обернулись вокруг моих ног.

— Я должен сказать «нет», — размышляет он вслух — И на это есть множество причин. — Он вновь смотрит на меня. — Даже осознавая степень опасности, ты всё ещё хочешь помочь мне? — спрашивает он.

Я колеблюсь, затем киваю, поджимая ноги. Я напугана? Конечно. Но страх никогда не останавливал меня, когда я бралась за дело.

— Хорошо, ангелочек, мы разберемся с этим. Вместе.

Март, семь лет назад

Мой отчим жив.

Я с ужасом смотрю, как он поднимается с пола, из раны на шее всё ещё вытекает кровь, смешиваясь с уже существующими разводами на теле. Я знала это. Знала, что он вернётся. Хью Андерс слишком важен, слишком ужасен, слишком могущественен, чтобы его убить.

Я пячусь назад, когда он фокусирует на мне свой взгляд. В его глазах появляется жестокая ярость. Прежде, он никогда не смотрел на меня так. При жизни в его взгляде стоял другой вид помешательства. Но я убила его и всё изменилось.

— Нет, — выдыхаю я. С ног до головы в его крови я продолжаю отходить назад. Но скольжу пяткой в луже, и теряю равновесие. Падаю, больно ударившись локтем об пол, от удара у меня клацают зубы.

Монстр жив. Ещё ничего не закончилось. И никогда не закончится. Он медленно убивает меня с двенадцати лет. И теперь здесь, чтобы закончить дело. Он крадётся ко мне, а кровь продолжает литься из раны на шее.

Я ползу от отчима, а он продолжает приближаться.

— Думала, что убила меня? — говорит он. — Меня?

О, Боже. О, Боже. О, Боже.

Он убьёт меня. Мне не сбежать, никогда.

На заднем фоне раздаётся грохот барабанов. Или может так бьётся моё сердце.

Он тянется ко мне.

Вокруг нарастает шум. Громче, громче, громче. Я слышу только его.

Но, внезапно, всё смолкает.

— Калли, Калли, Калли, — говорит он. — Калли, Калли, Калли... Калли, проснись!

Я ловлю ртом воздух, распахивая глаза.

Смотрящий на меня, Торговец выглядит немного безумно, стиснув зубы и надвинув брови. Светлые пряди волос беспорядочно свисают вокруг лица.

Я делаю рваный вдох и вытираю влагу со щёк.

Ночной кошмар. Это был всего лишь ночной кошмар.

Дес держит меня за предплечья, и я слегка изворачиваюсь, чтобы ухватиться за его руку, просто чтобы убедиться в реальности. Я тяжело дышу, и мы с Десом всматриваемся друг в друга. Он всё видит в моих глазах... все те маленькие кусочки тьмы, которые я скрываю на протяжении дня. Глубокой ночью они выплывают на поверхность. Мне противно, что он видит, насколько я боюсь своего прошлого. Но ещё, я замечаю то, чего не должна. Страх, беспокойство в выражении его лица. Сейчас он полностью открыт.

— Его нет, Калли, — говорит Торговец. — Он ушёл и больше не вернется.

Меня не волнует, как он узнал обо всём, а просто киваю. Эту тему мы не затрагиваем в разговорах.

Затем приходит понимание. Дес практически сидит на моей постели, и мы касаемся друг друга. Если бы это был кто-то другой, его присутствие напугало бы меня до ужаса. Но Дес... Дес — мой лунный свет.

От прохладного ветерка у меня бегут мурашки, и я смотрю Десу за спину, на окно над

столом. В раме торчат несколько осколков стекла. Остальные же валяются на полу. Я моргаю несколько раз и вновь смотрю на Торговца.

Он машет в сторону беспорядка, и осколки стекла поднимаются в воздух. По кусочкам они соединяются, и стекло вновь становится целым.

— Я воспользовался окном.

— Ты летал? — спрашиваю я со скепсисом и немного с любопытством.

Он сухо кивает.

— Ты не просыпалась, — говорит он, и я слышу нотки беспокойства в его голосе. Обычно, нет, особенно, когда глубоко погружаюсь в ночной кошмар. Я должна позволить им идти своим чередом.

— Как ты узнал? — спрашиваю я. — О кошмаре, я имею в виду.

Он продолжает изучать моё лицо, словно пытаюсь убедиться, что я в порядке. — Это не имеет значения. — Дес отпускает мои руки. — Подвинься. — Я так и делаю, он устраивается рядом, спиной опираясь на изголовье. — Мужик был реальным мудаком, так?

Я знаю, что он говорит об отчине.

Я поджимаю губы и киваю.

Клянусь, тени в комнате становятся темнее, и я вспоминаю, кто сидит рядом. В течение нескольких секунд мы оба сидим в тишине, пока тьма заявляет права на мою спальню. Мой пульс учащается, частично из-за осадка после сна, частично из-за Деса, появившегося из ниоткуда, словно мрачный спаситель. И теперь он на волоске от... чего-то. Гнева, безумия, возмездия... я до сих пор едва могу прочесть его.

— Спокойно, ангелочек, — говорит он. Затем мягче: — Я не позволю ничему плохому с тобой случиться.

Насилие, которым пропитан его голос... становится напоминанием о том, каким жестоким он может быть, и каким образом заработал репутацию.

— Ты... останешься? — спрашиваю я, убирая несколько влажных прядей с лица.

Он был полностью непреклонен по этому вопросу пару недель назад.

Дес долго молчит, и я начинаю считать, что не дождусь ответа.

— Да, — наконец выдавливает он, — останусь.

Наши дни

— Так каков наш следующий шаг? — спрашиваю я, скользя взглядом по фотографиям в рамках в гостиной Торговца.

Дес садится рядом со мной на диван и поджигает губы.

— Завтра я хочу показать тебе спящих воинов.

Невольно по моему телу пробегает дрожь. Моё согласие не означает отсутствие страха возвращения в королевство Деса. Но, сидеть и позволять кому-то играть моим разумом во сне, тоже не вариант, так что...

— Думаешь, если я увижу женщин, это поможет нам выяснить, что происходит? — спрашиваю я.

Он смотрит на мои губы.

— Нет, — говорит Дес откровенно, — но, тем не менее, я покажу тебе их.

Я оглядываю его гостиную.

— И что потом?

Он приподнимает уголок рта.

— Я дам тебе почитать свои заметки, и мы уйдём отсюда. В остальном, ты выступишь свой долг и отправишься домой.

Попала в паутину. Разве не так я себя чувствовала в прошлый раз, когда Дес привез меня сюда? Произошедшее вызвало у него интерес, и я никак не могла понять, что именно. Непонятное превосходство феири в его взгляде безжалостно осаждаёт меня. Торговец принадлежит к расе, которая убивает зверски, беспощадно. Принуждать меня жить под его крышей и играть в его игры день ото дня не особенно жестоко или не похоже на него.

— Должна ли я буквально спать внутри твоего дома каждую ночь?

— Не беспокойся об этом, ангелочек.

Я горько смеюсь.

— Это не ответ, Дес. Что случится, когда я уйду из твоего дома, чтобы переночевать у друга? Я внезапно умру?

— Друга? — спросил он насмешливо. — Так ты называешь своих мужчин? Друзья?

«Твоих мужчин?»

Единственная причина, почему я не бросаюсь через диван и не начинаю душировать Деса, как и сегодня ранее, потому что слышу ревность в его голосе, и она всё путает.

Я прищуриваюсь.

— А вот сейчас, ты чертовски навоображал, — говорю я. — Я имела в виду Темпер, мою совершенно платоническую подругу, придурок. Мы с ней ночевали друг у друга время от времени. Иди и подай на нас в суд за то, что мы не желаем взрослеть.

Уголок его рта дергается.

— Ты не умрёшь внезапно. Моя магия понимает нюансы.

Судя по тому, как он причудливо расстраивается, держу пари, эти нюансы не учитывают моих мужчин. У меня начинает колотиться сердце, поскольку я осознаю реальность ситуации.

«Жить с Торговцем».

Как это вообще работает? Что если на погашение долга уйдут года? Что если мне придется смотреть, как Дес встречается с другими женщинами? Что если я буду встречаться с другими мужчинами?

Жить вместе у-ж-а-с-н-о.

Ужасно. Ужасно. Ужасно.

Я незаметно уйду в спальню и достаю телефон, который не забыла захватить, когда уходила из дома. Я прокручиваю список контактов до номера Темпер. Учитывая, что сейчас я временно живу на острове, нужно привести дела в порядок... а именно, я должна предупредить Темпер, что временно не буду работать. Я не слишком задумываюсь над тем, как долго это может продлиться на самом деле.

«Ты знала, что однажды это произойдет», — выговариваю я себе.

Я подготовилась к вероятному отхождению от дел из бюро расследований Уэст-Кост, пока не погашу свой долг перед Торговцем. Но от этого не становилось менее грустно.

— Привет, сучка, — отвечает она. — Что делаешь?

Мы переписывались весь день, так она знает, что я жива, здорова и не попала в руки Политии. Но она ещё не в курсе, что теперь я живу с Десом, возможно потому что я трусиха и не знаю, как сообщить ей новости.

— Привет, Темпер. — Я потираю лоб, пытаюсь придать тону беззаботность.

— Девочка, ты пропустила отличный день. Помнишь клиента с предложением в сто тысяч, который просил тебя? Ну, сегодня он пришёл, и вау, он просто чертовски красив. И у него нет обручального кольца, так что игра началась. — Я прикусываю ноготь на большом пальце. Это прекрасный момент для смены темы, но я не прерываю Темпер. — Тебе нужно вычеркнуть себя из списка разыскиваемых — продолжает она, — парень так настойчиво спрашивал о тебе, и мне в голову закралась мысль, будто он не прочь смешать работу с удовольствием. И, девочка, только мёртвый его не захочет.

— Ты должна взять его, — говорю я, а потом вздрагиваю.

Она фыркает.

— Сучка, если бы он этого хотел, то соглашение было бы подписано, скреплено печатью и передано. Он настаивает на работе с тобой.

— На счет этого... — я делаю вдох. — Я собираюсь взять отпуск.

— И это твоя новость? — спрашивает Темпер.

Я убираю телефон и смотрю на него в течение секунды. Не этого ответа я ждала.

— Девочка, ты в списке разыскиваемых преступников, — продолжает она. — Я понимаю. Займись твоими делами, пока не вернёшься.

Я прислоняюсь к ближайшей стене. Список разыскиваемых. Конечно.

— Темпер, я люблю тебя.

— Конечно, любишь. Как и я тебя, красотка. Итак, — я слышу, как она шаркает по своему кабинету, — я все ещё считаю, что тебе стоит связаться с этим клиентом. Дать тебе его номер...

— Нет, — выпаливаю я. Не хочу беспокоиться ещё и о клиентах помимо всего остального.

— Правильно, — я почти вижу, как она кивает сама себе, — слишком опасно. Он может выдать тебя.

Я не напрягаюсь упоминать, что этот звонок тоже могут отслеживать. В этом мы с Темпер хорошо разбираемся. Когда у тебя есть такие связи и навыки как у нас, отследить телефонный звонок — детская забава.

— Темпер, — говорю я низко и хрипло, — меня может не быть довольно долго.

— Ну, уж нет. Я работаю над тем, чтобы тебя убрали из списка, и как только Илай вернется, я удостоверюсь, что он расхлебает всю заваренную им кашу.

Я вздрагиваю от угрозы в ее голосе.

— Темпер, это не только из-за списка разыскиваемых. Хотелось бы, чтобы так и было... — Я набираюсь храбрости. Теперь самая трудная часть. — Возможно, тебе придётся найти мне замену.

На несколько секунд наступает тишина.

Затем раздаётся:

— Нет.

От тона Темпер у меня бегут мурашки по рукам. Я понимаю, что если бы была в офисе, он бы задрожал. Это лишь намёк на её поразительную и злобную силу.

— Хорошо, хорошо, — говорю я, идя на попятную. — Тебе не нужно находить кого-то ещё, но... Торговец привлек меня помочь ему с чередой исчезновений в Потустороннем мире, и пока проблема не разрешится, я останусь с ним.

Тишина. Но в этот раз молчание не кажется, как несколько секунд назад зловещим, а... осуждающим.

— И? — наконец, говорю я.

— Ничего.

Я закатываю глаза.

— Говори уже

— Ничего.

Я жду.

Она прочищает горло.

— Ты живёшь у Торговца?

— Не по своей воле!

— Ну-ну.

— О, Боже, Темпер...

— Сучка, просто скажи мне прямо: ты полируешь ртом банан парня? В этом все дело? — спрашивает она.

— Нет... нет, это не так. Отношения строго профессиональные.

Лгунья.

Она фыркает, видя меня насквозь.

— А он-то в курсе?

— Эм... Я не знаю, что чувствует Торговец.

— Хорошо, детка, давай подведем итоги: ты чертовски сексуальная сирена. Он плохой парень. Как плохиш, из-за которого снятся кошмары. Ему нужно твоё «добро». Черт, открыто заявляю, я хочу твоё «добро», которым природа тебя щедро одарила. И если ты останешься там, то знаешь, что произойдет, я

знаю, что произойдёт, черный Иисус знает, и, самое главное, Торговец знает, что произойдет: у тебя будет серьёзный трах.

— Темпер, — рычу я.

— Во только не говори, что это не так. И что касается твоего отпуска, я не приму никого на твою должность. Делай всё необходимое, чтобы выбраться оттуда, или я начну действовать.

* * *

Тем же вечером я сижу с Десом в столовой, а сказанные ранее слова Темпер крутятся в голове. Она достаточно могущественна, чтобы сразиться с Торговцем, и это меня пугает. Возможно, мне следовало уступить его желаниям... я бы быстрее избавилась от бусин. И физически насладилась бы, да ещё как. С Десом я не боюсь близости. Боюсь влюблённости, которая обязательно последует.

С другой стороны стола, заставленного едой на вынос, вышеупомянутый Торговец откидывается на спинку стула, широко расставив ноги. На его лице читается высокомерная красота, а во взгляде распутность и царственность. Десу не хватало только короны.

Я скольжу взглядом вокруг. Официальная столовая Деса выглядит практически фантастически. На спинках стульев вырезаны различные сцены из сказок, по моим догадкам. Над нами горят свечи в чеканной бронзовой люстре, а стены расписаны пейзажами лунного сада. Трудно представить, что этот мужчина — этот стервец — поручил спроектировать свою столовую именно так. Выглядело так, словно здесь — как в микроволновке — взорвались яйца. Гламурные и утончённые, но всё же яйца. Сидя, закинув ноги на стол, я беру коробочку с «Ло Мейн»^[6]. Втыкаю в еду палочки и умело наворачиваю на них лапшу. Я замираю, не успев прожевать её, когда понимаю, что Дес наблюдает за

мною с зачарованным выражением лица.

— Что? — Я смотрю себе на грудь, желая убедиться, что не испачкала одежду.

Это Торговец придумал заказать что-то китайское, но сам не притронулся к еде, когда мы сели.

— Ты изменилась.

Я ведь изменилась, правда? Что-то за это время меня закалило. Возможно, уход Деса, возможно, работа, а возможно то, что я повзрослела.

Я смотрю на него.

— Мне следует обидеться?

— Совсем нет, ангелочек. Я нахожу все версии тебя довольно... интригующими.

Интригующим. Можно и так выразиться. Я выгибаю брови, вновь начав ковыряться палочками в коробке.

— Ты не изменился, — говорю я.

— Мне следует обидеться на это? — Дес вторит моим словам резче обычного.

Я ставлю белую коробочку и отталкиваю её от себя.

— Нет, — говорю я.

Ему не следует обижаться, но я должна волноваться. То же, что заставило меня влюбиться в него много лет назад, вновь подкрадывается.

— Хм-м-м, — тянет он, удерживая мой взгляд в течение нескольких секунд.

Затем машет рукой, и коробочки исчезают с темного деревянного стола.

— Ты ничего не хочешь? — спрашиваю я.

— Я не голодный.

Тогда зачем сидит здесь со мной?

— Тебе не обязательно сидеть со мной, — бросаю я. — Я больше не надоедливый подросток.

Меня передёргивает от воспоминания о той девочке, которая легкомысленно собирала бусины Торговца, чтобы провести с ним несколько часов.

— Поверь, я это понимаю.

Между нами разливается тишина, так отличающаяся от прежней. В прошлом она была такой комфортной. Чёрт, бывали вечера, когда я просила его остаться, и мы совсем не разговаривали. Но теперь у обоих есть неразрешённая проблема.

— Что мы здесь делаем? — наконец, спрашиваю я.

Что угодно, лишь бы разрядить тяжёлую обстановку. Торговец складывает сильные руки на груди.

— Ты погашаешь долги.

— Прекрати, Дес, — говорю я. — Мы оба знаем, что я не это имела в виду. Прошлой ночью ты собирался мне рассказать.

Он подаётся вперёд, опираясь предплечьями на край стола.

— Если бы ты осталась, Калли, но ты ушла.

— Я могу сказать то же самое о тебе. — Все эти потраченные зря годы. — Я тебе вообще нравлюсь?

— Я тебя поцеловал, умолял остаться со мной, провёл с тобой большую часть прошлой недели. Как ты сама считаешь? — спрашивает он тихо.

Как ответ может быть всем, что я хочу услышать... и в то же время заставить меня рвать на себе волосы?

— Как я считаю? — повторяю я, убирая ноги со стола, чтобы наклониться вперёд. — Это совсем не важно. Последние семь лет я только этим и занималась... думала, что пошло не так. Я устала пытаться тебя понять.

Дес встает, возвышаясь надо мной даже с другой стороны стола, с которого убирает руки.

— Кое о чем ты никогда не спрашивала меня, Калли: что я чувствовал все эти семь лет, проведенные врозь.

Дерзко!

— Именно об этом я спрашивала тебя, — говорю я.

— Нет, ты пыталась выяснить, почему я ушёл. А не то, как я себя при этом чувствовал. — Только феири могут сделать упор на таком различии. Я со своей стороны, всегда предполагала, что его чувства напрямую связаны с причиной ухода. — Спроси меня, Калли, — просит он нежно, умоляя взглядом светящихся глаз.

Просто глядя на него... трудно не обмануться жестокой красотой и бархатистым голосом. Это всё до боли знакомо. И теперь он пытается разрушить наше прошлое и сделать его тем, чем оно не было. И я как последняя дурочка позволяю этому случиться. Не могу поверить, что я это говорю.

— Что ты чувствовал, уходя от меня? — спрашиваю я.

Дес не сводит с меня взгляда.

— Словно моя душа разрывается на две части.

Я застываю.

«Он серьезно?»

Я чувствую, что мой мир перевернулся.

— И прошедшие семь лет? — выдыхаю я.

Он решительно смотрит на меня.

— Казались ночным кошмаром.

Он берет молоток для стен, и методично разбивает те, которые я выстроила вокруг сердца. И я этого хочу. Если его слова правдивы, то я хочу, чтобы все барьеры пали под его натиском. По собственному признанию, его переживания хуже моих.

— Если всё было настолько плохо, почему ты просто не вернулся? — спрашиваю я с мольбой в голосе.

Торговец открывает рот, и я думаю, что он ответит, вместо этого говорит:

— Правда или действие?

Ты, наверное, шутишь.

— Серьёзно, Дес?

Как раз когда мы начинаем преодолевать неоднозначность в отношениях, Торговец тормозит.

— Сделай это для меня, и получишь кое-что взамен.

— Ладно, — соглашаюсь я, не отрывая от него тяжелого взгляда. — Действие.

Он изгибает губы в довольной улыбке, радуясь моему ответу.

— Сделай со мной то, что всегда хотела.

Вот, дерьмо.

За смелость от Короля Ночи я получаю это.

Я сглатываю. Так много неуместных ответных действий на эту команду. Потому что у меня всегда был бесконечный список того, что я хочу сделать с Десом. Торговец ждет,

опустив руки по бокам. Я осторожно прогуливаюсь по его столовой, и его магия заставляет меня продолжать.

Потом будет стыдно.

Я останавливаюсь перед Десом и поднимаю взгляд. Торговец вновь становится серьёзным. Я смотрю на его подбородок. Волевой и точёный. Осторожно я обнимаю Деса за шею и притягиваю его ближе. Он наклоняется, поддаваясь мне. Наши взгляды встречаются ненадолго, в его глазах виден блеск. Всё настолько по-настоящему. Словно мы не связаны долгами. Будто я не его клиент.

«Он не хотел бросать меня семь лет назад».

Я мягко провожу губами по его четко очерченной челюсти.

«Я прощаю тебя за то, что разбил мне сердце», — думаю я при поцелуе.

Наклонив его голову, я вновь целую его в подбородок.

«Я всё ещё тебя хочу».

Ещё поцелуй.

«И думаю, что всегда буду хотеть».

Дес не двигается, позволяя мне оставлять след поцелуев. Прикосновения к нему и поцелуи вызывают у меня мурашки. Такое ощущение, что грядёт буря, что-то большое и неудержимое приближается. Что-то сметающее. И, боже мой, я хочу этого. Магия Торговца продолжает давить. Я прикусываю мочку его уха, чем вызываю у Деса низкий стон. Я скольжу губами по скульптурной шее, а внутри пробуждается сирена. Отодвигая воротник его футболки, я прикасаюсь языком к впадине у основания горла.

Магия рассеивается.

Я моргаю несколько раз, словно стряхиваю остатки сна. Я всё ещё целую кожу Деса, но, с усилием, выпрямляюсь и отпускаю ворот футболки.

— Ты всегда хотела это сделать? — спрашивает Дес хрипло.

Встряхнувшись, я киваю. Он поджал губы и свёл брови.

— С шестнадцати лет.

Тогда я хотела оставить дорожку из поцелуев вдоль линии его челюсти и на шее, потому что мне казалось это романтичным и эротичным. Для девушки-подростка, которая хотела отношений, но боялась секса, поцелуй с мужчиной казался подобием компромисса. Дес накрывает своей рукой мою ладонь, удерживая её у шеи, его ноздри раздуваются из-за какого-то сильного чувства.

— Сделай это снова, — просит он.

Я выгибаю брови. Так это не моё воображение? Дес тоже ощутил искру между нами? Я вытаскиваю руку и вновь наклоняю его голову, чтобы в очередной раз коснуться губами его кожи.

«Он страдал в разлуке».

Он назвал это ночным кошмаром. И я ему верю.

Но к чему это приведёт? И что может значить?

Я вновь скольжу губами по шее Деса.

Он замирает на месте, словно малейшее движение меня спугнёт. И теперь я впервые задаюсь вопросом, сомневался ли он когда-нибудь в моих чувствах к нему. Я предполагала, что они всегда были очевидны, но, похоже, мы оба сдерживались, чтобы не продемонстрировать их. Я всегда считала, что Дес ко мне равнодушен. Больше у меня нет такой уверенности.

Я поглаживаю щеку Деса большим пальцем, продолжая оставлять на его коже поцелуи. И теперь мы боимся друг друга. Таковы мы оба. Боимся надеяться, поскольку любая заискрившаяся у нас надежда рушилась. Боимся своих желаний. И я, возможно, ошибаюсь, Дес, возможно, на самом деле не заинтересован во мне, несмотря на все признаки. Но я перестану отрицать такую возможность. И перестану отрицать свои чувства. Так что, перестав целовать его горло, я хватаюсь за край его футболки.

Руки Торговца лежат на моих плечах, и я могу ощущать исходящее от них тепло, и любопытный взгляд Деса, но игнорирую это.

«Не думай об этом».

Я задираю футболку, отрываясь от Деса только чтобы помочь ему раздеться. Я скользю взглядом по его скульптурной груди, затем пробегаюсь пальцами по плечу, где татуировок гораздо меньше. Под моими прикосновениями его мышцы напрягаются. Я глажу его грудь и твёрдый пресс. Я ошиблась, говоря, что он не изменился. Раньше Дес никогда бы не позволил мне так к нему прикасаться. Я припадаю губами к его ключице и начинаю прокладывать дорожку из поцелуев вниз по грудной клетке.

В этот момент я рискую взглянуть Десу в глаза.

Он смотрит на меня... смотрит так, словно я лично зажигаю звёзды на небе. Спустя секунду он закрывает глаза.

— Калли...

Комната вокруг нас темнеет. Как далеко его нужно толкнуть, прежде чем покажутся крылья? Хотя есть вопрос лучше: сколько ещё я могу продолжать, прежде чем появится сирена? Я уже чувствую, как она требует участия. Сирена либо подтолкнёт нас к развязке, либо исполнит свою предыдущую угрозу и начнет сопротивляться Десу.

— Скажи мне, о чём ты думаешь, — выдыхаю я.

— Я боюсь, что если что-нибудь сделаю, ты остановишься. — Он сглатывает. — А я этого не хочу.

Я прекращаю, чтобы послать ему застенчивую, истинную улыбку.

— Я не остановлюсь, — говорю я, сопровождая слова поцелуями в грудь.

Он шипит.

— Продолжишь, и я наживусь на сделке.

Моя кожа светится. Сирена заставляет меня похотливо улыбнуться.

— Скажи, — говорю я с чарами в голосе, — ты думал о том, что я говорила раньше? — Я играю с пуговицей штанов Деса, проводя рукой по его паху. — Обо всех тех тайных желаниях, которые я бы с удовольствием выполнила, — продолжаю я.

— Думал, — признаётся он. Затем нежно обхватывает моё лицо, и страсть в его глазах меняется на что-то... милое. — Прости, сирена. Я вынужден был уйти, хоть и не хотел этого.

Я нахмуриваюсь, когда расстегиваю пуговицу штанов, а сирена во мне не совсем уверена, что делать с этими словами. Остальная часть меня знает, что он говорит искренне. Дес действительно не хотел уходить. Это всё меняет.

Он хватается меня за руки, когда я начинаю стягивать с него штаны. — Не так, — говорит Дес тихо.

— Все ещё сопротивляешься мне? — говорю я.

— Все еще сопротивляюсь ради тебя, — поправляет он, проводя большим пальцем по моей щеке. Его слова врезаются в защитные барьеры. И ими он беспощадно рушит эти преграды. — А теперь, — продолжает Торговец, — моя очередь сделать с тобой то, чего я

всегда хотел.

После этого моя кожа начинает светиться ярче. Дес берет меня на руки и, не удосужившись надеть футболку, несёт через весь дом. Я возобновляю поцелуи, сирена во мне жаждет его. Так сильно жаждет.

Дес стонет.

— Никогда не осознавал насколько это замечательно. Прошу... пощади.

Моё дыхание опалает его кожу, и я игнорирую мольбу, продолжая целовать, мою кровь будоражит его реакция. Спустя мгновение Дес расправляет крылья на всю ширину, только чтобы укутать нас. Я протягиваю руку и глажу одно из них.

— Боже...

Никогда не думала, что Дес будет таять от моих прикосновений. К этому можно привыкнуть. Пройдя в спальню, он раскрывает крылья, чтобы положить меня на кровать. Сделав шаг назад, он закрывает глаза.

Я приподнимаюсь на локтях, пытаюсь понять, что он задумал.

Через секунду крылья Деса исчезают. Только тогда он садится рядом, откидывается на изголовье и притягивает меня к себе. Я кладу голову на его высеченную грудь, и у меня перехватывает дыхание. Даже сирена внутри замерла. Она привыкла командовать, но теперь хочет, чтобы её соблазнили — а не соблазнять самой.

Он смотрит на меня с хитринкой в глазах.

— Уютно, любимая?

«Любимая».

Это что-то новое.

Я улыбаюсь, как идиотка.

Я не понимаю, каков будет его следующий шаг, пока ноутбук не пролетает через дверной проем, опускаясь ему на живот. Я приоткрываю губы, понимая, что происходит. Сердце забилось чаще. Наши вечера кино. Ещё в академии мы постоянно так делали. Открыв ноутбук, Дес находит фильм «Гарри Поттер и Дары Смерти: Часть 1».

— Нам так и не удалось закончить просмотр вместе, так что... думаю, можем досмотреть последние два.

Именно это он всегда хотел со мной сделать? У меня в горле першит. Я не понимала, что Дес наслаждается просмотрами также сильно, как и я.

— Мне нравится идея, — наконец, выдавливаю я, потому что он ждёт ответа.

Даря мне слабую улыбку, он заводит руки за голову и запускает фильм. И затем мы веселимся, как раньше. На этот раз наша близость, наше молчание такое же комфортное, как и много лет назад. Через два часа, когда заканчивается фильм, по моим щекам текут слёзы, капая на грудь Торговцу.

Я чувствую, как он ко мне поворачивается.

— Ты... плачешь? — спрашивает он.

Кота в мешке не утаишь.

Я хлюпаю носом.

— Добби был хорошим другом.

Торговец замирает. Затем его живот начинает трястись. Спустя секунду, я понимаю, что он смеется. Он задирает мне голову так, чтобы наши взгляды встретились.

— Ангелочек, чёрт, ты такая очаровательная. — Дес осторожно вытирает мне слёзы

большим пальцем. Прелестно. Еще один комплимент, который я спрячу. Позже, когда останусь одна, я вытащу его и буду наслаждаться.

Дес опускает взгляд на мои губы, и в его глазах ласка меняется на голод. Торговец колеблется, и когда я думаю, что он собирается меня поцеловать, он поворачивается к компьютеру и закрывает фильм.

— Готова ко второму раунду? — спрашивает он.

Если честно, лёжа на подушке из мужчины, я чувствую сонливость, несмотря на тот факт, что так называемая подушка, не даёт тот же эффект сонливости и на тело.

— Готова, — лгу я.

Как будто я смогу отказаться. Хотела бы я посмотреть, как кто-то пытается оттащить меня от этого шикарного мужского тела. Клянусь, Торговец ничего не пропускает, смотря на меня. Тряхнув головой, он запускает «Гарри Поттера и Дары Смерти: Часть 2», а я вновь кладу голову ему на грудь.

Мои мысли витают далеко, пока начинается восьмой фильм о Гарри Поттере.

Помимо нескольких страстных поцелуев и незначительных ласк, Торговец дальше со мной не заходил. И теперь, к своему огорчению, я этого хочу. Особенно, признавшись самой себе, после его слов о том, что чувствовал во время расставания.

«Словно моя душа разрывается на две части».

Дес признался в своих чувствах. Вслух и мне. Я и до сих пор не пришла в себя. Для любого фейри это важно. Секреты, как валюта. Чем их у тебя больше, тем ты сильнее. Почему король фейри раскрыл свои тайны? Я могу только предполагать.

Я прижимаюсь сильнее к его груди, какие-то странные, невесомые эмоции охватывают меня. Я могу к этому привыкнуть.

Апрель, семь лет назад

Мы с Торговцем выходим из такси.

— Как странно для тебя... взять такси, а не прилететь, что так? — спрашиваю я.

Мы на очередном его деле. Пришли к тому, кто должен выплатить Десу долги.

— Не более странно, чем брать тебя с собой, — заявляет он, расплачиваясь с водителем.

Мы ещё на острове Мэн, хотя здесь я ни разу не была. Думаю, мы в северной части острова. Дома в этом районе построены близко друг к другу, у большинства облезла краска, а черепица заплесневела.

— Ты вообще собираешься показывать мне крылья? — спрашиваю я, наблюдая, как Дес отходит от машины и убирает кошелек в карман брюк. Я отвожу от него взгляд, стараясь не слишком долго пялиться или не пялиться на то, как одежда плотно облегает его мускулистое тело. Ох, быть бы на месте этой выцветшей футболки.

— Поверь, ты не хочешь видеть крылья, — говорит он, проходя мимо.

— Почему это? — интересуюсь я и следую за ним, вытаскивая из сумки ароматный миндальный макарон фисташковым вкусом. Перед этим мы сделали остановку в кафе «У Дугласа».

— Ты должна кое-что знать о фейри, — кидает он через плечо, — наши крылья появляются, когда мы хотим драться или трахаться.

Учитывая то, в каких мельчайших подробностях описывают фейри в книгах, эти ублюдки должны постоянно ходить крылатыми. Но, видимо, не Дес. Я никогда не видела его крыльев. Ни разу. Хорошие новости: пока он не хочет меня убивать. Плохие: он не желает переворачивать мой мир.

Чёрт.

Я догоняю его.

— Ты необычайно воспитанный фейри, — говорю я, надкусывая макарон. Боженьки ты мои, какие же они вкусные.

Он выгибает бровь, наблюдая, как я доедаю вкусность.

— Не всегда. Несколько рюмок, и я — самый настоящий кошмар.

— Несколько рюмок, да? — усмехаюсь я, стряхивая крошки с груди.

И всего-то? Мы с ним вместе выпиваем уже сколько... Естественно, он замечает огонёк в моих глазах.

— Ангелочек, ты никогда не напоишь меня.

Разговор заканчивается, когда мы подходим к скромному домику, краска на котором обшарпана больше остальных и Дес стучит в дверь.

— Хорошо воспитан, — повторяю я.

Он одаривает меня страдальческим взглядом, но не ничего не говорит.

Когда за дверью никто не отвечает, Дес барабанит снова. И снова, тишина.

— Хренов идиот, — бормочет он, отходя назад.

— Я не думаю, что в доме...

Дес с ноги выбивает дверь, которая слетает с петель, заставляя металл скрипеть. Когда она грохается внутрь, у меня глаза едва не вылетают из орбит.

Выпрямившись, Дес похож на Смерть, которая пришла по новую душу.

— Оставайся здесь, ангелочек, — говорит он, стряхивая с себя остатки двери.

Сердце подскакивает к горлу, но я остаюсь, как он и требует.

Торговец заходит в дом — вечерние тени цепляются за него, словно пучки дыма — и исчезает в коридоре. Каждая секунда мучительна. Я ем ещё один макарон, чтобы отвлечься, но на вкус он теперь, как опилки. Внезапно, я чувствую себя душой, держащей в руках пакет вкусняшек и, ожидая кровожадного короля фейри, который, Бог знает что, делает с живущей здесь несчастной душой. Я не должна здесь стоять. Хорошие девочки не делают так. А плохие девочки... ну, я же не одна из них?

«Ты убила человека. Ты хуже, чем плохая девочка».

Испугавшись пронзительных криков, я роняю пакет.

— Пожалуйста, не трогай меня! — умоляет человек где-то внутри дома.

Дес возвращается к остаткам входной двери, волоча за шкурку мужчину. Тени, охватывающие его тело, сгустились. Я многозначительно смотрю Десу на спину. Крыльев всё ещё не видать.

— Упрямясь, ты только нагоняешь проценты, — говорит Торговец, таща его вниз по парадным ступеням прямо на газон.

— Пожалуйста, пожалуйста, я заплачу, только дай мне неделю.

— Я не хочу выплату через неделю, я хочу сейчас. — Он бросает мужчину на траву и кидает мне через плечо. — Подними сумку, ангелочек. Негоже мусорить.

— Сказал чувак, который только что вынес дверь, — бубню я, хватая сумку, но, не сводя взгляда с происходящего.

Торговец одаривает меня улыбкой.

— Я не мусорю, это — взлом и проникновение, — он делает паузу, и я слышу странные звуки позади. — И сейчас у нас только проникновение.

Даже не глядя, я знаю, что он поправляет дверь.

— Выпендрожник, — произношу я, улыбаясь.

Уже второй раз за вечер взгляд Торговца скользит по моему рту.

На земле, у ног Торговца, валяется дрожащий клиент, который смотрит на меня.

— Пожалуйста, помоги мне, — умоляет он.

Когда Дес оборачивается, с его лица уходит всё веселье. Он начинает вышагивать, и, могу поклясться, что ночь становится темнее.

— Тебе не стоило делать этого.

Вдалеке раздаётся раскат грома.

Дес преследует дрожащего, отползающего от него придурка, и, нагнав, ставит ногу ему на грудь.

— Мне нужно имя, — требует Дес.

— Я-я не знаю, о чём ты говоришь.

Несколько секунд Дес оценивает мужчину взглядом, затем кивает:

— Хорошо, Стэн. Вставай.

«Не вставай, Стэн, не дури». Но Стэн Дурак всё-таки встаёт с недоверчивой искрой надежды в глазах. Будто бывает, что Торговец освобождает людей от долгов.

— Вперёд, — Дес кивает в сторону покорёженной машины, припаркованной перед домом, — залезай.

Теперь Стэн, сбитый с толку, колеблется. Торговец уже идёт к ней.

— Ключи, — требует он.

Когда Стэн не подчиняется, ключи сами выплывают из его кармана, и Дес ловит их в воздухе. После чего бьёт по капоту машины.

— Внутрь. Живо.

— Что ты делаешь? — интересуется Стэн. От страха у него даже склера глаз побелела.

— Совершаю прогулку в Потусторонний мир, — Дес отпирает дверь водителя. — И как только мы окажемся там, я скормлю тебя самым страшным ублюдкам, которых знаю.

Этого достаточно, чтобы сломить могучего Стэна. Он начинает хныкать, несмотря на то, что садиться на заднее сиденье; его страх — самый жалкий звук в мире. Я даже корчусь. Можно подумать, он не знал, что этот день наступит, когда просил Торговца об одолжении.

Как только Дес смотрит на меня, его взгляд смягчается.

— Извини, ангелочек, что немного испортил наш вечер. Я подброшу тебя до общежития. Залезай.

Я направляюсь к машине и сажусь на пассажирское сиденье; салон пропах спёртым дымом сигарет. Сзади доносится еще больше нытья:

— Пожалуйста, ты не понимаешь, — говорит Стэн, наклоняясь вперед, — у меня семья.

— С девушкой ты живешь отдельно, а на двоих детей не тратишь ни денег, ни времени. Поверь мне, им лучше без тебя.

Торговец выезжает на темную дорогу.

— Я не хочу умирать, — Стэн начинает рыдать.

— Тогда скажи то, что я хочу знать, — говорит Дес.

— Ты не понимаешь, — скулит Стэн, — он способен на вещи похуже убийства.

И снова тьма окружает Деса.

— Ты знаешь, кто я, Стэн, — утверждает Торговец ледяным голосом. — Репутация опережает меня. И должен был слышать, что случилось с клиентами, которые пытались обмануть меня. — Больше соплей. — И они выплатили долг, — произносит Дес зловеще. — Перед тем, как сдохнуть, выплатили.

Ох, дерьмо.

Стэн ревет громче, и когда я оборачиваюсь к нему через плечо, в ноздре образуется сопливый пузырь. Это просто нереально.

— Пожалуйста, — умоляет он вяло, — пожалуйста. У меня... У меня семья. У меня...

Может, это и надувная сопля, может, факт того, что этот взрослый придурок трусливей некуда, или, возможно, из-за того, что я сижу в пропахшей машине и не могу спокойно есть макароны, но этот мужик конкретно портит мне всю ночь и всё усложняет. Я даю волю сирене, мягкое свечение пробегается по коже, когда я оборачиваюсь к Стэну.

— Ангелочек... — предупреждает Дес.

Слишком поздно.

— Выполни клятву перед Торговцем и скажи ему то, что он хочет, — команду я, завораживая клиента Деса. — Сейчас же.

Несколько секунд Стэн тратит на борьбу с голосом, но тот всё-таки предаёт его.

— Они называют его Похитителем душ. Я не знаю настоящего имени или имён людей, которые выполняют грязную работу за него, — говорит он сквозь слёзы. Торговец поджимает губы в тонкую, злобную линию. — У него много облиций, и ни одно не подлинное... — его голос обрывается всхлипами. И где-то среди них я слышу — Сука.

Дес останавливает машину. Через мгновение выходит из машины, вытаскивает Стэна за

волосы и тащит его в темноту, скрываясь тенями, словно плащом. Я слышу визг Стэна и мясистые звуки — удар плоти о плоть. Затем и они отдаляются. Наконец, наступает тишина. Просидев вот так несколько минут, я наполовину убеждена, что Торговец забыл про меня.

Но затем, словно из ниоткуда, Дес приземляется у машины с пассажирской стороны, потирая костяшки.

— Ты летал! — говорю я, пораженная. Бог знает, что он сделал со Стэном, но я не собираюсь акцентировать на этом внимание.

Торговец не убил бы его. Так ведь?

Дес никак не реагирует, и когда подходит ближе, я осознаю, что он зол.

Открыв дверь, он вытаскивает меня и прижимает к себе.

— Никогда так больше не делай, ангелочек, — его грудь вздымается. — Никогда.

Он про чары?

— Но я помогла тебе, — возражаю я.

Он сжимает мои руки, мускул на его щеке напрягся.

— Ты повесила себе чёртову мишень на спину.

Я всё ещё не понимаю.

— Я сделала то же самое, что и в Венеции.

— Что также было проблематичным, — поясняет он, — но это был другой случай. Ты заставила говорить человека, который был готов умереть за молчание. — Его слова витают в воздухе.

Парень был готов умереть за молчание.

Осколки страха собираются в единое целое. Я никогда не воспринимала сделки Деса всерьёз. Доказательство этому висит на запястье. Для меня они всегда были играми. Мрачными, жестокими, но играми, тем не менее. А игры не реальны. Но эта реальна, и из-за того, что я вмешалась, возможно, погубила чью-то жизнь... ну, в большей степени, чем она уже была загублена.

Дес стискивает зубы.

— Как много девушек могут зачаровывать кого-то? Просто подумай об этом на секундочку. — Я не знаю. Он наклоняется ближе. — Ничтожное количество, — он прищуривается. — Ты знаешь, что произойдет, если кто-то придёт за ним? А если этот кто-то не хотел, чтобы Стэн вообще трепался о чём-то? Они будут пытаться его, и какая у Стэна будет причина не выдавать тебя? Да он быстрее завизжит, и затем, тот, кого он так боялся, придёт по твою душу.

Господи Боже.

— Я могу заставить его забыть, — говорю я, повышая голос. — Просто притащи его обратно. — Я таращусь через плечо Деса в темень.

— Заставив его забыть, ты не изменишь ситуацию, — произносит Торговец. — Если злобные существа заинтересованы, могут почувствовать твои чары даже без помощи памяти Стэна. И могут, при желании, проследить по ним тебя.

Меня начинает тошнить. Не только от себя, но и от мысли, что моя навязчивость поимела Стэна вместе с Десом. Прикол в том, что я хотела впечатлить этим Торговца... заставить его гордиться мной. Доказать, что могу быть полезной. Я судорожно выдыхаю.

— Мне жаль, — говорю я тихо.

Дес смотрит мне в глаза, и его гнев понемногу утихает. Торговец притягивает меня к себе и обнимает.

— Это не твоя вина, — произносит он истощенно. — Мне не стоило втягивать тебя в это. Я был дураком, что вообще позволил тебе убедить себя.

Я напрягаюсь. Как прискорбно это не звучит, мне нравится проводить с ним время.

— Но я хочу путешествовать вместе с тобой, — заявляю я.

— Я знаю, ангелочек. Но никто из нас не может так жить.

От его слов сердце забилося сильнее, хотя я не уверена, чувствую ли страх или волнение. Думаю, всё зависит от причин.

— Как так? — спрашиваю я.

Он только сжимает меня сильнее.

— Никак. Забудь, что я это вообще упоминал.

Наши дни

Я просыпаюсь, пока ещё темно. На моей ноге лежит тяжелая нога, а на талии покоится рука.

Дес.

В какой-то момент последнего фильма о Гарри Поттера я заснула, обнимая Деса. И несколько часов спустя, он крепко прижимает меня к себе, почти полностью накрывая моё тело. Я, как и он, всё ещё одета, но кое-что в этом кажется невероятно интимным. Я потираю глаза, изумленно озираясь по тёмной комнате. Тени Деса скрываются в каждом углу, их вид заставляет чувствовать себя... в безопасности.

Как только я начинаю ёрзать, Дес крепче меня сжимает, притягивая ещё ближе. Я издаю слабый писк. Чувствую себя плюшевым медвежонком для мальчика-переростка.

Торговец шевелится, утыкаясь носом мне в макушку.

— Ты проснулась? — спрашивает он, грубоватым ото сна голосом.

Вместо ответа я поворачиваю голову и смотрю ему в глаза. Исчезла холодная расчётливость, его коварство и маски, за которыми он себя прячет. Сейчас он просто сонный, счастливый мужчина, который приподнимается и проводит большим пальцем по моей нижней губе.

— Я лгал тебе раньше, ангелочек, сон ну очень тебе к лицу. — Я чувствую, как заливаюсь краской. Я не знаю, как он видит мою реакцию в темноте, но его взгляд перемещается к щекам. — Так же, как и смущение.

Осторожно я поворачиваюсь и провожу рукой по белым локонам Деса.

— Расскажи мне ещё один секрет, — говорю я.

Он поджимает губы.

— Расскажи сирене секрет... и она попросит еще один.

— Да у тебя их полно, — восклицаю я. — Не будь Гринчем^[7].

Он выпускает многострадальный вздох, который быстро заменяет улыбкой. После чего наклоняется ближе ко мне.

— Я не собирался рассказывать тебе, но раз ты хочешь секрет... — Я жду. — Ты обслонявила мне всю грудь во время второго фильма, — признаётся он. — Честно говоря, я думал, ты опять плачешь.

Я толкаю его, смеясь над собой.

— Я не это имела в виду, когда просила секрет!

Он ложится на спину, тянет меня за собой и тоже начинает смеяться.

— Я не устанавливаю правила, ангелочек, я их обхожу.

Я сажусь на него сверху, наклоняясь ближе.

— Я должна быть исключением.

Даже не знаю, что подтолкнуло меня сказать такое, но уже поздно, слово — не воробей. Жду, когда Дес выгнет бровь и ляпнет что-то колкое в ответ. Вместо этого, выражение его лица становится серьезным.

— Так и есть.

Дес опускает взгляд к моему рту, впиваясь пальцами в кожу. В большинстве случаев, он меня путает. Но не сейчас. Сейчас мы с ним на одной волне.

Медленно я опускаю голову и прижимаюсь к его губам своими.

Что может быть лучше, чем проснуться с Десом утром?

Целоваться с Десом утром.

Я скольжу губами по его, наслаждаясь вкусом. Дес прижимает меня крепче, издавая гортанный звук, и углубляет поцелуй, ловко сплетая язык с моим.

Мы похожи на незавершенное дело. Словно шторм на горизонте, но сейчас, наконец-то, он надвигается.

Я возбуждающе ёрзаю на Десе, нетерпеливо нуждаясь в большем.

— Калли, — говорит он напряженным голосом, — я не могу, любимая.

«Вот, опять».

«Любимая».

— Скажи это еще раз.

— Любимая?

Я киваю, прижимаясь к нему сильнее.

— Мне нравятся проявления нежности, — я продолжаю двигаться на нём, несмотря на предостережения.

Дес стонет.

— Как и мне, — выдыхает он.

Опустив руку, я расстегиваю пуговицу и засовываю ладонь Десу в штаны.

— Очень нравятся.

Дес шипит.

— Осторожнее, — предупреждает он прямо в губы. Глаза говорят совершенно о другом. В них я вижу поощрение продолжать. Я отстраняюсь чуть дальше.

— Что, если я не хочу быть осторожной? — говорю я, сжимая стержень Деса. У меня углубляется дыхание от ощущений. Я никогда такого с Десом не вытворяла. Это даже лучше, чем поцелуй. — И, если не хочу, чтобы ты осторожничал? — я подчеркиваю слова, двигая рукой вверх и вниз. Вверх и вниз.

Он выгибается подо мной.

Я наклоняюсь ближе.

— Грубый Торговец уже не такой грубый.

— Калли...

— Любимая, — поправляю я, сирена начинает просачиваться в слова.

— Любимая, — произносит он, — я планировал это... по... другому...

— Очень жаль, — говорю я.

— Коварная женщина, — выдавливает он, изгибая губы в улыбке.

Я искушена подвести его к краю, но потом остановиться. Этого хочет сирена.

Наслаждаться похотью, а затем заставить его страдать.

Но большая часть меня хочет довести начатое до конца. Подвести этого мужчину, бросившего меня, но мучимого этим, к самому краю. Довести до конца эту «любимую». Разобраться с ревностью к бывшим. Дойти до конца с этим безупречным королём, собирающимся кончить себе в штаны, потому что я хочу, чтобы он потерял голову от моих прикосновений.

Я с трепетом наблюдаю за ним из-под полуопущенных, отяжелевших век. Его высокие скулы даже острее с этого угла; взгляд хитрых глаз сфокусирован на моем лице, в то время как Дес стискивает руками мои бедра.

— Слишком приятно, Калли...

Я увеличиваю темп.

Торговец с шипением выдыхает, блуждая руками по моему телу, будто ища за что ухватиться, но никак не решается. В конечном счёте, вновь выбрал бёдра. Я ублажаю его, чувствуя напряжение тела.

— Сейчас кончу, — стонет он.

Я впиваюсь в его губы поцелуем, пока он вновь и вновь толкается в меня. И впивается пальцами в мою плоть, пытаюсь прижать теснее к себе.

Я улыбаюсь ему в губы, когда, наконец, чувствую, как он расслабляется.

Он тяжело дышит подо мной, прислоняя лоб к моему.

— Хочешь знать настоящий секрет? — судорожно говорит он. Я киваю в ответ. — Хочу просыпаться с тобой каждое грёбаное утро.

На этот раз, когда мы направляемся в Потусторонний мир, я уже знаю, как обстоят дела. Мы оказываемся на других руинах, с кругом из каменных статуй величавых мужчин — и женщин — фейри, перед тем, как Дес уносит меня к себе во дворец.

Он прижимает меня теснее, и я, какой раз, ловлю его беспечный взгляд на себе. Будто он хочет большего от меня. Ведь я не дала ему шанса. Сразу после того, как он кончил, я улизнула из постели. Почему? Возможно, потому что меня пугает то, что я натворила с нашими отношениями. И, возможно, потому что хотела дать то, на чём он бы заиклился так же, как и я заиклилась над его признанием прошлой ночью. Только вот, теперь и я заикливаюсь на случившемся утром. С каждым тёплым, отведённым мне, взглядом и безмолвным обещанием, что закончит то, что я начала, в глазах, заикленность крепчает. Король фейри голоден, и он привык получать желаемое.

Я пытаюсь сфокусироваться на поставленной задаче — посетить спящих воинов — но бесполезно. Сейчас, больше, чем когда-либо, меня беспокоит Торговец.

Мы пересекаем облачную пелену, и я снова вижу его великолепный город.

— Как он называется? — спрашиваю я, кивком указывая на плавучий город.

— Сомния, — отвечает Дес, щекоча ухо дыханием. — Земля Снов и Тихой Смерти. Столица моего королевства.

Земля Снов и Тихой Смерти. Звучит мрачно и волшебно... как и Дес, короче говоря. Он

резко берёт влево и спускается на землю, кружа над городом. Люди выходят на террасы и улицы, чтобы увидеть нас. Многие собрались за воротами перед замком.

— Второй по величине город, — продолжает Торговец, — Барбос, затем Лефис, Филлия и Мемнос, острова-близнецы, соединенные мостом. Арестис — самый наименьший и беднейший... — выражение его лица мрачнеет.

— Они все парящие? — интересуюсь я.

— Естественно.

— Хочу увидеть их. — Что я несу? Я реально произнесла это? Последнее, что я хочу, это тратить больше времени на Потусторонний мир. Дес смотрит на меня. — ... Начнем с Арестиса, — добавляю я на выдохе.

«Серьёзно, Калли, сумасшедшая сучка, замолчи».

Но я не могу, особенно когда он так смотрит на меня.

— Тогда я покажу тебе их всех, — говорит он, серебристые глаза так блестят, будто он не мог поверить моим словам. Я, возможно, забила последний гвоздь в собственный гроб. Всего-то раскрыла рот...

Дес парит над фасадом замка, и в отличие от грандиозного прихода в прошлый раз, тихо приземляется на одну из задних террас дворца. После чего опускает меня на ноги и складывает крылья.

— На этот раз без причудливого выхода? — спрашиваю я.

— Сегодня я не хотел делить тебя с ними. — Крылья, слабо мерцают, пока он говорит. Как только он складывает крылья, на его голове материализуется бронзовая корона. А под черной футболкой, в которую он одет, я вижу, как проявляется один из воинских браслетов. Я улыбаюсь, глядя на него; мой отъявленный король в поношенной футболке и простой короне. Сейчас он не похож ни на фейри, ни на человека. Но выглядит лучше, чем кто-то из них.

Он непринуждённо берёт меня за руку и ведёт внутрь дворца. Мы спускаемся по широкому коридору через комнату, полную мечей и скипетров, выставленных на показ.

Фейри, мимо которых мы проходим, не одаривают наряд Деса и взглядом, хотя сами одеты в вышитые бисером платья и туники с причудливыми пуговицами. Подданные Торговца смотрят только на меня. Меня и наши переплетённые руки. Когда я ловлю взгляды фейри, они низко кланяются, бормоча «Ваше Величество». Я беспокоюсь отдергиваю руку ради того, чтобы они перестали пялиться. Дес, видимо, этим не обременён. Он ведёт меня за дворец, вперёд по подвесной арочной дорожке, соединяющей два шпиля замка, и у меня появляется момент насладиться восхитительной архитектурой этого места. Дворец находится в самой высокой точке Сомнии, остальные здания разбросаны по всей территории. Отсюда мир похож на тысячи и тысячи звезд, каждая из которых ярче предыдущей. Под нами многочисленные ряды белых каменных домов, усеивающих землю, некоторые ряды даже тянутся вниз по расселинам города. Это даёт совершенно новый смысл понятию фейри «король-под-горой». Опять же, я поражена тем, как волшебным и невероятно это место. Город Снов и Тихой Смерти выглядит сказочным. Как самый настоящий сон.

Мы входим в другую башню, вновь покидая ночное небо. Дес ведёт нас по нескольким коридорам, пока, в конце концов, мы не останавливаемся перед кованой бронзовой дверью, верх которой изогнут, как марокканская арка, и заводит меня внутрь.

Я тут же понимаю, где мы.

Покои короля.

Я должна была догадаться ещё, когда мы подошли к двери, но ошибочно думала, что Торговец вёл меня прямо к спящим женщинам.

Роскошная гостиная расстилается передо мной, а за ней — большой балкон. Слева я мельком вижу мебель для спальни. Справа — что-то вроде обеденной зоны. Бронзовые лампы вмонтированы вдоль стен, те же самые, что я видела в прошлый раз, огоньки света плавают внутри каждого стеклянного корпуса.

Когда я оборачиваюсь к Десу, тени стали ближе к нему. За плечами сложенные крылья беспокойно двигаются, будто не могут успокоиться. Он не убрал их с самого приземления.

В его глазах мерцает голод...

Дес подносит мою руку к своему рту и целует костяшки пальцев.

— Правда или действие? — шепчет он. В его голове с самого пробуждения вертятся плотские мысли. Как и у меня.

— Действие.

Его ноздри раздуваются.

В одну секунду он стоит напротив меня, в другую — я тону в его объятиях, а его губы обжигают мои. Он несёт меня через комнаты в спальню, не разрывая поцелуя. С высоких потолков свисают лампы, внутри которых мерцают огоньки. На дальней стене комнаты линия окон с отличительной марокканской аркой обрамляют двойные двери, ведущие на балкон.

Торговец опускает меня на большую кровать с кованым бронзовым изголовьем; глаза его поблескивают. Он не ложится рядом, а просто стоит у подножия кровати и смотрит на меня. Затем опускается на колени, лаская мою ногу, пара белых пряжей падает ему на лицо. Нет, я хочу видеть его. Я поднимаюсь и убираю волосы. Дес подаётся к моей руке, уже обеими руками лаская мои ноги.

— Как только начинается выплата, магия действует на своё усмотрение, Калли. Ты все ещё хочешь рискнуть?

Учитывая ситуацию, то, как Дес меня касается, и этот жар в его глазах, я понимаю, что произойдет физический контакт. Я должна сказать «нет». Должна отгородить себя от дальнейшей эмоциональной путаницы с этим мужчиной. Но после прошлой ночи и сегодняшнего утра, я решила опробовать новую тактику. В которой я храбра сердцем.

— Да.

В глазах Деса вспыхивает триумф. Торговец толкает меня на матрас. Я уже чувствую магию, накаляющуюся вокруг нас в ожидании. В отличие от большинства других случаев, когда я чувствовала исходящее от неё давление, сейчас сила ощущалась теплой, приятной, будто она просто набирается опыта. Дес сдвигает меня за голени к краю кровати; ноги свисают с матраса, а платье, которое я надела утром теперь собралось вокруг талии. Дес скользит руками выше, к коленям, а затем по внутренней стороне бёдер.

Я ахаю, когда он задевает пальцами кружевные трусики. Дес тяжело дышит, задирая платье выше, полностью открывая взору бельё.

— Как я и представлял... — произносит он тихо, блуждая по мне взглядом, — и оно никогда не подчеркивало твоей истинной красоты.

Он воображал моё бельё? Поддев пальцами край кружева, он, сантиметр за сантиметром, медленно снимает с меня его. Под нарастающим желанием проявляется страх. Судьба слишком жестока, чтобы давать больше, чем вкус желаемого. Я боюсь, что превзошла грань.

— Ангелочек, — говорит Дес, отбрасывая бельё в сторону. Он смотрит на средоточие моей страсти, — я доставлю тебе удовольствие. Очень, очень много удовольствия.

Задирая платье ещё выше, он начинает целовать низ моего живота.

— Дес...

Сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Я облизываю губы, в горле пересохло.

Дес проводит пальцем по моему лону. Я удивлённо охаю, а моя кожа начинает светиться. Он делает так снова, и я выгибаюсь. Слабый стон слетает с уст Деса.

Торговец проникает пальцем в моё тело, и все мысли улетучиваются у меня из головы. Он добавляет второй палец, и я издаю низкий стон.

— Да, Калли.

— Дес.

Мне нужно больше. Гораздо больше. Он убирает пальцы и, у меня на глазах, он оближивает их. Так непристойно. И, помоги мне Всевышний, возбуждающе.

Дес стонет.

— Лучше, чем в фантазиях. — Он закидывает мои ноги себе на плечи, полностью раскрывая меня себе. Это всё так неприлично. Торговец переводит взгляд с моего естества на глаза. — Предупреждаю честно: я не остановлюсь, пока ты не кончишь. — И с этими словами он наклоняется. От первого прикосновения губ я резко втягиваю воздух. И уже точно могу сказать, что этого чересчур. Дес кружит языком по центру моего тела, прикусывает плоть, дразнит. Вскоре я начинаю издавать непристойные звуки. Не знаю, куда деть руки, поэтому просто сжимаю простыни.

— Мой ангелочек. Такая сладкая, такая податливая, — грубым голосом говорит он между поцелуями.

Боже, этот мужчина не врал, что он — повелитель... или король, неважно, секса. Хоть одна оральная ласка была настолько хороша? Риторический вопрос. Нет. И Дес даже ещё не добрался до клитора. Он играет со мной, и мне совершенно плевать, потому что Торговец между моих ног, и он не остановится, пока я не кончу. Внезапно, Дес перестаёт играть и задевает языком клитор, затем ещё раз и ещё.

О, Боже.

Это невероятно. Самые невероятные ощущения. Мои бёдра начинают двигаться в собственном ритме, тело пылать ярче, чем огоньки, плавающие в лампах. Я не могу вынести это. Тяжело дыша, я пытаюсь отползти подальше от Деса.

— Ах, ангелочек, — говорит он, притягивая меня обратно, — ты никуда не уйдёшь. Пока я с тобой не закончу.

Он не отпустит меня. Не выпустит, и я выгибаюсь под ним, издавая задушенный всхлип.

— Дес, прошу.

Внизу живота связывается в клубок слишком много ощущений, и он увеличивается. Больше и больше, и больше.

— Кончи для меня. — Теперь, Дес просто посасывает клитор.

Я даже не в состоянии ни о чём думать.

— Дес.

Моё тело — пучок нервов, и все они напряжены. Я не могу отступить, и не могу больше этого вынести. Я прямо на краю и с очередным движением языка Торговца...

— Кончай.

... я начинаю падать.

— Боже мой, Дес.

Сирена овладела голосом. Я невидящим взором смотрю на красивый потолок, зрение размывается, пока волны наслаждения омывают моё тело; оргазм длится дольше и опалает тело сильнее, чем те, которые я когда-либо испытывала. Когда я успокаиваюсь, Торговец, всё ещё по-собственнически, целует внутреннюю сторону моих бедер. Ноги скользят с его плеч, он ловит их, нежно соединяет и отдёргивает платье. Взяв меня на руки, он садится к изголовью кровати.

Я изумлено смотрю на него.

— Это было...

Потрясающе. Умопомрачительно. Невероятно.

— Слишком долго ожидалось, — закончил он за меня. Дес гладит меня по волосам, его глаза полны такой тоски. Сердце сжимается от этого. Подавшись вперёд, он целует меня, и я ощущаю свой вкус на его губах. Это пошло и возбуждающе, отчего моя меркнущая кожа начинает светиться снова. Дес выводит узоры пальцем на моей руке. Я смотрю на него, пытаюсь не думать, как идиотка, о только что произошедшем. Этот великолепный мужчина, который всегда был недосыгаем, забрал бусину, чтобы доставить мне удовольствие. Мир полностью перевернулся, и я не хочу, чтобы он вообще возвращался на круги своя.

— О чем ты думаешь? — спрашиваю я.

— О многом, ангелочек. — Я провожу пальцем по бронзовому браслету на предплечье. — Я представлял тебя в своей постели тысячу раз, — продолжает он, глядя на меня.

Какой нереальный момент.

— Тысячу раз?

Я не знаю, что делать с ощущением, пронзившим меня. Что-то между восторгом, самообольщением и надеждой, настолько острым, что почти причинило боль. Опять же, я боюсь... Деса, нас. Что всё, чего я когда-либо хотела, ускользнёт сквозь пальцы. Потому что так и будет. Такова природа вещей.

Он прижимает губы ближе к моему уху.

— Хочешь знать одну правду обо мне?

— Несомненно, — говорю я, поворачивая к нему голову.

Он берет мою руку и прижимает к своей груди. Под ладонью я чувствую, как сильно бьётся его сердце. Я поднимаю взгляд с груди на лицо Торговца.

— Так происходит, когда ты рядом со мной, — произносит он.

Я стою на балконе, вглядываясь в ночное небо. Как только я вновь смогла двигаться, прошла по всем комнатам Деса, закончив осмотр балконом. Я разглядываю белые дома и сады, расстилающиеся от замка. Торговец правит всем этим. Этим и даже больше.

Дес выходит на балкон.

— Я почти постоянно забываю, что ты — король, — говорю я.

— Я рад, — комментирует он, подходя сзади, затем кладёт руки на перила по бокам от

меня. — Не хочу, чтобы ты думала обо мне, как о короле. Лучше, как о мужчине.

Я понимаю это. Ярлыки могут быть опасными, рискованными, особенно, когда кажутся подходящими.

— Я хочу узнать тебя с этой стороны, — заявляю я.

Хочу знать, как он пришёл к власти. Сколько лет правит. Знать, принимает ли он решения сам, или у него есть комитет доверенных советников. Всё скучное и глупое, что касается его положения, потому что просто хочу узнать о нём больше. Он оставляет на моем плече поцелуй.

— Однажды, ангелочек, я тебе расскажу, — произносит он.

Я оборачиваюсь и смотрю на то место, где он меня только что поцеловал. Но ловлю вид замысловатой татуировки, тянущейся вдоль левой руки Деса, и начинаю очерчивать их. Под пальцами я ощущаю его дрожь.

— Откуда у тебя она? — спрашиваю я.

— Ещё одна история для другого раза.

Дес и его секреты. Всегда его секреты. Я вздыхаю, возвращая внимание к королевству. Так мы и стояли долгое время, не разговаривая.

— Хочешь узнать секрет? — спрашивает Торговец.

Это должно быть утешительный приз — я не должна знать о том, кто такой король Десмонд, или о рукаве татуировок, но Торговец поделится со мной секретом... забывая, что этот секрет может ничего не значить.

— Да, — выдыхаю я. Я настолько жалкая, что хочу всё, что могу получить.

Он обнимает меня за талию, прижимая к своей груди.

— Царство Ночи — самое сильное королевство в Потустороннем мире. Скажи это феэри другого измерения, и они могут поспорить. Но это правда. — Поверх плеча он указывает мне на небо. — Скажи, что ты видишь там?

Я перевожу взгляд туда, куда он протягивает руку, вглядываясь в ночное небо. Оно сверкает тысячами и тысячами звезд, каждая из которых намного ярче, чем те, что видны с земли.

— Звезды, — отвечаю я.

— И всё? — спрашивает он.

— Кроме ночи, да.

— Ночь, — повторяет он, большой палец поглаживает мне живот через ткань платья. — Именно поэтому люди воспринимают мое королевство как должное. Никто не замечает тьму, но всё же она везде. Мы окружены Вселенной, полной тьмы. Она была до нас, и будет после. Даже звезда формируется и затем погибает, но темнота же будет существовать всегда. И поэтому, Царство Ночи считается самым романтичным из измерений. Мало того, что возлюбленные встречаются под покровом темноты, она является самой вечной из всех вещей. Объявить свою любовь до окончания ночи — самый священный и вечный из обетов, — тише добавляет Дес. — Это клятва, которую я приму, когда свяжу себя с королевой.

Мне словно ножом в под дых ударили. Я не хочу слышать о будущей королеве Десмонда, только не после пережитого. В конце концов, он не сделает мне предложения. Я смущена тем, что меня это волнует. Не стоит, но, похоже, я открываюсь ему.

— Повезет девушке, — произношу я, отталкиваясь от стены и от него.

Я чувствую на себе взгляд Деса, пока иду по комнате.

— Нет, — поправляет он меня, — повезет не ей. А мне.

Апрель, семь лет назад

Так не может продолжаться.

Я лежу в объятиях Торговца, глаза закрываются, от наслаждения, когда он гладит меня по волосам. Я борюсь со сном, не желая упускать такой момент. С тех пор, как я проснулась из-за кошмара — окно — вдребезги, а Дес — в комнате — он остаётся со мной каждую ночь, пока я не засну. Возможно, даже дольше.

Такое чувство, будто его тело было слеплено для меня, каждая впадинка и изгиб соответствуют моим, словно кусочки пазла. Но было нечто большее: то, как он пахнет, чему даже нет названия, и то, как обнимает меня. Внутри поселилось чувство правильности — быть в объятиях Деса, будто это единственное место, к которому я принадлежу.

Чувствовал ли он то же самое? Или я просто придумываю сказки из дыма и теней? Вопрос, к которому я часто возвращаюсь.

Веки тяжелеют, и я с трудом стараюсь держать глаза раскрытыми, концентрируя взгляд на ухе Торговца. Я протягиваю руку и касаюсь заостренного края. Уши фейри.

От моего прикосновения Дес вздрагивает.

— Ты прячешь их, — говорю я. Клянусь, большую часть времени они выглядят закругленными... человеческими.

— Иногда, — соглашается он.

Дес нежно убирает мою руку. Нас окружает тишина и тьма, но я всё равно ощущаю тени Деса, укрывающие меня, от чего чувствую себя в безопасности. До него у меня было так много причин бояться ночи. Сейчас же, я предвкушаю её наступление, ведь она приносит мне его.

— Спасибо, — бормочу я.

— За что, ангелочек? — интересуется он.

— За всё.

На мгновение он перестает гладить меня по волосам, а когда возобновляет движения, большой палец касается моего виска. Самый легкий порыв нежности. Я начинаю погружаться в сон, поэтому не уверена, правильно ли поняла последние слова, которые он выдохнул в ночь...

— Ради тебя никак иначе.

Наши дни

После разговора мы возвращаемся к делу, к спящим воинам. Если Торговец и замечает, что я отдаляюсь от него, ничего не говорит. А что сказать? Что ему жаль? Не его вина. Любовь нельзя подделать. И хотя Дес был нежным со мной, добрым, физически воздействовал, ничего не упоминал о любви. Но я не могу подавить чувства, которые многие годы мучили меня.

Торговец несёт меня всё дальше, один лестничный пролёт сменяется другим, пока мы не приземляемся на балконе, вероятно, на самом нижнем уровне дворца. Прямо под нами земля уходит вглубь, где здания расположены одно за другим, удаляясь вплоть до темноты. Мы

подходим к краю, прохладный ночной воздух играет с моими волосами.

Я облакачиваюсь на перила.

— Куда теперь?

Дес небрежно обнимает меня за талию.

— Что... — я едва успеваю взглянуть на накаченные руки и татуировки перед тем, как он взмывает вверх, разворачивая крылья с заостренными когтями, и вскрикиваю. Нужно было понять, что мы куда-то летим, но Дес складывает крылья. Тогда я и понимаю, что мы не поднимаемся, а пикируем вниз.

Ничем нельзя описать тот сущий ужас падения в бездну головой вниз. Мы стремительно падаем, от чего ветер, растрепавший мои волосы, не даёт даже сделать вдох. Головокружительное количество балконов, садов и террас на отвесных скалах пролетает мимо. Всё это очень похоже на кукольный домик. Я вижу врез квартиры, комнаты, магазины и сады. И чем мы ниже, тем тусклее становится этаж. Мы всё опускаемся, пока здания не скрываются в темноте. Тут внизу город ночи больше похож на пустоту. Мы замедляемся, и Торговец раскрывает огромные крылья, накрываясь в сторону балкона, находящегося почти у самого низа бездны. Дома вокруг нас менее изящны, а, покрытые шипами, виноградные лозы извиваются вокруг перил, от чего колонны портиков кажутся зловещими.

Как только мы приземляемся, от прилива крови я шатаюсь. Но Дес крепко обнимает меня, когда я пытаюсь отстраниться.

— Калли, дай себе секунду привыкнуть, — говорит он низким голосом.

Что я и делаю, совершенно не против обнимашек. Чувствуя, что меня уже не шатает, он разжимает объятия. Я оглядываю то, что должно быть самым нижним уровнем в городе. Здесь намного холоднее.

— Что это за место?

— Добро пожаловать в промышленный район столицы, где занимаются экспортом и импортом Сомнии.

Поэтому люди не живут здесь. Какое облегчение. Сравнивая с остальным городом, этот район, своего рода, разочарование. Я имею в виду, он прекрасен, в жутком смысле этого слова, но я бы не хотела здесь остановиться. В поле зрения попадает простая деревянная дверь, которая с балкона ведёт внутрь. Беспокойство оседает в животе. Я не могу распознавать магию так, как это делают фейри, но проходить через эту дверь — хотя уверена, что именно туда мы и направимся — желания нет. Не прошло и секунды, как мои подозрения подтверждаются, Дес ведёт меня прямо к двери.

— Это бывшее хранилище, — поясняет он, — как и остальные здания в этой области. Но, когда закончились свободные места, его преобразовали под временное убежище для спящих.

Дверь перед нами со скрипом открывается, и мы входим во вместительное складское помещение без окон.

Торговец кивает охраннику, дежурившему у дальней стены. Без единого слова тот выходит, предоставляя нам уединение.

Я оглядываюсь по сторонам. Как и в других комнатах дворца, кто-то с помощью магии запечатлел ночное небо на потолке. Крошечные огоньки света слабо сияют в плафонах на стене, но едва ли разгоняют тьму, которая окутывает комнату.

Это все, что я замечаю в хранилище, потому что...

Всё оно уставлено гробами. Их тут сотни... возможно, тысячи. Ряды и ряды стеклянных гробов. Я не верю своим глазам.

— Так много, — выдыхаю я

Стоя рядом со мной, Торговец хмурится.

— Почти вдвое больше пропало из королевства.

Я втягиваю воздух. Это почти целый город. Хоть и маленький, но всё же. Такие ошеломляющие цифры.

Я мимолетно осматриваю женщин внутри каждого гроба, их руки сложены на груди. Так жутко.

— И у каждой по ребенку? — спрашиваю я.

Торговец кивает, проводя большим пальцем по нижней губе. Те губы, которые менее часа назад доставили мне столько удовольствия. Дес ловит мой взгляд, и что бы ни выражало моё лицо, он резко втягивает воздух через нос. Мне приходится оторваться от Торговца. Не очень хочется, чтобы между нами случился интимный инцидент посреди... собственно морга.

— Где все дети? — интересуюсь я. Их было не больше двух дюжин в королевских яслях.

— Они живут с родственниками.

Я выгибаю брови. Сотни странных детей сейчас живут в семьях.

— Были какие-то жалобы? — спрашиваю я.

Он кивает.

— Но более того, в последние несколько лет был резкий рост детоубийства.

На осознание сказанного им ушла секунда, и я выдыхаю:

— Они убивают детей?

Он замечает, что я глубоко потрясена.

— Ты так удивлена, ангелочек? Даже на земле, наша репутация не уступает здешней. — Конечно, я в шоке. Дети — есть дети. Какими бы они ни были, нельзя их просто... убить. — Перед тем, как судить мой народ, ты должна знать, что были случаи, когда опекуны впадали в такой же... сон, что и эти женщины. И в большинстве случаев детоубийства, дети были не жертвами, а преступниками.

Меня начинает тошнить. Я не завидую работе Деса, как короля. Такого мне и в голову не приходило.

— Слуги, которые работали в яслях, впадали в такой же сон? — спрашиваю я, осматривая комнату.

— Парочка, — признается он, бросая взгляд на гробы, — фейри. Люди, кажется, имеют некий иммунитет, поэтому только они имеют прямой контакт с детьми во дворце. — Дес кивает на гробы. — Пошли, ангелочек, — говорит он, меняя тему, — посмотрим на них.

Я окидываю взглядом всю комнату. И лишь от вида лежащих в гробах женщин у меня волосы встают дыбом. Я, настороженно, отхожу от Деса, шаги эхом отдаются в глубоком и глухом помещении. Я подхожу к ближним рядам, немного побаиваясь заглянуть внутрь. Блѣклый свет отражается в стекле, заставляя гробы мерцать в полутьме. Я заставляю себя посмотреть на женщину в гробу. Волосы цвета вороного крыла и лицо в форме сердечка. Милое. С виду и не скажешь, что она — воин. Заостренные уши торчат из-под прядей волос. Я тяжело глотаю, уставившись на неё. Последний раз, когда я видела труп, смотрела на тело отчима. Кровь на руках, на волосах... никогда не освобожусь от этого. Я отвожу взгляд от лица женщины. Одетая в черную тунику и такого же цвета бриджи, заправленные в

замшевые сапоги. Руки покоятся на груди и сжимают рукоятку меча, лежащего вдоль торса. Она такая неподвижная, спокойная, и какая-то часть меня ждёт, когда она откроет глаза и мечом проложит себе путь наружу.

Все выглядит так реалистично. Я заставляю себя перейти к другой женщине, прежде чем поджать хвост и поспешить отсюда. У другой волосы похожи на серебряные нити, и длиной до подбородка. Несмотря на серебро в волосах, она выглядит молодой, с гладкой кожей, обтягивающей высокие скулы и квадратный подбородок. Всё в ней выдает солдата; даже в состоянии покоя, она кажется более серьёзной. Но даже это её не спасло. В руках зажат лук, и рядом с ногой колчан, наполненный стрелами. Другой воин. Но не просто воин. С серебряным браслетом на плече. Почётный воин.

Я начинаю пробираться сквозь гробы. Все женщины одеты в похожие наряды, и у каждой в руках по оружию. Воины, ставшие жертвами.

Вся эта картина доводит меня до предела. Некоторые из самых сильных женщин королевства Деса лежат внутри этих гробов. Как такое случилось с превосходными воинами? И если этот монстр смог сотворить это с такими женщинами, то, что он бы сделал с обычным человеком? Что бы сделал со мной?

Я начинаю напевать про себя, чтобы как-то облегчить нарастающую тревогу. Я прикасаюсь к крышкам, замечая, что стекло все ещё тёплое. Кожу покалывает. Обстановка... неестественная, неправильная по своей сути.

Не задумываясь, я начинаю петь вслух.

— Сбрось сонные оковы,
Отгоняй дремоту,
Открой секретов засовы,
Я их сберегу.

Сирена во мне любит сочинять, точно так же, как и ведьмы рифмуют заклинания. Я уверена, что это имеет какое-то отношение к эффективности магии, но для моих ушей это просто наслаждение.

— Разомкни свои глазки,
Вдохни воздух, полный ночи,
Расскажи секрет без опаски,
Свои тайны со мной обручи.

Я смотрю на Деса через плечо. Он стоит, сложив руки на груди и расставив ноги, а за спиной крылья; и выглядит он, как что-то среднее между рок-звездой и падшим ангелом, даже несмотря на кожаные штаны и рукав татуировок. Дес смотрит на гробы, словно ждёт, что кто-то шевельнётся. Я следую за его взглядом, медленно напрягаясь, но нет, женщины лежат так же, как и тогда, когда я зашла. Оборачиваясь, я продолжаю петь:

— Пробудись ото сна,
Сбрось темноты заклинание,
Раскрой же уста,
Подари мне признание.

Я уже знала перед тем, как вошла сюда, что чары не смогут разбудить женщин. Все они — фейри. И всё же я держусь за ниточку надежды, что могу помочь. Текут секунды, переливаясь в минуты. Я жду каких-либо признаков пробуждения, но никто не двигается, и я чувствую себя глупо. Петь в комнате, полной фейри, которые не шевелились с тех пор, как их принесли сюда. Я возвращаюсь к Торговцу, заполняя тишину громкими шагами.

Звонкий смех слышится позади.

Я останавливаюсь, оглядываясь через плечо. Здесь больше никого нет, по крайней мере, никто не ходит и не разговаривает. Я возобновляю шаги, уже напряженная. Я боюсь, а воображение любит пошалить.

«Рабыня...»

Я останавливаюсь на полушаге, и, широко раскрыв глаза, смотрю на Деса. Он прижимает палец ко рту, а через мгновение испаряется в дыму.

Дерьмо. Куда это он?

Невидимое дыхание от мягкого смеха щекочет щёки, и только сейчас я понимаю, какие у меня большие проблемы. Я оборачиваюсь, уверенная, что прямо за мной кто-то стоит, но никого нет. Вновь из глубины комнаты доносится смех, переходящий в напев. Голоса исходят из ниоткуда и отовсюду. Они окружают меня, нарастая.

*«Сон прекрасен собой,
Или в страх все бросает?
Ведь это игра, в которой
Игрок погибает».*

Я оглядываюсь в поисках того, кто поёт, но уже понимаю, что это — магия вне моего понимания. Фантомная рука гладит меня по волосам.

*«Ты поднимаешь солдат,
Когда тебя мы тянем в сон,
Ведь секреты подлежат
Лишь одной из сторон.
Так что пой свои песни,
Распевай все слова,
Он придет за тобой,
Когда наступит пора».*

Пение утихает, пока комната не погружается в тишину.

— Твою же мать, — я перевожу дыхание.

Время убираться из этого гребаного места. Я смотрю на гробы, проходя мимо, с ожиданием, что в любую минуту эти женщины набросятся на меня.

«Опять баламутишь воду, не так ли, Калли?»

Прямо передо мной кружатся тени, сливаясь в крылатого мужчину.

Дес.

Крылья Торговца угрожающе раскрыты, на лице нельзя прочесть ни одну из эмоций, и это означает, что сейчас Дес в режиме убийцы. У кого-то сорвёт крышу.

— О, так мило с твоей стороны присоединиться ко мне, — говорю я, повышая голос. У меня походка тоже сорвет.

— Я никогда не покидал тебя, — утверждает он.

Я не собираюсь обдумывать его замечание. Ситуация и так довольно странная. Он оглядывает гробы.

— Если бы я был безжалостней, то сжёг бы все здесь к чертовой матери.

В обычной ситуации, подобное шокировало бы меня, но сейчас, когда я всё еще ощущаю прикосновения фантомной руки, подумываю, что оставлять этих женщин здесь, в сердце столицы, очень плохая идея.

Апрель, семь лет назад

Моя комната в общежитии превратилась в некий коллаж меня и Деса. На потолке висят ряды молитвенных флажков — прекрасное напоминание о Тибете. Цветочный фонарик на полке из Марокко. Раскрашенная тыква на столе из Перу. И стеганое одеяло у подножия кровати из Найроби.

Торговец путешествует со мной по всему миру, конечно, в основном, по работе, но, иногда, чтобы отдохнуть от неё. Я думаю, ему нравится видеть моё волнение. И из всех этих поездок я собрала комнату, полную сувениров.

На стенке между побрякушками прикреплены наброски Торговца, на некоторых из которых изображена я. Но когда заметила, что я — повторяющаяся тема в его художествах, попросила нарисовать Потусторонний мир. Изначально, идея была в том, чтобы сократить количество моих портретов, но когда Дес начал рисовать свой мир, я была сражена. Теперь стены покрыты зарисовками городов, построенных на гигантских деревьях, и танцевальными залами у подножия гор, одновременно необычными и пугающими монстрами, а ещё существами, настолько прекрасными, что так и манят к себе.

— Калли, — говорит Дес, возвращая меня к реальности. Он растянулся на кровати, от чего край футболки задрался, позволяя мне взглянуть на пресс.

— М-м-м? — тяну я, крутясь на компьютерном кресле назад и вперед.

Он колеблется.

— Если бы я прямо сейчас спросил тебя что-то, ответила бы ты честно?

До сих пор разговор был беззаботным и веселым, поэтому я, не задумываясь, произношу:

— Конечно.

Дес медлит, затем продолжает:

— Что действительно произошло той ночью?

Я замираю, кресло медленно останавливается.

Десу даже не нужно уточнять какой ночью. Мы оба знаем, что именно тогда он встретил меня. Именно тогда я убила человека.

Я качаю головой.

— Тебе нужно об этом поговорить, — утверждает он, убирая руки за голову.

— А ты внезапно заделался в мозгоправы? — я говорю немного злее необходимого, но не могу вернуться к той ночи.

Дес тянется ко мне и сжимает мою руку. Трюк с прикосновением, который я использовала десятки раз на нём, он использует сейчас против меня. Я смотрю на наши сплетенные руки, и, чёрт, тепло его ладони дарит чувство безопасности.

— Ангелочек, я не собираюсь судить тебя.

Я смотрю в глаза Деса и уже хочу умолять не давить на меня. Внутренние демоны норовят вырваться из клеток. Он просит меня высвободить их, и я не знаю, смогу ли. Но тут я замечаю в его взгляде теплоту и терпение, и произношу совсем другое.

— Он пришёл ко мне, как всегда, пьяный в стельку. — Я с трудом проглатываю ком в горле. — Дерьмо. Я и вправду это рассказываю! Хоть и не готова, но продолжаю говорить;

ума не приложу, зачем, но сердце управляет языком, и не уверена, что разум может что-то изменить. Я скрывала этот секрет годами. И теперь должна излить душу. Вновь я смотрю на наши сплетенные пальцы, и эта непосредственная близость дает мне некую решимость. — Тот вечер тянулся очень долго. Но началось всё задолго до него. — Задолго до того, как сирена могла защитить меня. Чтобы понять историю, нужно вернуться к истокам. Дес попросил рассказать лишь об одной ночи, но это невозможно, не узнав все те сотни ночей, что предшествовали этой. — Отчим... насильовал меня... годами.

Я мысленно возвращаюсь в то ужасное время и делаю самое тяжелое из того, что когда-либо совершала: рассказываю Десу всё, в кровавых деталях. Потому что нельзя коснуться данной темы, не прощупав почву под ногами.

Я рассказываю, с каким страхом таращилась на дверь в свою комнату; как кровать пропитывалась моими слезами лишь от вида поворачивающейся ручки; как до сих пор чувствую едкий запах одеколона отчима, смешанный с перегаром. О том, как плакала и иногда умоляла. И что, несмотря на мои старания, ничего не менялось. В конце концов, я сдалась, и, вероятно, это больнее всего. Уйдет ли когда-нибудь страх с отвращением? Или стыд? Разумом я понимаю, что не виновна. Но эмоциями, никогда не смогу поверить в это. Бог свидетель, я старалась изо всех сил.

Костяшки белеют от того, как сильно я сжимаю руку Деса. В этот момент, он — мой якорь, и боюсь, что когда отпущу его, он ускользнет. Я — грязная, испорченная, и если Дес не видел этого ранее, то сейчас рассмотрит.

— В ночь, когда он умер, я больше не могла терпеть. — Дело было не во мне или нём, и, честно говоря, уже было всё равно в чём. — Его убийство не было преднамеренным. Он пришел ко мне на кухню, поставил бутылку на стол. Когда у меня появился шанс, я схватила её и держала как оружие. — *«И что ты собираешься с этим делать? Ударить своего папочку?»* — Я разбила её о стену, — я смотрю куда-то в даль, вспоминая произошедшее. — А он рассмеялся. — Противный смех, предвещающий боль. Много боли. — И ринулся ко мне. Я не думала. Просто замахнулась на него «розочкой». — Было приятно сопротивляться отчиму. Ощущение схожее с безумием, но я сразу себя пересилила. — Должно быть, я задела артерию. — Я начинаю дрожать, и Торговец сильнее сжимает мне руку. — Он так быстро истёк кровью, — шепчу я. А в момент, когда отчим понял, что умирает, в его взгляде был в основном, шок, но ещё осознание предательства. После всего случившегося, он полагал, что я никогда не наврежу. Я подавляю нахлынувшие воспоминания. — Остальное ты знаешь.

Я ожидаю миллион ужасных реакций, но ни одной не последовало. Торговец отпускает мою руку, только чтобы обнять меня и притянуть к себе на колени. Я ужасно благодарна ему за то, что дарит физический комфорт именно тогда, когда думаю, что утешение не придёт. Я полностью заползаю на крошечную двуспальную кровать и плачу в объятиях Деса под светом луны, позволяя себе быть слабой, потому что, возможно, делаю это в последний раз. Тяжесть уходит с груди. Боль ещё есть, но плотина разрушена, и всё давление, осевшее во мне, выплескивается наружу. Наконец-то, я понимаю, почему так тянусь к Торговцу. Он видел Калли-жертву, Калли-убийцу, Калли-сломленную, которая едва может наладить свою жизнь. Он всё это видел и всё ещё здесь, гладит меня по волосам и мягко шепчет:

— Всё хорошо, ангелочек. Его нет, ты в безопасности.

Так я и уснула, заключённая в крепкие объятия Десмонда Флинна, одного из самых страшных, опасных людей в сверхъестественном мире. И он прав. В его руках, я чувствую себя в полной безопасности.

Наши дни

Вернувшись в комнату Деса в Потустороннем мире, я принимаюсь ходить взад-вперёд; юбка развивается позади меня.

«Он идёт за тобой».

«Похититель душ».

Дес предупредил, что ситуация ухудшится, но я не понимала насколько.

— Эти спящие женщины делали так прежде? — спрашиваю я, оглядываясь на Деса.

Король фейри, сидящий на боковом кресле, сложив руки домиком у губ, смотрит на меня.

— Нет.

Он даже не пытается увильнуть от вопроса, как обычно любит делать.

— И ты слышал всё, что они сказали?

— Ты имеешь в виду их экспромт в поэзии? — произносит он. — Да, слышал.

Дес был нехарактерно мрачным с тех пор, как мы покинули комнату со спящими воинами. Крылья исчезли только несколько минут назад, но я-то его слишком хорошо знаю, чтобы верить в безразличие к услышанному.

Просто он лучше меня прячет эмоции.

— Сначала дети, а потом это, — произносит он, подаваясь вперёд, отчего скрипит кресло. — Видимо, враг проникся симпатией к тебе. Вспышка ярости касается серебристых глаз. А мной вновь овладевает паника. Торговец встаёт, мрак вьётся вокруг него, придавая грозный вид. Кованая корона и воинские браслеты лишь добавляют страха. Он подходит ко мне и проводит пальцем по моему подбородку. — Скажи, ангелочек, — говорит он, приподнимая мою голову, чтобы я посмотрела прямо в серебристые глаза, взгляд которых почти одичавший, — ты знаешь, что я делаю с врагами, которые угрожают всему, что принадлежит мне? — Он имеет в виду меня? Не могу ни понять, ни сказать, к чему ведёт Дес. Он наклоняется ближе к моему уху. — Убиваю их, — Десмонд отстраняется, чтобы вновь взглянуть мне в глаза. — Не церемонься. — От таких слов руки начинают дрожать. — Иногда я скармливаю врагов существам, чья помощь мне необходима, — продолжает он. — Иногда, даю королевским убийцам оттачивать навыки на них. Или же позволяю врагам думать, что они избежали моего наказания только, чтобы заново поймать их и заставить страдать... и как они страдают. Темнота скрывает многое. — Меня пугает, когда Дес становится таким. Когда проявляется его потусторонняя жестокость.

— Зачем ты мне говоришь об этом? — спрашиваю я тихо.

Он всё ещё пристально смотрит мне в глаза.

— Я — самое страшное существо в этом мире. И если что-то или кто-то попытается хоть коснуться тебя, будет иметь дело со мной.

Последующие несколько дней Дес проводит в Потустороннем мире, занимаясь

королевскими делами, пока я пребываю в его доме на острове Каталины. Он звал меня с собой, но, эм, да, мне пока что лучше быть по эту сторону лей-линий. Я прочитала некоторые заметки Деса, которые во многом повторяют то, что он уже сказал мне. В них упоминаются человеческие слуги с синяками и испуганными глазами, феи, которые погружаются в глубокий сон после того, как посянчатся со странными детьми, и люди, которые предпочли смерть, а не ответить на вопросы Деса. Все тайны ведут по одной тропе печали, погрязшей в разрушениях. Когда я не читаю заметки, то исследую остров или же рассматриваю дом Деса. Прямо сейчас, занимаюсь последним.

Я ступаю в комнату Торговца и включаю свет, скользя взглядом по рисункам, висящим на стене, к металлической модели солнечной системы и барной стойке. Мне было любопытно, почему Дес не хотел, чтобы я видела его комнату, когда впервые показывал мне дом. Тут нет ничего особенного.

Я подхожу к комоду и открываю ящики один за другим. Внутри каждого лежат стопки аккуратно сложенных футболок и брюк. Могучий Король Ночи хранит одежду, как и все смертные. Я задвигаю последний ящик и продвигаюсь вглубь комнаты, не видя больше ничего, где можно ещё покопаться. Серьёзно, это одна из самых спартанских комнат, с которыми я сталкивалась, а сужу я по тому, что видела во время слежки по работе.

Взгляд падает на одну из прикроватных тумбочек. Помимо лампы на ней лежало кожаное, с переплетом, портфолио. Я помню, что Дес любил делать эскизы; я даже однажды купила ему альбом для зарисовок.

Я подхожу к тумбочке и опускаю руку на мягкую обложку. Но мешкаю. Ведь это личное... по сути, дневник Деса. Но он никогда не показывал своих работ.

Всё-таки решившись, я открываю портфолио. И увидев первый рисунок, перестаю дышать. На нём... изображена я.

Портрет достаточно простой, набросок головы, шеи и плеч. Я провожу пальцем по нарисованной щеке, замечая, насколько чётче прорисованы глаза. И сколько надежды теплится в моём взгляде. Я помню, как Дес рисовал это у меня в общежитии где-то лет семь назад. А ещё помню, что этот образ не совпадает с реальностью. Тогда я была одинокой, погребённой своими демонами, сложно представить, что кто-то видел во мне такую прекрасную девушку. Но, тем не менее, я была польщена.

После стольких лет он его сохранил.

Я ещё острее чувствую, как рушится стена, которую я возвела вокруг сердца. И, видимо, Десу даже не надо быть рядом, чтобы продолжать сносить её.

На следующем рисунке я сижу на полу, облокотившись о кровать в общежитии и с раздражением, глядя на художника. Под эскизом было примечание: *«Калли хочет, чтобы я перестал ее рисовать. Так она выглядит, когда я отказываю».*

Я слабо улыбаюсь от прочитанного. Впечатляющие слова, но Дес, в конце концов, частично выполнил мою просьбу; он рисовал мне пейзажи Потустороннего мира и его существ, вместе с моими портретами. Другой рисунок я никогда не видела, и, по сравнению с другими, он прорисован более детально. Поначалу я понимаю, что эскиз выполнен под странным углом, будто художник лежит на спине, глядя на свое тело. Затем различаю женщину, обнимающую его грудь, на которую смотрим. Я узнаю свои тёмные волосы, кончик носа и профиль. Это могла быть одна из многих ночей, когда я засыпала, обнимая его, но что-то в этом образе... что-то в рисунке заставляет думать, что эта была одна из плохих ночей, тех, когда Дес оставался отпугивать кошмары. Я чувствую, как старая боль

отдаётся эхом внутри. После таких ночей, я поняла, что люблю Торговца, что это не просто увлечение, а пожар в душе, невозможный погасить. Я полюбила Деса не за красоту или потому что он знал мои секреты, а потому, что оставался со мной в неприглядные моменты жизни. Потому, что ничего не требовал от меня, когда лежал рядом, а просто дарил утешение и покой. Потому, что каждый вечер, вновь и вновь, он спасал меня, даже если от себя самой. И судя по рисунку, Дес хотел запечатлеть именно этот момент.

Я переворачиваю лист на следующую картину, уже цветную. Большинство цветов тёмно-голубых и тёмно-зеленых тонов. На ней я улыбаюсь с короной из светлячков над головой. Я тоже помню эту ночь...

Стук в дверь выдернул меня из воспоминаний.

«Что я делаю? » Я определённо не должна все это рассматривать. Даже если я, несомненно, муза Деса. В спешке я закрываю портфолио, оставляя всё в таком виде, в каком нашла. Но, уходя, несколько раз смотрю на него. Дес всё это время хранил рисунки. И снова я вспоминаю его признание о том, что он чувствовал, покидая меня.

«Словно моя душа разрывается на две части».

И опять, я остро чувствую надежду, приносящую боль.

Вновь раздаётся стук в дверь, и все мысли улетучиваются из головы. Кто мог прийти к Десу сюда? Через пару секунд, когда смотрю в дверной глазок, получаю ответ.

— Вот дерьмо, — бубню я себе под нос.

— Я все слышу, Калли, — доносится знакомый, хриплый голос.

Торговец не ждёт гостей. Я, видимо, да.

Май, семь лет назад

— Твою ж мать, — произносит Дес, материализуясь в моей комнате. — У вас в коридоре все носятся, сломя голову.

Я слышу приглушенный крик, потому что у одной девушки снесло крышу из-за смазанного на ногтях лака, а исправить это, боже-мой, времени нет. Закрыв ноутбук, я разворачиваюсь на стуле и смотрю на браслет. Я не звала сегодня Торговца и не звала его вчера, и много ночей прежде не звала. В какой-то момент, Дес решил просто так навещать меня.

Он пересекает комнату и выглядывает в окно. Внизу, девочки в платьях и мальчики в смокингах ходят по газону.

— Что сегодня намечается?

— Майский бал.

Дес смотрит меня, выгибая брови.

— Почему ты не готовишься?

— Потому что не пойду, — говорю я и притягиваю ноги на стул.

— Не пойдёшь? — удивленно переспрашивает он.

Разве не очевидно? На мне шорты и заношенная футболка. Я прикусываю нижнюю губу и трясую головой.

— Меня никто не приглашал.

— С каких пор ты ждёшь дозволения? — интересуется он. — И, к тому же, как такое возможно?

— Как возможно что? — переспрашиваю я, уставившись взглядом в колени. Всё, я официально рассержена. Если бы до сих пор я ходила в старую школу, то сегодня мне не пришлось бы слушать восторженные вопли девчонок, собиравшихся на бал, и они бы не обратили внимания, что моя дверь остается наглухо закрытой.

— Что тебя никто не пригласил.

Я пожимаю плечами.

— Мне казалось, что это по твоей части — разобраться в людских мотивах.

Поднимая глаза, я вижу, что Дес стоит со скрещёнными на груди руками, обратив на меня всё внимание.

— Что? — сказала я смущенно под натиском его взгляда.

— Ты хочешь пойти на Майский Бал? — спрашивает он.

О боже, я ни за что не признаюсь, что хотела бы пойти вместе с ним. Я убираю прядь волос за ухо.

— Не понимаю, какая разница?

Дес склоняет голову, и, о, пресвятые ангелочки, он собирается прочесть меня. Он уже это делает.

— Большая. Ну, так что?

Я собираюсь объяснить, но знаю, всё, что я хотела бы сказать, можно прочитать в моих глазах: что я буду выглядеть белой вороной, и, что люди меня не очень жалуют; что я неудачница, и что хотела бы — очень бы хотела — пойти, но не смогу перешагнуть порог тех

дверей. Я навсегда обречена, наблюдать за жизнями других людей в ожидании, когда начнется моя... или закончится. Дорога действительно может завернуть куда угодно. Моё существование, на данный момент, в основном, состоит из того, что затаив дыхание, я жду продолжения.

Дес подходит ближе, а я пялюсь на него, как дурочка, прижимая ноги к себе всё сильнее.

Когда он встаёт на колени передо мной и берёт меня за руку, за его плечами воздух вибрирует. Сердце колотится где-то в горле, от чего я не могу сглотнуть. Я чувствовала себя обнажённой самым изящным способом, и не была уверена, как так вышло.

Он растягивает губы в улыбку.

— Не хотела бы ты, Каллипсо Лиллис, отвести меня на Майский бал?

Наши дни

«Илай. Список самых разыскиваемых преступников».

Лишь об этом я могу думать, когда выхожу из дома Деса, смотря в глаза на бывшего. Такое ощущение, что с нашего последнего столкновения прошли миллионы лет. Честно говоря, по сравнению с тем, что произошло в Потустороннем мире, все здешние проблемы кажутся незначительными.

— Ты пытаешься сдать, или тебе просто по хрен на всё это? — спрашивает Илай.

— Второй вариант. — Я складываю руки на груди и облакачиваюсь на стену рядом с входной дверью. Гнев вновь просыпается. Из-за этого ублюдка. - Не могу поверить, что у тебя хватило наглости прийти ко мне домой и угрожать, но и этого, видимо, тебе было мало, ты внёс моё имя в грёбаный список разыскиваемых преступников.

— Калли, я никогда бы не навредил тебе, — тихо говорит он, выглядя при этом обиженным. Я уверена, что это он и, правда, чем-то обижен, учитывая положение защитника стаи.

— Ты пришел ко мне домой во время Священной седмидневки, — напоминаю я. — Конечно, ты мог мне навредить.

Он качает головой.

— Ты — часть стаи. Ну, или, как минимум, была ею.

У меня волосы встают дыбом на его реакцию.

— Ты всех членов стаи заносишь в список? — интересуюсь я.

Посмотрим, насколько здоровые яйца у Илая.

Он проводит рукой вниз по лицу.

— Я допустил ошибку, — расстроено отвечает он. — Да, разозлился, и мой волк требовал справедливости... — Он вздыхает. — Это не извинения, но я сожалею, если это хоть что-то изменит...

Я поджимаю губы. Да я тоже иногда перегибаю палку, но заносить кого-то в список разыскиваемых... это перевешивает все мои проступки.

— Я не позволю тебе арестовать меня, — произношу я.

Он вздыхает.

— Я не забирать тебя пришел. Просто... мне надо поговорить с тобой.

— Мог просто позвонить.

— Извини, — говорит он искренне. Поскольку он — альфа, слышать от него подобное

— просто редкость. Я стискиваю зубы от возмущения. Подавив в себе разочарование, я киваю и отвожу взгляд. Не уверена, приму ли извинения Илая или просто соглашусь с ними. Просто хочу закопать топор войны между нами. Илай переводит взгляд на дом Торговца.

— Предложение ещё в силе, Калли. — Я поднимаю на него взгляд. — Я неправильно поступил, но этот парень — намного хуже. Он забирает у тебя свободу воли, — объясняется он. — Торговец — в розыске. Лишь скажи, и я решу эту проблему.

Понадобилось несколько секунд, чтобы понять весь смысл сказанного, после чего отвлечение окутывает меня волною.

— Нет, этого я не хочу.

— Калли. — В голосе Илая слышится альфа.

— Не смей, — предупреждаю я. У него больше нет прав как-то влиять на меня. — Ты много не знаешь.

— Так расскажи мне, — настаивает он. — Или я так и буду предполагать самое худшее.

Ох, а разве не того же я требовала от Деса? Никаких секретов? Ну, какая же я сейчас лицемерка. Но этот секрет...

— Я никогда не рассказывала тебе о своём прошлом. — Я тру лицо. Даже сейчас я колеблюсь рассказывать. Больно и стыдно вспоминать. Извечный стыд. Но, возможно, если расскажу, Илай поймёт, почему я поступила так. И, вероятно, уже не будет думать плохо обо мне, о Десе, обо всей ситуации в целом. — Когда я была подростком, — начала я, — отчим... отчим... — Илай смиренно ждёт. — Он надругался надо мной в сексуальном плане, — я с трудом произношу слова и слышу слабое рычание. Это мне и нравится в оборотнях... в Илае. Никто не трахался с подростками. Никто. Я судорожно выдыхаю. — Это длилось годами. И прекратилось только тогда... — я снова замолкаю, щипая лоб. Я смогу. — Когда мне было почти шестнадцать, он пришел ко мне, и я ударила его разбитой бутылкой... Задела артерию. — Было столько крови. — Он умер через несколько минут. — Рычание Илая становится всё громче. Я плююсь на свои руки. — Я убила человека, будучи несовершеннолетней. Думала, что жизнь кончена, даже не начавшись, а всё потому, что, наконец-то, убила человека, насильовавшего меня. — Я понижаю голос. — Он был таким сильным провидцем. Сделай я всё законным путем... Не знаю, как всё бы закончилось для меня. — Я глубоко вдыхаю. — Поэтому я позвала мужчину, печально известного своими сделками...

Это всё, что мне удастся проговорить, перед тем, как Илай обнимает меня и прижимает к себе.

— Мне так жаль, Калли. Чертовски жаль. — Я немного вздрагиваю, когда память волной проходит сквозь меня, и киваю. — Ты должна была мне всё рассказать, — успокаивает он.

— Я не умею делиться, — отмечаю я. Он прижимает меня к себе ещё минуту, и я принимаю его поддержку. В конце концов, я высвобождаюсь из его объятий, смахивая слезу, что сумела выскользнуть из уголка глаза. — Ты должен понять, — произношу я, — Торговец спас меня. Убрал весь тот беспорядок, записал меня в Академию Пил, скрыл преступление. — Делиться об этом с Илаем — большой риск. Но оборотни хорошие. Он мог бы схватить меня, откопать то старое дело и позволить системе вершить правосудие. Я немного полагаюсь на то, что чувство справедливости Илая одобрит мои действия; люди, вредившие невинным оборотням, просто исчезали. — Тогда Торговец ничего с меня не взял, — продолжаю я. — Знаю, ты думаешь обратное, но у него свой кодекс чести. Так как я

была подростком, он не позволил вести с ним дела. — Теперь достаточно узнав о фейри, могу сказать, что искренняя помощь — великое дело. Фейри не могли нормально жить, не воспользовавшись ситуацией в своих целях. Илай, кажется, тоже это понимает и выгибает брови. — Лишь позднее я снова позвала его. И снова. И снова. Я придумывала всевозможные услуги, чтобы он мог побыть рядом.

Потому что я была заинтересована им, влюблена до безумия. Потому что нуждалась в друге, которого не отпугнет моя темная сторона... а Деса не пугала.

— Он не должен был заваливать тебя сделками, — вопит Илай.

Я кручу браслет вокруг запястья.

— Да, возможно, не должен был, — соглашаюсь я. — Но, время от времени, все мы поддаемся природным инстинктам, разве нет?

Илай ворчит, рассматривая собственность Торговца. А затем трёт лицо.

— Жаль, что ты не рассказала мне об этом раньше. — Могла... должна... следовало бы... Уже поздно расстраиваться из-за пролитого молока. — Был ли у меня шанс? — спрашивает Илай.

— Не знаю. Но уверена, ты заслуживаешь того, кто даст тебе намного больше меня, — произношу я, глядя на оборотня.

Подойдя ближе, Илай обхватил моё лицо ладонями.

— Этот сукин сын — счастливчик.

Едва слова слетают с его губ, как за нами распаивается входная дверь. Я оборачиваюсь и натываюсь на зрелище, как Дес с раскрытыми крыльями выходит из дома, впиваясь злобным взглядом в Илая, который всё ещё стоит рядом со мной, и я замечаю в глазах Торговца собственнические искорки. Я машинально отхожу от оборотня. Сейчас день, который Дес так не любит, и, вообще, в данный момент должен находиться в Потустороннем мире. Очевидно, планы изменились. Дес подумал, что я в беде? Как он вообще мог догадаться? Земля начинает дрожать под натиском силы Торговца, пристальный взгляд которого направлен прямо на Илая. Торговец идёт к оборотню, а я преграждаю ему путь, кладя руку на грудь, и останавливаю от того, что бы он там не удумал. Дес, чьи ноздри раздуваются, опускает взгляд на мою руку, а затем вновь смотрит на Илая.

— У тебя несколько секунд, чтобы убраться с моей собственности прежде, чем я надеру тебе зад, — говорит он оборотню ровным тоном. Илай пораженно пялится на крылья Деса, затем отрывает взгляд.

— Я не знал, — произносит он.

Я переглядываюсь между ними.

— Не знал чего?

Торговец смотрит несколько секунд на Илая, а потом кивает.

— Теперь знаешь.

— Калли рассказала, что ты сделал для неё, когда она была подростком, — продолжает Илай. — Спасибо за помощь. Больше никакой вражды, ок? Я не знал всей ситуации... ничего из этого.

Дес снова кивает. Илай отстраняется, бросая взгляд в мою сторону.

— Береги себя, Калли, — говорит он, махнув на прощание. А затем поворачивается и уходит прочь от дома и из моей жизни.

Даже после того, как Илай уходит, я стою и хмурюсь. Всё, что сейчас произошло, не имеет смысла. Я ожидала противостояния двух мужчин, но, получила извинения и

взаимопонимание. Я должна почувствовать облегчение, но когда Дес ведёт меня внутрь, смотрю на его крылья. На них Илай так пораженно и пристально смотрел. Крылья короля фейри, которые Дес старательно скрывал от меня в прошлом. Думаю, я что-то упустила, и надо выяснить, что именно.

Перед предстоящим разговором о произошедшем, я нахожу предлог отойти в ванную, а сама ускользаю в комнату. Заперев дверь, хоть это и не остановит Торговца, я хватаюсь за телефон и набираю Темпер, шагая по комнате взад и вперед.

— Эй, сучка, чё-как? — отвечает она.

— Темпер, ты немного знаешь о фейри, да? — говорю я, переходя сразу к насущному. Перед буднями частных детективов, когда Темперенс Дарлинг была очередным фриком Академии Пил, она немного фанатела по фейри. И когда я впервые встретила её, она хотела стать дипломатом, работающим в Потустороннем мире.

— М-м-м-м, это «немного» может завести не туда, но кое-что знаю. Зачем? Что надо?

— Илай пришел ко мне и...

— Он нашёл тебя? — перебивает Темпер скептическим тоном. — Уже? Воу, подруга, хреново прячешься.

— А как, по-твоему, он нашёл меня? Может потому что, прослушал твой телефон? — говорю я.

Возникает пауза на другом конце линии.

— Ну, дерьмово, — произносит она, — накосячила.

— Всё нормально. Мы разобрались с проблемами, теперь всё в порядке.

Очередная пауза. У Темпер эта привычка проявляется только при разговорах со мной.

— Ты хочешь сказать, что уладила вопрос со списком разыскиваемых? — Когда она так говорит... — Охренеть. Сучка, да у тебя, должно быть, вагина из золота.

Я кусаю ноготь на большом пальце, слыша, как Торговец нетерпеливо нарезает круги, нужно скорее выходить и поговорить с ним. У каждого есть вопросы, на которые стоит ответить.

— Слушай, Темпер, мне нужно поговорить с тобой о кое-чём важном.

Она мгновенно становится серьёзной.

— О чём?

— Что ты знаешь о крыльях фейри?

— Хм... они мерцают, ну у некоторых, и появляются, в основном, когда фейри не могут контролировать эмоции... Ну, знаешь: злость, похоть... или когда фейри перепьёт... Эм, было же что-то ещё. Дай подумать, давно ведь это было.

Я вспоминаю, как во взгляде Илая, направленном на крылья Деса, читалось поражение.

— Сегодня Илай увидел крылья Торговца и отступил. Это было реально странно, и я хотела знать...

Что? Что знать?

— Эти двое встретились? Опять? — Потом она всё-таки догоняет смысл сказанного. — Стой. Что ты имеешь в виду под «Илай увидел крылья Торговца»?

— Не похоже, что они изменились, — говорю я. — Илай видел их, когда пришел ко мне домой в полнолуние.

— Ага, но они появились, когда Торговец подвергся атаке, и ему нужно было улететь, — уточняет Темпер. — А сегодня что было?

Я верчу браслет.

— Сегодня встреча Торговца и Илая была иной, и, когда Илай увидел крылья, обстоятельства изменились. Это странно. Ну, извинения Илая.

Возможно, он извинился, потому что я всё рассказала ему. А может, я ошибаюсь. Тишина затягивается.

— Торговец показывал тебе свои крылья? — наконец, произносит Темпер, но голос звучит... странно. — Помимо того, когда он летал или подвергался нападению? Разгуливал ли он с крыльями, ну, на показ? Красовался ли, будто они — новая сумочка от Гуччи?

— ... Да, — медленно произношу я; живот скручивает. — А что?

Она вздыхает.

— Подруга.

— Да?

— Только в одном случае фейри любят блистать крыльями, независимо от того, что чувствуют. Особенно мужики. — Она опять замолкает.

— Да, боже ты мой, твоё молчание убивает, — говорю я. — Темпер, что бы то ни было, просто скажи это.

— Фейри так делают только со своими нареченными.

Май, семь лет назад

Это не может происходить на самом деле. Час назад у меня не было ни ухажёра, ни платья, ни пригласительного билета на Майский бал.

Теперь, благодаря человеку, который стоит рядом, есть всё.

Я смотрю на Десмонда, пока мы ждём у входа в зал Академии Пил, и мои колени становятся ватными.

«Бог существует, и он любит меня», — думаю я, с упоением смотря на Торговца. Я никогда особо не любила мужчин в смокингах, пока не увидела Деса в нём. Он проводит рукой по белокурым прядям, которые не стянул кожаным ремешком, выглядя недостижимым и — клянусь — смущённым.

Возможно, потому что сегодня его могут видеть люди.

Как только мы покинули мою комнату в общежитии, люди просто впадали в ступор. Каллипсо Лиллис — симпатичный, но странный аутсайдер, собирается на Майский бал с просто сногшибательным мужчиной. По крайней мере, я считаю, что они так думают, судя по широко распахнутым глазам и долгим взглядам. А может, из-за того, что Дес выглядит как причина для беспокойства, с его ошеломляющим телом и нахальным выражением лица. Хотя татуировки скрыты, но напряжённую атмосферу, витающую вокруг, скрыть невозможно.

Дойдя до входа, мы сдаём билеты и заходим внутрь.

Я чувствую, как на нас направлены десятки взглядов, и понимаю, что начинаю дрожать от такого внимания. Это школа, где ученики заставляют нежелательных сверстников чувствовать себя невидимыми. Я слишком долго оставалась невидимкой и чувствовала себя прекрасно. Даже слишком.

Но сегодня я точно могу сказать, что не осталась незамеченной. Только не с моим прекрасным и опасным кавалером. И не тогда, когда на мне надето серебристое платье — шёлк, которого плотно облегает изгибы — с высоким горлом, украшенным алмазами. Спина полностью открыта и украшена нитями бриллиантов, сдерживающими края шёлка по бокам. Шлейф тянется по полу. Такой наряд должна носить знаменитость или королева, или феяри. Но точно не я. Но выбора не было. Не то, чтобы мой шкаф ломился от бальных платьев. А это платье создал Дес.

Как только мы проходим в старинный бальный зал, тут же ко мне подходит Триша, соседка с моего этажа.

— Каллипси! — визжит она и, чёрт бы побрал, пристрелите меня, эту кличку нужно искоренить.

— Каллипси? — бубнит под нос себе Торговец.

— Молчи, — предупреждаю я. — Если ты хоть как-то беспокоишься о своих яйцах, то лучше молчи.

В начале года, одна из девушек на моём этаже стала так меня называть, потому что, по какой-то причине, имени Калли было недостаточно, и эта кличка приелась.

Торговец хмыкает.

— Как скажешь... Каллипси.

Я не успеваю воплотить угрозу в реальность, как Триша притягивает меня в объятия и лепечет:

— Не знала, что ты придёшь!

Неловко. Триша одна из тех, кого я, должно быть, разозлила в какой-то отрезок времени, потому что в её увлечения входит старательное игнорирование меня. За исключением сегодня.

Я похлопала Тришу по спине, чтобы поскорее высвободиться и узнать, какие чары, заставившие обратить на меня внимание, наложили на неё. И почему именно Каллипси. Я думала, она не знала про это прозвище, ведь всё время делал вид, что меня не существует.

И затем она поворачивается к Торговцу и, святое дерьмо, смотрит на него словно хищница какая-то. Я встаю ближе к нему. Не люблю делить Деса. Довольно опрометчиво верить в то, что он мой и только мой, но среди толпы, вполне может стать только моим. Никто его здесь не знает, никто не видел, не заключал сделок и не возвращал долги. Никто с ним не играл в покер и не выпивал, или потягивал чай с печеньками. Никто не устраивал с ним марафон фильмов и не разговаривал по душам. Никто не знает, что он добрый и злой, жестокий и забавный и так далее. Но то, как Триша пялится на него — словно будь у неё пять минут с Десом, она его бы покорила — заставляет меня сомневаться в решении прийти сегодня на танцы. Потому, что может быть, пять минут — это всё, что нужно. Я действительно не знаю, и боюсь узнать.

— Эм, — говорю я, — это мой кавалер...

— Дин, — перебивает Торговец и протягивает Трише руку.

Триша выглядит очарованной, когда в ответ сжимает его руку.

«Надеюсь, я так не выгляжу, когда нахожусь рядом с Десом».

Хотя, наверное, выгляжу.

— Как вы с Калли познакомились? — спрашивает она, отпуская руку Деса. Триша застенчиво и кокетливо улыбается, становясь похожей на маргаритку. Не могу решить, что хочу сделать: усмехнуться или поморщиться. Я поворачиваюсь к Десу и мне так страшно, что он расскажет.

«О, мы с Калли познакомились сразу после того, как она убила отца. Она очень замкнутый человек, но если узнать её лучше...»

Дес с нежностью смотрит на меня и обнимает за талию.

— Я спас ей жизнь... по крайней мере, она так сказала, верно, ангелочек? — Он немного стискивает меня. Когда я смотрю на Деса, в его глазах вижу искры смеха. Определено, он дразнит нас и получает от этого массу удовольствия.

Не могу найти слов, чтобы ответить и просто киваю.

— О, — говорит Триша, выгнув брови, — это... любопытно. И, вы встречаетесь?

Триша бросает беглый взгляд на меня, затем вновь утыкается в Торговца. Девушка медленно раздевает его взглядом, чёрт, до сегодняшнего дня только у меня было место на этом своеобразном рынке.

Торговец смотрит поверх плеча Триши.

— Твой кавалер ждёт тебя, Триша Клермонт. Не заставляй его скучать.

— Как ты узнал?.. — Она замолкает, когда видит что-то в выражении лица Деса. Обернувшись через плечо, Триша отступает. — Да, было приятно познакомиться Дин. — И не попрощавшись со мной, поспешно уходит.

Дес, прищурившись, смотрит ей в след.

— Это было странно, — произношу я.

Странно это скорее эвфемизм для эмоции, название которой я не могу найти. Очевидно, во мне присутствует собственничество, что, конечно же, неловко, учитывая, что Десмонд мне даже не принадлежит, но это что-то большее.

Радостно и разочарованно впервые в жизни осознавать, что ты кому-то не нравишься. И какой позор, что часть тебя радуется такому простому человеческому. Но опять же Триша меня сегодня не увидела. Ни как друга, ни как врага. Моё существование началось и закончилось на приветствии.

Привести Деса сюда, возможно, было плохой идеей.

Торговец касается губами моего уха.

— Давай, найдём столик. Возможно, я позволю тебе сесть мне на колени и сделать вид, что мы встречаемся для следующей приставучей девушки.

Этого хватает рассеять моё мрачное настроение. Кожа начинает светиться только от мысли, что я сяду на колени к Десу. Вот, моя сирена очень увлечена Торговцем. Дес не успевает заметить это, как появляется больше людей. Мы повторяем ту небольшую сказку снова и снова. И снова. Прямо в середине знакомства с Клариссой, девушкой, с которой мы ходим на лекции мифов и легенд, Торговец берёт меня за руку и уводит. Я едва успеваю бросить на неё извиняющий взгляд, прежде чем уйти.

— Куда мы? — спрашиваю я.

Студенты расступаются в стороны, когда видят Деса.

— На танцпол, — отвечает он.

Я притормаживаю, так как танцы — не моё. Он слегка дёргает меня, и любое жалкое сопротивление умирает. Я догоняю его.

— Маразм какой-то с ними, — произношу я, потому что не могу ничего лучшего придумать.

— Скорее адские муки — говорит он, — а я привык к таким мероприятиям. Спасибо хоть на том, что я не учился в старшей школе. — Те, кто нас услышал, бросают на Деса взгляд.

— Ты никогда не учился в старшей школе? — спрашиваю я, пока мы пробираемся сквозь пары. Не знаю, почему я удивляюсь; всё, что касается Деса — ненормально. Но всё равно.

— Меня немного... необычно воспитывали.

Потому что Дес — король Потустороннего мира. Король.

Я пригласила короля на сверхъестественный выпускной. Господи. Для полного счастья мне только не хватало песни «Monster Mash», играющей фоном. Мы оказываемся на танцполе, когда динамичную песню сменяет медленная.

Я делаю глубокий вдох и вот-вот скажу: «Ой, медлячок, давай лучше посидим», и это несмотря на то, что хочу прилипнуть к Торговцу, как коала. Но прежде чем успеваю произнести хоть слово, Дес притягивает меня к себе и кладёт руку на поясницу. Что-то интимное присутствует в том, как его рука касается обнажённой кожи, от этого мои щёки заливают румянец.

Я понятия не имею, что делать со своими руками. Никаких грёбаных идей.

Торговец подаётся вперёд и говорит:

— Обними меня за шею.

Неуверенно, я обнимаю.

Рядом с этим мужчиной, я чувствую себя онемевшей, но, когда он вот так смотрит на меня искристо-серебристыми глазами, всё же странно живой.

Я нервно улыбаюсь, но Торговец видит меня насквозь и шепчет на ухо:

— Расслабься, ангелочек.

Дес большим пальцем выводит узоры на моей спине, и во рту у меня пересыхает. Я опускаю глаза и чувствую, как сирена всё сильнее бьётся внутри. Я её не очень-то хорошо сдерживаю. Но пока песня продолжается, я немного успокаиваюсь и решаю взглянуть на Десмонда. Правда не была готова увидеть мученическое выражение на его лице.

— Что-то не так?

— Всё, ангелочек, — говорит он, — Всё не так.

Наши дни

Я долго ещё смотрю на телефон, после того, как закончила разговор с Темпер.

«Фейри так делают только со своими наречёнными».

Технически, мы с Десом — любовники, но никаких отношений нет. И мы определённо не наречённые, если использовать устаревшее слово, как Темпер. Но Дес светил крыльями перед другим мужиком, а мне ничего не сказал.

У меня начинает закипать кровь. Да, как он смеет!

Я вылетаю из своей комнаты и нахожу, расхаживающего, чертовски взволнованного, Торговца,

— Это правда? — требую я.

Он останавливается.

— Что именно?

Я почти удивлена, что он не в курсе моего с Темпер разговора. Вот тебе и Повелитель Секретов, или, как там, этот, чёртов, титул звучит.

— На счёт крыльев? — говорю я. — Правда, что ты демонстрируешь их другим, как знак не прикасаться ко мне? Что я принадлежу тебе?

Он не двигается, но глаза... его глаза светятся. А тени начинают сгущаться.

В голове зазвенели тревожные колокольчики.

— Правда, — говорю я, когда на меня снисходит истина.

Дес осторожно подходит ближе.

— Сволочь, — выплёвываю я. — И когда же ты собирался сказать мне?

Он останавливается передо мной, выглядя немного грозно.

А мне глубоко насрать.

Я тычу пальцем ему в грудь.

— Ты. Собирался?

Он смотрит на мой палец, словно я его до глубины души оскорбила. А затем я вижу, как уголок его рта поднимается. Дес подходит ещё ближе, задевая торсом мою грудь.

— Уверена, что хочешь знать мои секреты, ангелочек? — спрашивает он. — Они обойдутся тебе гораздо больше, чем бусины, опутавшие твоё запястье.

— Дес, я просто хочу услышать ответ.

От волнения цвет его глаз становится глубоким. Дес берёт прядь моих волос и потирает между пальцами.

— Что я могу сказать? Фейри бывают очень ревнивыми и эгоистичными любовниками.

— Ты должен был сказать мне.

— А может, я горжусь своими крыльями, — признается он, отпуская мои волосы. — И мне нравится, как ты и другие на них смотрите. Может, я испытываю то, что никогда прежде не переживал. — Пока он говорит, медленно раскрывает крылья. И с каждым произнесённым словом моё раздражение рассеивается, а его место занимает тревога, от которой сжимается сердце. — Может, не стал говорить, думая, что ты не ответишь взаимностью. Калли, я знаю, как нести смерть, как быть справедливым. Но не знаю, что делать с тобой. С нами. С этим.

— С этим?

Он продолжает вести себя загадочно, хотя обещал рассказать все секреты.

— Я был не полностью честен с тобой, — говорит он, ведя пальцем вдоль моей ключицы. Не совсем шокирующее заявление. — Ты задала мне вопрос, — продолжает он. — Почему сейчас? Меня не было семь лет, Калли. Так, почему я вернулся?

Я хмурюсь.

— Тебе понадобилась моя помощь, — отвечаю я. Таинственные исчезновения женщин. Он ясно выразился по этому поводу.

Он смеётся, но как-то печально.

— Ложь, которая стала правдой. — Теперь я с недоумением смотрю на него. Если не по этой причине, тогда по какой? Он нежно касается моей щеки. — Калли. — И дело не в том, что он зовёт меня по имени, а в том, как произносит его. Он полностью расправляет крылья, и они заполняют всю гостиную. Они, действительно, огромные. — Фейри не показывают крылья своим наречённым. — Скользя рукой по моей шее, большим пальцем он поглаживает кожу. — Они показывают их своим вторым половинкам.

Май, семь лет назад

После танцев, Дес провожает меня обратно в общежитие, исчезая лишь для того, чтобы проскользнуть мимо девочки, которая сидит за главным столом в вестибюле и следит за порядком. Сейчас он стоит на пороге моей комнаты и выглядит чертовски смущённым. Вместо того чтобы задуматься почему, я хватаю Деса за руку, втягиваю в комнату и закрываю дверь. После чего опускаю подол платья, который придерживала с момента ухода с бала, потому что боялась ещё сильнее испачкать его. Это самое красивое платье, которое я только надевала. Нервно, я провожу руками по корсажу.

— Спасибо, — уставившись в пол, бормочу я.

Дес не отвечает, но я чувствую его греховный, расчётливый взгляд на себе.

— Сегодняшняя ночь была... — Сказочной. Я до сих пор ощущаю его руки на себе. — Чудесной.

Торговец тяжело опускается на кровать и проводит руками по волосам. Я жду от него хоть какой-то реакции. Но ничего не получаю. Мою крошечную комнатку окутывает тишина... очень неловкая тишина.

— Что-то не так? — спрашиваю я, ощущая как, внутри нарастает беспокойство, горький вкус которого я практически чувствую в горле. Да, эта ночь не станет лучшей в моей жизни. Я не достойна, получить что-то настолько сладостное.

«Бедная Калли. Всегда на обочине, всегда смотрит со стороны».

Он опускает руки.

— Я так больше не могу.

Он смотрит на меня, и я чуть ли не отступаю. Передо мной Дес, с обнажёнными эмоциями, который смотрит на меня так, словно ждал всю свою жизнь. Может, всё же я получу сладостную ночь. А может, не только эту ночь.

— Дес? О чём ты?

Я вижу, как он сглатывает, с вызовом смотрит на меня и резко встаёт. То, как он стискивает зубы, заставляет моё сердце бешено колотиться. Дес выглядит зловещим. Опасным. Он окидывает моё тело голодным взглядом. А я впала в отчаяние из-за того, что этот мужчина ко мне ничего не испытывает. А теперь страх бежит по венам, потому что тихий голосок шепчет:

«О, испытывает, и это куда хуже».

— Назови мне хоть одну вескую причину, почему я не должен забрать тебя отсюда сейчас же.

— Забрать? — Я таращусь на него. — У тебя сделка сегодня ночью? — С тех пор как я наложила чары на одного из его клиентов, он меня больше не брал с собой. Дес начинает ходить вокруг меня.

— Я бы забрал тебя и никогда не отпускал. Моя милая, маленькая сирена. — Дес проводит рукой по моей обнажённой спине, и я дрожу. — Тебе здесь не место, и моё терпение, как и человечность, уже на грани. — Что-то не так. — Я мог бы заставить тебя сделать кое-что... очень много всего, — шепчет он. — И ты бы наслаждалась каждым мгновением, я тебе обещаю. Наслаждалась, также как и я.

Сплотнув, я опускаю взгляд на браслет. Чувствую, как магия Торговца уговаривает меня к чему-то неуловимому.

— Мы бы могли начать сегодня. Не думаю, что смогу выдержать ещё год, — продолжает он, снова посмотрев на меня. — И не думаю, что ты сможешь. — Как и взгляд, его голос переполняет голод. Когда Дес проходит передо мной, я хватаю его за руку, пытаюсь остановить и его и эти странные, загадочные признания.

— Дес, о чём ты?

Он переплетает наши пальцы, удерживая руки между нами.

— Как бы ты хотела начать гасить долги?

Сейчас в его взгляде нет ничего, кроме страсти и желания. В прошлом году меня поразило то, насколько Дес похож на фейри этими обманом и жестокостью. Но именно сейчас он кажется истинным воплощением фейри. Его слова, пугающее выражение. Эта версия Деса тёмная и чуждая.

Тёмная, чуждая и неотразимая.

И, смотря на наши переплетённые пальцы, он растягивает губы в самую яркую, жесточайшую улыбку. Я почти одёргиваю руку; что-то вроде чувства самосохранения не позволяет мне бежать. Такое чувство, что этот мужчина сейчас касается пальцами ног коварных вод, и любой неверный мой ход заставит его нырнуть в них с головой.

— Десмонд Флинн, чтобы у тебя в голове не происходило, я хочу, чтобы ты выбросил это всё, — говорю я, тяжело дыша. Слова выходят намного спокойнее, в отличие от моих чувств. Пульс барабанной дробью бьётся в ушах.

Дес подносит к губам наши руки и закрывает глаза. Минуту он стоит неподвижно, и я начинаю волноваться. Но, в конце концов, он поднимает веки и втягивает носом воздух. И вот по его взгляду я понимаю, что вернулся тот Дес, которого я знала и на которого полагалась. На его лице появляется выражение всемирного раскаяния.

— Прости, ангелочек, — хрипло шепчет он. — Ты не должна была этого видеть, — продолжает он. — Я... не человек, каким хочу казаться.

Кровь гудит по венам, подгоняемая, я уверена, страхом, хотя, может быть, надеждой. Я особо не отличаюсь храбростью, но решаюсь и спрашиваю:

— Я тебе... нравлюсь? — Меня нельзя не понять.

Торговец опускает мою руку.

— Калли.

Он отстраняется, как физически, так и эмоционально.

— Нравлюсь? — давлю я.

Потому что чувствую те вибрации, когда он обещал забрать меня и заставить платить по долгам. Нежно поглаживая меня по щеке, Дес хмурится и опускает голову.

Нравлюсь.

Моя кожа светится ослепительно ярко, потому что я счастлива, так чертовски счастлива, от того, что нравлюсь Десу, и он мне тоже; от того, что он сходил со мной на бал, и, по мнению сверхъестественного мира, я уже совершеннолетняя.

Должно сработать.

Даже несмотря на то, что Торговец не просто немного пугающий, а моя сирена хочет лишь его, Дес — луна на моём тёмном небосводе. Мой таинственный король. Мой лучший друг.

Я встаю на носочки.

— Калли...

И прерываю его речь поцелуем... немного преувеличенное название. Я просто прижимаюсь своими к губам Торговца. Дес сжимает мне плечи. Клянусь, он хочет притянуть меня ближе, но почему-то не делает этого.

Его губы остаются неподвижными, и моя смелость быстро улетучивается. Но затем, издав страдальческий стон, Дес начинает целовать меня в ответ, и, внезапно, «лёгкое касание губ» перерастает в настоящий поцелуй. Стиснув меня в объятиях, Дес сминает мои губы так, словно желает большего. Как будто это первый, последний и единственный поцелуй, который он получит.

От происходящего перехватывает дыхание. Я обнимаю Деса за талию, и меня наполняет ощущение, словно держу в руках драгоценную жизнь. Каждая часть моего тела идеально вписывается к его. Ад не мог дать мне мужчину опаснее; Небеса не могли дать момента совершеннее. Год ожиданий, год терзаний, год, за который я полностью отчаялась. И вот этот момент настал.

Запутавшись одной рукой в моих волосах, Дес грубо сжимает их в кулак. Он не может ещё крепче прижать меня, но я чувствую, как он пытается, как желает наполнить себя моей сущностью. В этот момент я начинаю волноваться о том, насколько дерьмовая у меня техника поцелуев. Я и не представляла, что Дес жаждет меня так, как умирающий человек жаждет жизни.

Я открываю рот, чтобы плотнеть воздуха, и этим словно разрушаю заклинание. В один момент Деса касается моих губ, а в другой уже нет. Тяжело дыша, он отпускает меня и отходит. Вокруг него собираются тени, гуще и плотнее, чем когда-либо прежде. Они и меня окутывают, выглядя, как клубящиеся черные грозовые тучи. Но у меня было лишь мгновение удивиться теням, прежде чем поднять взгляд... выше... выше... выше.

За спиной Деса мерцают два жутких, серебристых крыла, два ребра, увенчанные острыми когтями на конце, возвышаются над головой Торговца.

— Твои крылья... — с трепетом произношу я.

«Наши крылья появляются, когда мы хотим драться или трахаться», — говорил он.

И не думаю, что он хочет со мной драться.

Дес не смотрит на крылья, а продолжает сверлить меня взглядом.

— Прости, — говорит он, — они не должны были появиться. Надо было подождать. Я хотел подождать.

— Дес, что случилось? — спрашиваю я, делая шаг вперёд. У меня сводит желудок. Я фактически чувствую на языке сожаления Деса.

Он проводит трясущейся рукой по волосам.

— Мне пора.

— Нет, — возражаю я и перестаю светиться.

— Прости, — отвечает Дес. — Мне стоило дать тебе больше времени. Не стоило... вообще ничего не стоило начинать.

Ничего?

«Он ведь не имеет в виду то, о чём я думаю».

Особенно учитывая то, что крылья до сих пор не исчезли. Они подёргиваются, словно хотят раскрыться.

— Но я нравлюсь тебе, — вставляю я, не понимая его слов, но слыша сожаление в голосе.

— Я король, Калли. А ты...

Сломлена.

— Невинна.

— Я не невинна.

Боже, нет.

Подойдя ближе, он обхватывает моё лицо ладонями.

— Невинна. До боли и во многих отношениях, а я плохой, очень плохой. Ты должна держаться подальше от меня, потому что я от тебя не могу.

Погодите.

— Держаться подальше? Но почему?

— Я не могу быть просто твоим другом, Калли.

«Как и я не могу быть твоим».

— Тогда не будь им, — говорю я с хрипотцой в голосе.

— Ты не представляешь, о чём просишь, — отвечает он, осматривая моё лицо.

— Мне плевать.

И мне действительно плевать.

— Ну, а мне нет, — тихо, но категорично, говорит он.

От понимания происходящего, по моим щекам катятся слёзы. Он прощается. И я не понимаю почему. Его голос становится ниже.

— Не плачь.

— Тебе не нужно уходить, — говорю я. — Всё можно вернуть. Мы можем просто... притвориться, что ничего не произошло. — Я едва произношу эти слова, потому что вообще не хочу притворяться. Дес хмурится. Держа меня за подбородок, он приближается и поцелуем стирает каждую слезинку с моих щёк. Когда он отходит, я замечаю в его глазах, то, что наводит меня на мысль, чувства Деса намного глубже. И это смущает сильнее.

— Просто... дай мне немного времени. — Нехотя отпустив меня, Дес делает шаг назад.

— Как долго тебя не будет? — спрашиваю я. В прошлом году я с трудом проживала день без него. Он сжимает губы в жёсткую линию.

— Достаточно долго, чтобы понять, чего хочу я, и чего заслуживаешь ты.

Тон его голоса заставляет меня паниковать. Это конец чего-то. Я думала, что это начало... но ошиблась. Глупо с моей стороны проявлять такой оптимизм.

— А как же долги?

Все триста двадцать два. Они вдруг стали для меня спасательной палочкой.

— Они ничего не значат.

Ничего не значат? Передо мной Торговец, человек который построил империю на своих сделках. Он не может просто взять и простить сотни услуг.

Теперь меня одолевает не только паника. Я в ужасе. Он уходит не на одну ночь, а на много ночей. Возможно на все оставшиеся в моей жизни ночи.

Дес касается дверной ручки. Вот он — момент, когда Десмонд Флинн уходит из моей жизни. И всё из-за одного поцелуя. Поцелуя, от которого раскрылись его крылья. Прежде я никогда их не видела. И лишь в этот раз непоколебимый Дес потерял хватку на контроле. Это ведь должно что-то значить? Что-то, за что стоит бороться.

— Последнее желание.

Мой голос жёстче, чем я ожидала. Более решительный.

Он склоняет голову.

— Не надо, Калли, — говорит он, практически умоляя.

Единственная слабость — сделка. Он не может удержаться, когда дело доходит до одолжения услуги. Не знаю, что находит на меня, какая сила заставляет произнести слова, которые я не имею права произносить Торговцу. Я знаю лишь одно, мой мир рушится, и если я ничего не сделаю, то он упадёт с оси. Я закрываю глаза, и слова из старой книги срываются с моих губ.

— От пламени к пеплу, от восхода до заката, до конца дней нашей жизни, будь всегда моим, Десмонд Флинн.

Он судорожно вдыхает. Безо всякого смущения я наслаждаюсь звуком древнего связывающего стиха возлюбленных. Я открываю глаза, и мы с Десом смотрим друг на друга. Я ещё никогда не видела одновременно застывшее выражение ужаса и полного удивления на лице одного человека. А затем Дес исчезает в клубках дыма.

И я не знаю, вернётся ли он.

Наши дни

«Фейри не показывают крылья своим наречённым. Они показывают их своим вторым половинкам».

Я перестаю дышать.

Мир останавливается и смолкает, и я слышу лишь биение собственного сердца и трепет надежд.

— Ты лжёшь, — шепчу я.

С ярким блеском в глазах, он кротко улыбается.

— Нет, ангелочек, не лгу.

Я чувствую, что нахожусь на грани срыва.

— Так, ты говоришь?..

— Что влюблён в тебя? С тех с самых пор, когда ты ещё была упрямым и невероятно храбрым подростком? Что ты моя вторая половинка, а я твоя? Боги спасите меня, да, именно это я и говорю.

У меня почти подгибаются колени.

Вторая половинка.

«Да», шепчет моё сердце, — «вторая половинка».

Семь лет назад я похоронила прошлое и заново создала себя. Семь лет назад я полюбила. И никогда не смогла бы разлюбить. Это стало проблемой, потому что первая любовь разбила мне сердце.

— Но ты ушёл, — тихо говорю я.

Он твёрдо стоит на месте.

— Ушёл, — с грустью в глазах отвечает Дес. — Но никогда не хотел держаться вдали от тебя.

— Тогда почему держался?

Он проводит рукой по волосам, отводит взгляд и, вздохнув, снова смотрит на меня.

— Ты была чертовски юной, — тихо поясняет он, не сводя глаз с моего лица. — И над тобой издевались. А моё сердце выбрало тебя. Я почувствовал это в первую же ночь, но не хотел верить, пока чувство не выросло и его стало трудно игнорировать. Я не мог держаться от тебя подальше и сопротивляться не мог, но не хотел давить. Особенно сразу после того,

как ты избавилась от человека, который брал и брал. Не хотел, заставляя тебя думать, что мужчины все такие. — Я не могу дышать. Тихая слеза скатилась по моей щеке. Затем другая. Дес с невероятной нежностью вытирает их. — Так что я позволил тебе играть в собственную игру, покупать одно одолжение за другим, до тех пор, пока больше не смог принимать их. Нет, моя пара мне ничего не должна. Но у моей магии собственный разум... как у твоей сирены, я не всегда могу её контролировать. Магия решила, чем больше ты мне должна, тем дольше я смогу гарантировать, что ты будешь в моей жизни. Конечно, эта стратегия резко оборвалась в тот момент, когда ты произнесла последнее желание. — Слезы так и катятся по лицу, пока я тужусь вспомнить то последнее желание. — Твоё последнее желание, — продолжает он, — было не по силам для нас. Ты хотела меня, я влюбился в тебя и это неправильно. Я знал, что неправильно. Не тогда, когда тебе шестнадцать. Но я могу быть терпеливым. Ради моей маленькой сирены, ради второй половинки, я мог быть терпеливым.

Он нежно улыбается мне, а его глаза переполняют глубочайшие эмоции.

Я чувствую невероятную лёгкость. Все эти годы я хотела услышать именно это. И сейчас рыдаю навзрыд. Я думала, что моё истерзанное сердце выбрало мужчину, который не сможет любить меня в ответ.

Дес отводит взгляд.

— Но то желание... я стал узником его.

— Какое желание?

Он продолжает упоминать зловещее желание, и я понятия не имею, о чем Дес говорит.

Взгляд Деса становится твёрдым.

— Твоё последнее желание. В ночь танцев: «От пламени к пеплу, от восхода до заката, до конца дней нашей жизни, будь всегда моим, Десмонд Флинн», — произносит он, цитируя связывающий стих, который я давно произнесла.

У меня пылают щёки.

— Ты этого не исполнил.

— Ты уверена?

Я замираю, когда смысл его слов доходит до меня.

— Ты... ты исполнил?

— Да, — говорит Торговец, останавливая взгляд на моих губах. Он согласился быть моим. От этой мысли у меня мозг взрывается. Я смотрю на браслет.

— Но бусины так и не появились...

— Они бы не появились, так как ты уже расплачивалась. Мы оба.

У меня перехватывает дыхание, а посреди горла встаёт ком.

— Что ты имеешь в виду?

Я еле-еле произношу слова.

— Для услуги, которую ты запросила, требуется крутая плата, — продолжает Торговец. — Думаешь, моя магия позволила бы вот так легко купить себе пару? Такое одолжение требует хлебнуть немало страданий и долгих лет ожидания, а если быть точным — семь долгих лет.

Семь лет.

О, Боже.

Магия Торговца тонкая, если ты её не ищешь, то никогда не заметишь. Всё то время, когда я пыталась и не могла двигаться дальше, когда негодовала на Торговца, являлось частью моего желания.

— Каждый день после твоего последнего желания, я отчаянно пытался приблизиться к тебе, — говорит Дес. — И каждый раз меня отталкивала собственная магия, которая повернулась против меня самого.

Не найдя слов, я лишь киваю. Связывающий стих, который я произнесла в полном отчаянии. Я вспоминаю тот последний вечер, семь лет назад, и теперь смотрю на это с точки зрения Десмонда. И резко вдыхаю, осознав, как разворачивались события по его словам. Он, как и я, был связан моим желанием. Я никогда не понимала, что он просто не в состоянии прекратить заключать сделки.

— Но однажды, — продолжает Дес, — магия ослабла. Как и тысячу раз до этого, я попытался подойти к тебе, и магия меня не остановила. — В его серебристых глазах пляшут искры. — Наконец, после долгих семи лет моей жизни, я смог вернуться к любимой, моей второй половинке. К милой сирене, которая полюбила мою тьму, мои сделки и мою компанию, в то время когда я был никем и ничем, просто Десмондом Флинном. Женщине, которая взяла судьбу в свои руки и произнесла тот древний обет, объявляя себя моей. — Уголки его губ приподнимаются в хитрой ухмылке. - Калли, я люблю тебя. Полюбил с первой встречи. И буду любить до тех пор, пока не погаснет последняя звезда на небе. Буду любить тебя, пока тьма не исчезнет.

— Ты любишь меня, — произношу я, обдумывая его слова.

— Я люблю тебя, Каллипсо Лиллис, — повторяет он.

И вот тогда... я улыбаюсь. У меня сейчас сердце лопнет.

— И ты... хочешь быть со мной? — вдруг застенчиво спрашиваю я, всё ещё не веря в происходящее.

Дес ближе притягивает меня к себе.

— Калли, возможно это станет излишней откровенностью, но у меня такое чувство, что ты этого хочешь...

Моя улыбка становится шире.

— Да.

Он смотрит на меня.

— Я хочу просыпаться с тобой каждое утро, ангелочек, и я хочу жениться на тебе, затем завести с тобой много-много детишек. Если конечно ты согласишься.

Я смотрю на Деса, на его белокурые волосы и поразительные глаза серебристого оттенка. И в каждой его черте видны любовь, переживания и печаль. Дес, который спас мне жизнь, который смотрит на меня, словно я его звезды и луна. Король Ночи не контролирует ситуацию. У него не припрятаны в рукаве козыри, и он предлагает мне руку... а это всё, что я когда-либо хотела.

Сейчас он предлагает мне принять решение. Действительно ли я хочу впустить этого мужчину в свою жизнь?

Я желала его семь лет назад, и всё это время между прошлым и настоящим продолжала желать, даже когда знала, что это невозможно. Даже когда ненавидела, я хотела его. Хотела вчера, хочу сегодня и буду хотеть завтра, и послезавтра... до конца жизни. На веки вечные.

— Я буду твоей, если ты будешь моим, — говорю я.

Яркая улыбка от уха до уха появляется на его лице. Я в изумлении от неё.

— Я всегда буду твоим, ангелочек.

Самая искренняя реакция, и я начинаю улыбаться в ответ, поддавшись слезам счастья. Моё сердце разрывается и преображается, а тело светится изнутри.

Дес накрывает мои щеки ладонями.

— Горы могут вырасти и разрушиться, и солнце может увядать, и море затопит землю и поглотит небо. Но ты всегда будешь моей. — Он проводит пальцем по моей щеке. — И звёзды могут падать с небес, и ночь укроет землю, но пока тьма не умрёт, я всегда буду твоим.

Как только Дес заканчивает говорить, я несколько раз моргаю.

— Это было...

— Клятва моей земли. — Он всё держит моё лицо в ладонях. — Я в течение многих лет хотел сказать тебе эти слова. — Он прислоняет лоб к моему. — Не только у людей есть старомодные клятвы возлюбленных.

И затем Дес целует меня. Самый лучший поцелуй. Любовь — другой вид тонкой магии. Она объединяет людей и разрывает жизни. Она смывает печаль, и прощает. Она может принести искупление.

Дес заворачивает нас в кокон своих крыльев, отгораживая от всего мира.

— Правда или Действие? — шепчет он.

— Правда, — отвечаю я.

— Ты любишь меня? — спрашивает он. Клянусь, как только вопрос слетает с губ, Дес задерживает дыхание. Но, возможно, мне это кажется.

— Никогда не переставала.

На мгновение он закрывает глаза, впитывая признание. А когда открывает, я вижу в них столько эмоций, и понимаю, что произойдёт дальше. Положив руку мне на затылок, Дес смотрит так, словно я какое-то древнее божество, которому он поклоняется.

— Десмонд.

Он скользит взглядом по моим губам, и ещё никогда он не двигался так медленно. Я встречаю его на полпути, сплетая наши губы воедино, пока он зарывается руками в мои волосы. Я теряю контроль и даже не пытаюсь остановить сирену, которая берёт бразды правления. Моя кожа ярче светится, и я, обняв Деса, тяну его на себя. Разорвав поцелуй, он прокладывает дорожку из поцелуев вдоль моего подбородка, а затем спускается к шее и ключице. Я издаю тихий стон, и кожей ощущаю улыбку Торговца. Его волосы, щекоча, скользят по моей плоти, и в этот момент... Торговец спускается вниз к ложбинке между грудей.

Мы не остановимся на поцелуях. Только не сегодня.

Его дыхание опалает кожу, и я выгибаюсь навстречу. Дес растягивает момент, медленно снимая с меня футболку и бюстгальтер. Откинув их в сторону, он несколько секунд смотрит на меня голодным взглядом. Он никогда прежде не видел меня голой, впрочем, как и я его. Осознание этого приводит в шок, учитывая, что мы сделали.

Потянувшись за спину, Дес снимает с себя футболку, и я восхищаюсь его искусно вылепленной, накаченной грудью, мускулистыми руками и твёрдым, как камень, прессом. Я провожу пальцами по каждому кубику, впервые почувствовав, что у меня есть право коснуться его. Десмонд словно высечен из мрамора, кожа плотно обтягивает мускулы. В отличие от громоздкого Илая, Дес был грациознее.

Вторая половинка.

«Он — мой, а я — его».

От радости у меня кружится голова. Была ли я такой счастливой в своей жизни?

Торговец подхватывает меня на руки и несёт вдоль коридора в спальню, ногой закрыв за нами дверь. Затем опускает меня на кровать и накрывает собой, удобно разместившись между моих ног. Даже этот контакт заставляет меня извиваться, желая получить больше. Но,

в отличие от меня, у Деса, кажется, безграничное терпение. Он скользит взглядом по моей обнажённой груди, затем накрывает одну ладонью и ласкает сосок большим и указательным пальцем, до тех пор, пока тот не становится твёрдым. После чего, Дес подаётся вперёд и втягивает сосок в рот. Его язык порхает над ним, заставляя меня выгибаться. Господи, он заставит меня кончить до того, как мы полностью разденемся.

Я скольжу руками по его спине, притягивая ближе к себе, а Дес прокладывает дорожку из поцелуев вниз по животу, но, замирает у пояса моих джинсов и смотрит на меня сквозь полуопущенные ресницы.

— Сними их, — выдыхаю я.

Секунду Дес медлит, и у меня создаётся впечатление, что он наслаждается этим моментом. Затем он вновь поднимается по моему телу и накрывает мои губы своими. Во время поцелуя я чувствую прикосновение магии, а через мгновение джинсы расстёгиваются и соскальзывают с ног.

Не удержавшись, я смеюсь сквозь поцелуй. Десмонд улыбается в ответ, но всё веселье в его выражении тут же меняется на что-то греховное.

Лицо Деса в дюйме от моего, а волосы занавесом скрывают нас от всего мира.

— Моя вторая половинка, — с удивлением произношу я.

— Твоя вторая половинка, — повторяет он.

Даже этого чересчур. Мои сердце и тело не могут принять столько приятных ощущений за раз. Я чувствую, что готова развалиться на части, и когда, наконец, снова соберусь воедино, уже не буду прежней Калли.

Я вновь ощущаю дыхание его магии, и на этот раз она снимает штаны с Деса. У меня есть всего пара секунд, чтобы заценить чёрные боксеры, прежде чем они сползают.

Я столько раз представляла его себе, но воображение меня подвело. V-образный, накаченный торс сужался и плавно переходил к узким бёдрам и огромному члену... это великолепие сложно себе вообразить. Позволив мне насладиться собой мгновение, Дес снова прижимается всем телом ко мне, а налитый член касается моей ноги.

Я сияю ярче, чем когда-либо. Обычно, когда занимаюсь сексом, я сдерживаю силы, иначе чары могут превратить мои невинные слова в приказы, которые будут контролировать моего партнёра... а мне нравится секс по обоюдному согласию.

Но с Торговцем мне не стоит об этом беспокоиться, на него чары не действуют. А чувствовать себя полностью и безоговорочно собой — чего у меня не удавалось ни с кем — раскрепощает.

Дес касается моих кружевных трусиков.

— От них нужно избавиться. — И в ту же секунду, как он произносит слова, я чувствую, как невидимая рука снимает их.

Когда Торговец... Десмонд смотрит на меня с обещанием в глазах, в магии больше нет ничего смешного. Он нежно и томно целует меня, раздвигая мои ноги. Я чувствую, как головка его члена упирается к входу в моё тело.

Разорвав поцелуй, он смотрит мне в глаза. И вновь у меня возникает впечатление, что Дес запоминает каждый момент. Не сводя взгляда, он толкается в меня. Я поднимаю бедра ему навстречу, и дюйм за дюймом, он скользит глубже. Я открываю рот в немом стенании, но не отвожу глаз от Десмонда. Все годы ожидания, надежд, отчаяния... всё вело к этому моменту.

Совершенному моменту.

Дрожь пробегает по телу Торговца, когда он полностью входит в меня.

— Хочу остаться здесь... навсегда.

Сплотнув, я глажу его по плечам и спине, и тоже хочу, чтобы он остался здесь. Мы слились в единое целое.

Он выходит почти на всю длину, а затем сильно толкается обратно. Из моего горла вырывается сверхъестественный стон.

Дес греховно улыбается.

— Люблю стоны моей сладкой сирены.

Дес сильными толчками двигается во мне. Боже, он изумителен. Он свёл брови и приоткрыл рот, а с каждым толчком мышцы его пресса сокращались. Одного лишь его вида — самого по себе ошеломляющего — достаточно, чтобы подвести к оргазму. Прижавшись своей грудью к моей, Дес убирает волосы с моего лица. Затем наклоняет голову и касается моей щеки своей. Его движения медленные и нежные.

Занятие любовью. Вот что это такое. Он нежен, романтичен, даже после того, как заполучил мою любовь и оказался у меня между ног.

И так может быть всегда. Подобные ночи растянутся далеко в будущее. От такой возможности моё сердце колотится. Истинная любовь всегда казалась недоступной. Я верила в неё только потому, что все эти годы остро ощущала её отсутствие.

Я так долго думала, что со мной на эмоциональном плане что-то не так, что я не смогу полноценно полюбить, что не могу снова стать прежней, что слаба. Но сейчас, в объятиях этого мужчины, я впервые за долгое время понимаю, что не сломлена. Даже близко нет.

Я его пара.

А он мой.

Я наслаждаюсь игрой мышц Десмонда под своими ладонями, когда он наклоняется и прикусывает за грудь, резко подводя меня к краю обрыва, куда вёл с момента, как оказался в моём теле. Словно чувствуя, насколько я близка к кульминации, Дес, не сводя с меня глаз, толкается глубже, грубо целует меня и наращивает темп.

— Мне нравится выражение твоего лица, ангелочек, — говорит он. — И нравится осознавать, что это из-за меня.

Я крепче обнимаю его, опускаю веки и приоткрываю рот.

— Не смей закрывать глаза, — говорит он. — Хочу видеть всё, что с тобой делаю.

Порыв его магии заставляет открыть глаза.

— Десмонд, — это всё что я успеваю сказать, в следующую секунду на меня обрушивается волна оргазма. Из горла рвётся крик, похожий на мелодию. Моя кожа мерцает, и её свечение отражается в глазах Десмонда.

Торговец начинает толкаться быстрее, напрягаясь всем телом. А затем с последним неистовым и самым грубым толчком, кончает и стонет.

Когда последняя волна оргазма стихает, Дес перекачивается на спину и крепко прижимает меня к себе, словно не может не прикасаться ко мне. Его кожа покрыта бисеринками пота, а моя начинает тускнеть, поскольку на смену наслаждению приходит усталость. Дес пахнет мной, а я на себе ощущаю его запах.

Торговец смотрит на меня с удивительным выражением на лице. Его глаза блестят от счастья, от нестерпимого счастья.

— Моя сирена, — говорит он. — Моя пара. Все эти годы я ждал тебя.

Я не могу сдержать улыбку, которая расползается по моему лицу. Впервые мир в моей

жизни ощущался абсолютно правильным.

Дес проводит пальцем по моей губе, не сводя взгляда.

— Почему ты ничего не сказал в первый же день, когда вернулся? — с любопытством спрашиваю я. Было бы проще.

Он смеётся.

— Если бы мог, ангелочек. Я хотел, но ты не видела меня семь лет, состояла в отношениях, и мне очень хотелось сохранить собственный зад целым. Я был ограничен в вариантах.

Я слабо улыбаюсь.

Он крепче обнимает меня.

— О, я отдал бы своё царство за одну такую улыбку.

Я могу купаться в словах Деса. Обычно они были насмешкой, приколом, искушением, которое так часто меня соблазняло. Но сегодня его слова самая сладкая серенада для меня.

Я пробегаю пальцами по рукаву с татуировками.

— Что они все означают? — Я вижу розу, таящую в слезах. Ангелов, дым, чешую, которые изображают глаз. И всё это нанесено на плечо и предплечье. Татуировка одновременно красивая и жуткая. Дес гладит меня по волосам, а в его глазах теплится не присущая ему нежность. Станный взгляд для привычно-ужасающего Торговца. И я не хочу, чтобы этот взгляд исчезал.

Дес мешкает с ответом.

— Я нанёс их, когда был в рядах Ангелов Малой Смерти, — наконец говорит он. — Братство, своего рода.

Я поворачиваю голову и смотрю на него.

— Ты был в банде? — спрашиваю я, додумывая то, что он не сказал.

Он ухмыляется.

— Семантика. Мы патрулировали улицы Царства Ночи... когда им правил кое-кто другой. — Хмурясь, он смотрит на свои татуировки. — Это было так давно.

Он действительно был бандитом до того, как стал королём. Я не знаю, как это комментировать, но это кажется уместным.

И ошеломляющим.

— Думала, что ты король, — бормочу я.

— Так и есть.

— Я думала, что ты всегда был королём, — уточняю я.

— Разочарована? — спрашивает он. Его тело одеревенело.

Никогда не понимала, как моё восприятие влияет на него.

Я веду пальцем по розе.

— Нисколько. — Мне нравится сама идея, что он не рос в замке. — Не думаю, что смогла бы работать с заносчивым Десмондом Флинном.

Явная ложь. Я бы приняла любого Деса... приняла бы, даже не до конца зная его прошлое. Но знать, что он патрулировал улицы Потустороннего мира, как разбирался на улицах здесь... Теперь я ещё больше ценю то, кто он. Несомненно, его прошлое — печальная история. Точно так же, как и у меня.

Я крепче обнимаю его.

— Расскажи мне секрет, — прошу я.

И слышу веселье в его голосе, когда он начинает говорить.

— С той ночи, как я тебя впервые встретил, больше не смог выкинуть из головы...
Я погружаюсь в сон под самые сокровенные секреты Торговца.

Рано утром Дес будит меня, подминая под себя и целуя. Я чувствую его готовность, и издаю стон, когда во мне просыпается сирена.

— Снова? — спрашиваю я, обнимая его. — Разве ты не устал?

Несмотря на то, что Дес уже дважды за ночь вот так меня будил, я улыбаюсь, как довольная кошка, которая съела всю сметану.

Дес с хрипотцой смеётся.

— Ангелочек, есть свои преимущества быть второй половинкой Ночного Короля.

Моя кожа светится всё ярче и ярче. Обычно, сирена возбуждена. Всегда возбуждена. Но Король Ночи прекрасно знает, как удовлетворить её.

И меня.

Я извиваюсь под поцелуями Деса.

— Не могу, насытаться тобой, любовь моя, — мурлычет он. — Даже находясь глубоко внутри, я тебя хочу

Мне знакомо это чувство. Кожа жужжит от нетерпения, чтобы поскорее коснуться Деса, вкусить, вдохнуть и никогда уже не отпускать. И при всём этом чистейший трепет.

Дес любит меня. Он семь лет пытался вернуться ко мне. И понятия не имеет, что значит быть моей второй половинкой.

Я толкаю его на спину. Дес крепко держит меня за талию и в конечном итоге, я седлаю его, а мои волосы каскадом рассыпаются на спину. Дес берет в руку прядь и рассматривает её, словно никогда до этого не видел.

Наклонившись вперёд, я нежно провожу по его груди и рукам.

— Милый маленький фейри, — мелодично мурлычу я. Дес дерзко выгибает брови. Ему даже ничего не нужно говорить, каждый из нас точно знает что «милый» и «маленький» это последние слова, которые можно отнести к Десу. — Я осуществлю все твои греховные желания, — шепчу я, голосом сирены

и начинаю целовать его грудь, спускаясь ниже, ниже, ниже и чередуя поцелуи со словами: — По... одному... за... раз.

Сквозь зубы он втягивает воздух, понимая, что я собираюсь сделать. Опустившись между его ног, я обхватываю его ртом.

Дес замер.

— Боги, — выдыхает он и зарывается руками в мои волосы, сжимая их в кулак.

Я двигаюсь вверх и вниз, вверх и вниз, лаская его губами, языком и руками, касаюсь каждой чувственной точки, пока не заставляю его трахать меня в рот. Дес дышит прерывисто и рвано. Он не продержится долго. От этой мысли я коварно улыбаюсь.

Вдруг он отталкивает меня. Когда я встречаюсь с ним взглядом, то вижу в его глазах безудержный голод.

— Ты играешь грязно, сирена, — говорит он, переворачивая меня на живот. Поставив

меня на четвереньки, он водит головкой члена по складкам. Вверх и вниз, вверх и вниз. Намотав волосы на кулак, Дес дёргает мою голову к себе и наклоняется к уху. — Ты же не думала, что Король Ночи будет нежным? — с хрипотцой продолжает он и скользит рукой между моих ног. Найдя чувственный бугорок, он давит на него, заставляя меня стонать

И вместе с этим, он покусывает моё ухо. — М-м-м, как мне нравится этот звук.

— Дес, — падая на подушку, с придыханием говорю я.

Он тут же входит в меня на всю длину, а я чувствую, как мои внутренние стенки растягиваются под его размер. И когда он полностью заполняет меня, с губ снова слетает стон. Находясь глубоко внутри, он не двигается.

— Ангелочек... никогда не мог себе представить, что это будет так хорошо...

Так будет всегда и каждый раз. словно электризованная, неутомимая химия появляется между нами, пока мы не насытимся друг другом.

Затем он начинает двигаться, всё увеличивая темп. Вновь потянув мою голову назад, он поднимает меня и прижимается грудью к спине. Глядя прямо в его глаза, я оказываюсь в ловушке его рук. Наши тела становятся мокрыми и скользкими от пота. Тьма сгущается вокруг, а моя сияющая кожа единственный источник света в комнате.

Дес тут же опускает мои волосы только для того, чтобы ущипнуть за соски.

И этого предостаточно.

Тело сотрясает оргазм, а через пару секунд, я слышу, как Дес кричит и затем тоже кончает, но не замедляет движений.

В изнеможении мы оба падаем на кровать.

От страданий к этому. Жизнь просто не может быть ещё лучше.

Чуть позже утром, пробудившись ото сна, я потягиваюсь, и моё тело ноет от боли в нужных местах, а на животе покоится рука Деса. Я улыбаюсь, ещё не разлепив глаза, а когда я открываю их, сразу вижу белокурые волосы Торговца. Я пропускаю их между пальцев, наслаждаясь прикосновением к Десу и рассматривая его, пока он спит. Его греховные губы слегка приоткрыты. Во сне он похож на ангела, и хоть совершенно не любит комплименты, это чистая правда. Он совершенен.

Когда он не просыпается, я начинаю чувствовать себя идиоткой, за то, что плююсь на него, и медленно сползаю с кровати.

Я захожу к себе в спальню в поисках одежды, а потом направляюсь на кухню. Я улыбаюсь самым глупым вещам: солнечным лучам, льющимся в окна; вчерашним макароны. Заварив чашку кофе, через большие французские двери, я выхожу на задний двор. Сад, полон цветущих виноградных лоз и, высаженных в ряд, экзотических кустарников. Прямо посреди сада стоит фонтан, в котором растут водные растения. Там где заканчивается сад, начинаются скалы. За скалами на мили простирается голубой океан. Сегодня достаточно ясный день, и я могу увидеть побережье Калифорнии.

Я вспоминаю все те дни, когда сидела на краю собственного обрыва и смотрела на остров Каталина. Никогда не думала, что по другую сторону океана находился Дес и возможно вглядывался в мою сторону...

Он был вынужден держаться подальше от меня, потому что семь лет назад я совершила глупую сделку. И всё же, Дес всегда был поблизости.

Теперь всё кончено.

Он моя вторая половинка.

Не понимаю, как это возможно. Здесь, на земле, сверхъестественные создания знают о вторых половинках точно так же, как я знаю, что я сирена. В подростковом возрасте наши силы Пробуждаются, запуская брачную связь.

А во мне ничего подобного не Пробудилось.

Но, возможно... возможно, в Потустороннем мире это работает по-другому. Возможно, там не predetermined вторые половинки, как здесь. Или же связь проявляется иначе.

Я задам все вопросы Десу, когда он проснётся.

Я сижу за столиком на краю собственности Деса и потягиваю кофе, изучая браслет. Со вчерашнего дня, кажется, ничего в нём не изменилось, но, когда я пересчитываю бусины, то понимаю, что целых три ряда исчезло. Не думаю, что Дес сознательно забрал их.

Это сделала его магия.

Но браслет не исчез весь. Очевидно, магия Торговца не верит, что одной ночи полной откровений и слов любви (с кучей секса) не достаточно, чтобы покрыть долги.

Кажется, она такая же капризная, как и моя сирена.

Я закрываю глаза и вдыхаю солёный воздух, слушая, как волны разбиваются о скалы.

— Каллипсо Лиллис, я искал тебя

Я застываю от звука моего полного имени и незнакомого мужского голоса за моей спиной. Повернувшись в кресле, я шурю на солнце. Оно тускнеет и на месте появляется человек ошеломляющей красоты. Волосы похожи на золотые нити, а глаза небесно-голубого оттенка.

Определённо, кто-то сверхъестественный. Ничто кроме магии, не заставит так выглядеть.

Через мгновение до меня доходит.

Почему незнакомец на территории Деса — даже хоть на заднем дворе? И откуда он знает моё имя? Вся ситуация неправильная, неправильная, неправильная, но я слишком шокирована, чтобы быстро отреагировать.

Однако, не моя сирена.

Люминесцентный свет струится по коже, когда сирена поднимается на поверхность.

— Как ты сюда попал? — вскочив, требую я неземным голосом.

«Это всё, что я могу сказать». Нет бы: «Съебись с этой собственностью», или «Я вызову копов» или «Дес!»

Он подходит ближе.

— Говорю же, я искал тебя.

Он отвечает на вопрос, но не думаю, что из-за принуждения сирены. Он не похож на того, кто под воздействием чар, не подаётся ко мне в ожидании следующего приказа.

Что означает...

Фейри.

Чёрт. Единственная тварь из Потустороннего мира, которая ищет меня — Похититель Душ.

Это... он?

Он делает шаг вперёд.

— Тебя очень трудно застать одну, — говорит он.

Я отхожу назад и натыкаюсь на стол. Незнакомец собирается схватить меня.

Я действую инстинктивно, хватаю чашку кофе со стола и швыряю её в него. Он поднимает руку, и чашка с жидкостью, выливающейся из неё, замирают в воздухе. Он переворачивает руку ладонью вверх, и, насколько это возможно, чашка аккуратно плывёт к нему, а кофе собирается обратно внутрь.

Я открываю рот.

— Де-е!..

Он, прищурившись, смотрит на мои губы, и голос тут же пропадает, обрывая крик.

Я сжимаю горло.

— Что ты?..

Я также не могу произнести слова, мои связки просто не работают.

— Твоя коллега, мисс Дарлинг, сказала, что ты занята, но не похоже, что ты занята.

Клиент, который хотел нанять меня.

Я продолжаю отходить, устремив взгляд к дому.

Он улыбается, словно он сам и придумал улыбку, она такая ослепительная.

— Он тебя не спасёт.

Мужчина исчезает, а спустя мгновение, оказывается позади и хватает меня.

Я толкаюсь, пинаюсь, бью руками по всему, до чего могу дотянуться, кричу и кричу, не замечая, что голос приглушен.

— Хватит, — говорит он.

Магия врзается в меня, и мир меркнет.

Я с трудом открываю глаза и потираю голову, ещё плохо соображая. Надо мной неотёсанный каменный потолок. Усаживаясь, я оглядываю тело.

На мне уже не та одежда, что была утром, теперь я облечена в лёгкое, медного цвета платье, края которого вышиты замысловатыми мерцающими рисунками.

Не припомню, как переодевалась...

Я дрожу. Мне холодно. Очень, очень холодно.

Я оглядываюсь. Меня окружают три каменных стены. А четвертая...

Четвертая сделана из железных прутьев.

Заключённая. Но где? Почему?

Я сползаю с койки, на которой проснулась. В углу комнаты можно заметить то, что, мягко говоря, я назвала бы туалетом. Больше напоминает миску в земле.

Метки, процарапанные на ближайшей стене, похожи на подсчёт дней. И их много. И ни одни не перечёркнуты, из-за чего я не могу решить: то ли предыдущий пленный умышленно подсчитывал дни таким образом... то ли несколько предыдущих при подсчёте не доживали до четвёртого дня.

Я нигде не замечаю тварь, притащившую меня сюда. Был ли это Похититель душ или кто-то иной? Он даже не попытался объяснить своё поведение и мотивы.

Я подхожу решётке камеры, игнорируя кислый осадок на задней стенке горла — привкус остаточной магии, и озадаченно смотрю перед собой.

Пещера с тюремными камерами, вырубленными из сланца. Ряд за рядом, уровень за уровнем. И им нет конца, они протягиваются во все стороны — вверх, вниз, вправо, влево.

И в каждой находится женщина, знакомо мне одетая.

По коже побежали мурашки.

Всё, как во сне.

Это те пропавшие женщины?

Если да, то я — в полной заднице. Дес так и не раскрыл тайну, тянувшуюся уже десятилетие. Я не питаю надежд, что всё изменится лишь потому, что я здесь.

Где Дес? О чём он теперь думает?

— Эй? — выкрикиваю я.

Ответа нет.

Вдалеке я слышу тихий шёпот и мягкое цоканье каблуков вдоль камер, должно быть, ходит тюремщик. Я корчусь. Если это так, то существует горстка людей, знающих о происходящем с воительницами, которые исчезают из Потустороннего мира. И они помогают злу. Помимо этих звуков в тюремных блоках царит жуткая тишина.

Здесь умирает надежда.

И тогда в голову мне приходит мысль, придающая смелости.

— Торговец, я хочу заключить сделку, — быстро проговариваю я.

Я жду, когда появится мерцание в воздухе, и Дес окажется здесь, в камере.

Секунда. Другая. И ещё.

Я так же одна в камере.

— Торговец, я хочу заключить сделку, — повторяю я.

Раньше он всегда приходил. Всегда. И после прошлой ночи я уверена, что он придёт; те

семь лет уже позади.

Я снова жду.

Ничего не происходит. Камера пуста. До ужаса пуста.

Вот теперь стоит признать, что Дес не может добраться до меня, или потому что не в силах — мысль, которую я отвергаю всеми фибрами души — либо что-то мешает. Например, магия. Настолько могущественная, что король фейри не может её обойти. И с этим мне теперь придётся бороться. Если я хочу выбраться отсюда живой, нужно выяснить, как это обойти.

Быть в плену... скучновато. Пугающе, но скучно. В основном из-за того, что я сижу в камере, размышляя о том, что со мной произойдёт, и как я вообще попала в тюрьму Потустороннего мира. К тому, кто тайно похищает женщин-фейри, преследуя какую-нибудь гнусную цель. Ход мыслей прерывается каждый час именно тогда, когда группа тюремщиков делает обход, проходя мимо моей камеры. Увидев их в первый раз, я поразились. Каждый выглядит как помесь животного и человека. У некоторых рыло вместо носа, у других лапы, вместо ног, и ещё усы, когти и клыки.

Для меня, как для человека, вид, конечно... обескураживающий. Но, опять же, на данный момент они мои враги, так что я немного предвзята.

Единственный раз, когда охранники отклоняются от почасового патруля, как сейчас, когда двое заносят женщину-фейри, держа за подмышки, обратно в камеру. Я прижимаю лицо к прутьям, вглядываясь в сутулые плечи, поникшую голову и прилизанные волосы, свисающие на лицо женщины, чьи босые ноги волочатся по земле. Я продолжаю смотреть, пока троица не исчезает из поля зрения, а шаги эхом раздаются по пещере.

Затем окидываю взглядом других заключённых. Большинство сидят или лежат неподвижно в камерах. Не думаю, что они мертвы, но и живыми не кажутся.

Ни живые, ни мёртвые.

И это же произойдёт со мной?

Я — не фейри-воительница, а та, кого фейри пренебрежительно зовут рабом. Человек. Справедливости ради, я — сверхъестественное существо, но, в конце концов, человек. Я здесь не более чем заключённая.

Так почему меня схватили?

Ответ прямо передо мной.

«Потому что ты что-то значишь для Короля Ночи».

Каким-то образом враги прознали об этом и похитили меня, чтобы добраться до него.

Я смотрю вниз на платье, стараясь не думать, что я его не надевала. В моём положении и так достаточно ужаса. Вечер блаженства, за которым последовало это. Я наслаждалась привилегиями второй половинки Короля Ночи в течение целого дня. А теперь это.

Вот оно, падение с высоты. В моём мире всегда так происходит. После стольких лет неудач, слишком смело для меня было думать, что с таким мужчиной, как Дес, у меня что-то будет. Он всегда был вне моей категории.

Мои мысли прервало эхо приближающихся шагов. Ещё один обход тюремщиков. Правда, на этот раз, они останавливаются перед камерой.

Железные кандалы звенят между щиколотками и запястьями, пока охранники, по бокам от меня, ведут меня прочь. Повязка, которую завязал один из тюремщиков, щекочет нос, отчего он теперь зудит.

Не перебор ли?

И я даже не могу быть этим польщённой. Вероятно, такова обычная процедура для заключённых. Могло быть и хуже. Если бы я была фейри, железные наручники не просто бы натирали, а обжигали кожу и истощали энергию.

Постепенно тихий гул исчезает, а воздух становится более свежим, хотя ещё затхлый и тяжёлый от запаха... животных.

Проходит ещё пять минут, прежде чем меня приводят в очередную комнату. Воздух здесь... зловещий.

Здесь происходит что-то плохое. Что случится и со мной.

Я пытаюсь не паниковать. Я потратила годы, убеждая себя, что никогда больше не стану жертвой, и всё впустую. Ни на одно создание мои чары не действуют, а без них я просто человек против могущественных фейри.

Охранники отпускают меня, и, судя по удаляющимся шагам, уходят. Несколькими секундами позднее двери открываются, затем мягко закрываются, и я вновь одна, закованная в кандалы со связанными глазами в комнате, пропахшей злом. И тут я осознаю, что слышу чьё-то дыхание.

Чёрт, я здесь совсем не одна. Паника нарастает.

— Единственная слабость Десмонда Флинна. — Глубокий, вибрирующий голос наполняет комнату, и я чувствую силу слов незнакомца. — И я заполучил её. — Сердце колотится, и с чем сильнее страх, тем ярче проявляется сирена. Я слышу звук тяжёлых шагов, приближающихся ко мне. Приходится сильно постараться, чтобы не попятиться. — Я и представить не смог, что великий Король Хаоса выберет себе в спутницы рабыню. — Мужчина останавливается прямо передо мной. Я дёргаюсь, когда чувствую его прикосновение на скуле, и отчего кожа уже наверняка светится. — Уж точно не такую, как ты. — Он проводит большим пальцем по моей нижней губе. — Люди здесь зовут тебя чаровницей. Но скажи, человек, можешь ли ты зачаровать меня?

Вместо ответа я отпихиваю его руку, гремя кандалами. Он тихо смеётся над этим, но затем вновь возвращается к прикосновениям к моему лицу.

— Прекрати меня трогать, — огрызаюсь я.

— О, миледи, разве вы не слышали? — Я ощущаю горячее дыхание рядом с ухом. — В этом я особенно хорош, — шепчет он.

Сирена во мне не может успокоиться.

«Он хочет чаровницу, так давай дадим ему её», — шепчет она. — «Заставим его до последней секунды думать, что мы послушны. Затем, мы будем стоять над его телом и смеяться, что он покончил с собой. Глупо встречаться с нами».

Сирену даже не заботит, что этого мужчину нельзя зачаровать. Нельзя, если он — фейри.

Он снимает с меня повязку, и я моргаю от яркого света. Первое, что замечаю, это оленьи рога на голове мужчин. Острые, громоздкие рога, которые добавляют примерно шестьдесят сантиметров к его и так немалому росту. Шёлковые каштановые волосы обрамляют загорелое лицо.

Мужчина из моих снов.

Суженные зрачки золотистых глаз расширяются, когда он осматривает меня.

— Ты — вполне красива, — говорит он. — Могу понять, почему Властелин Тайн выбрал тебя себе в пару. Но ты — ужасно слаба, — продолжает он. — Что за упущение. Он должен был лучше понимать.

— Кто ты? — спрашиваю я едва слышно.

— Где мои манеры?! — Он кланяется. — Меня зовут Карнон, я — Король Фауны, Властелин зверей, Король Дикое Сердце, Царь клыков и когтей.

Король Фауны? Безумный король?

Чёрт побери, это нехорошо.

Он выпрямляется, раскидывая руки и показывая на комнату.

— Добро пожаловать в моё царство.

Я осматриваю помещение — спальню, точнее. Везде лежат меха, а ещё, толстое дерево и мебель из слоновой кости; на каждой детали искусная резьба, хотя ни одна из них не впечатляет так, как поразительная спинка кровати. На дереве запечатлена сцена охоты, украшенная кусочками слоновой кости, перламутром, полудрагоценными камнями и частицами золота.

Кровать для короля.

Из всех комнат, он выбрал для встречи именно эту. Тоже плохо.

Я отрываю взгляд от массивной постели, чтобы взглянуть на Карнона, который, прищурившись, изучает меня с еле заметной улыбкой, а в его глазах танцуют бесенята. Он наклоняется ближе, едва не касаясь меня оленьими рогами.

— Я уже подобрал для тебя гроб. Особенный гроб для особой леди. Мы доставим тебя прямо к порогу твоей пары.

Он знает, что мы с Десом пара?

Пальцем Карнон поддевает ворот платья.

— Мне интересно, сломается ли он от вида любимой... почти мёртвой и держащей на руках ребёнка другого мужчины. Убьёт ли дитя? Оставит? Столько предположений... — Он проводит костяшками по моей груди, и я замечаю на сгибах запёкшуюся кровь. Я проглатываю ужас от этого вида. Пока Карнон был немного эксцентричным, но не сомневаюсь, что в любой момент может сорваться.

— Я никогда не был с человеческой женщиной, — продолжает он, уже тише. — В Царстве Фауны спать с рабыней — табу. Вы, земной скот, такой грязный. Но ты довольно мила на вид. — Он осматривает меня с головы до ног. — Да, достаточно мила. И я хочу увидеть остальную часть тебя.

Боже.

«Никто не обидит нас, как раньше», — обещает сирена. — «Он за это заплатит».

Король Фауны наклоняет голову.

— Может, нам начать прямо сейчас?

Прежде, чем я успеваю отреагировать, он хватает меня за челюсть, затем, глядя в глаза, наклоняется ближе и прижимается губами к моим. Но не целует. Напротив, он заставляет меня открыть рот, а затем выдыхает. Поток магии, со вкусом гнили, направляется прямо мне в горло. Я пытаюсь вырваться, но колени начинают подкашиваться. Он хватает меня за талию, удерживая, и продолжает вдыхать магию в меня. Я пытаюсь врезать ему в промежность, но из-за кандалов, ногу удаётся поднять лишь на несколько сантиметров. Карнон даже не замечает. А, закованные руки, были зажаты между нами.

Я полностью обездвижена.

С последним усилием, я отвожу назад голову и наношу Королю Фауны удар лбом в переносицу. Он пятится назад, держась за лоб. Карнон больше меня не держит, и я падаю. Он кривит губы в то, что могло бы быть улыбкой. Но я вижу лишь несколько клыков.

— Рабыня хочет немного подраться.

Я, пошатываясь, заставляю себя встать и кашляю от гадкой магии, которой он силой накормил меня.

— Что ты со мной сделал? — хрипло спрашиваю я.

Он склоняет голову в бок, окидывая меня странным взглядом и говорит:

— Жду с нетерпением, когда вновь увижу эту прелестную кожу. Охрана! — Даже зовя стражу, Карнон не сводит с меня взгляда. Два солдата спешат внутрь — один с перьями вместо волос, другой с когтями. — Мы закончили, — произносит Карнон.

У меня кружится голова, внутри полная дезориентация и я вновь качнулась. С каждой секундой я слабею. Со мной творится что-то неладное. Все такое медленно — мои движения, мысли. Солдаты резко надевают на меня повязку и, подхватив под руки, тащат обратно в камеру, где швыряют на койку в углу. Я едва ли это замечаю. Что бы ни было у меня в горле, оно скользит внутрь, превращая кровь в лёд.

Они даже не сняли повязку, а у меня на это нет сил.

Я начинаю проваливаться в темноту... Из головы исчезают мысли, окружение превращается в бесконечную, безвыходную черноту.

Задыхаюсь. Я задыхаюсь от магии. Она пульсирует прямо во лбу, заставляя напрягать мышцы и сжимая внутренности. Я просыпаюсь с криком, который эхом раздаётся в камере. Где-то вдалеке предупредительно рычит тюремщик.

Я сажусь, тяжело дыша, и дотрагиваюсь вспотевшей рукой до горла.

Всего лишь сон.

Удушающая тьма, извращённая магия, Карнон...

И переводя дух, я осознаю, что не сон. Я до сих пор чувствую на щеках хватку Карнона, его губы на своих, и коварную тьму, просочившуюся в вены.

Лицо покрывается потом, желудок сводит...

Я едва успеваю подлететь к «туалету» вовремя. Следующие несколько часов я только и делаю, что дрожу на койке, да опорожняю желудок.

В какой-то момент охранники проталкивают еду через люк, который находится у основания решётки. Но и прошлая порция всё ещё стоит не тронутой. В конечном счёте, болезненное ощущение рассеивается. Не совсем, но достаточно, чтобы двигаться. Живот урчит, и я встаю с кровати, направляясь к оловянной миске. Но лишь взглянув на размазную в ней, решаю поголодать. Я облакачиваюсь вспотевшим лбом о железные прутья и смотрю на приближающегося охранника. Он проходит мимо, и я провожаю его взглядом, замечая львиный хвост.

У всех ли фейри Фауны есть аспекты животных?

Охранник сбавляет шаг, кидая на меня ледяной взгляд.

— Не пялься на меня, рабыня.

Ох, как мне уже осточертело это слово.

— Миленький хвостик, мудила, — бубню я.

Он останавливается, а мне это и нужно, чтобы послать идиоту усмешку, взбесившую его. Он бьёт ладонями, затянутыми в перчатки, по решётке.

— Считай, тебе повезло, что у короля на тебя очень личные планы, — рычит он.

Я шире растягиваю ехидную улыбку. Взяв миску с пола, я плескаю жижу прямо ему в лицо.

— Пошёл ты, свинья.

Никогда бы прежде не подумала, что из меня выйдет плохая заключённая.

Около секунды охранник ничего не делает, лишь стоит, поражённый. Но затем рычит, как лев, обрушиваясь на прутья. Он пытается схватить меня, но я уворачиваюсь, игнорируя резкое головокружение.

— Ты — мерзкая, подлая рабыня, — орёт он. — Я мог бы убить тебя прямо сейчас. Прямо там, где ты стоишь.

По коже пробегает свечение, когда проявляется сирена.

— Убил бы меня? — издеваюсь я. — Почему бы тогда не зайти ко мне и не попробовать?

Он снова ревет. Потому что, видимо, ему и пальцем нельзя меня касаться. И не только потому, что, по словам Карнона, я его козырь перед Десом.

— Или испугался? — Я облакачиваюсь на стену. — Лев испугался маленькой женщины.

Он рычит и неистово колотит по решётке, пока другой солдат, с лошадиными ушами, не

оттаскивает его, окидывая меня взглядом, который, по его мнению, должен пугать. Но нет ничего страшнее ожидающей меня судьбы. Я смотрю им в след, радуясь, на этот раз, что сирена не боится никого и ничего. Животные могут чувствовать страх, а стражи наполовину звери. Не так уж сильно они отличаются от Илая, если уж на то пошло. Я сползаю по стене, откидывая на неё голову. Я истощена, а, кажется, ещё день не прошёл?

Это место быстро ломает любого.

Когда голоса охранников стихают, женщина из соседней камеры спрашивает:

— П-с-с, человек, ты в порядке?

— Ага, — слабо отзываюсь я. Кожа перестаёт мерцать, и вся сила, которая пришла с сиреной, исчезла, оставляя меня изнурённой.

— Ты очень смело поступила. Опрометчиво, правда, даже глупо, но весьма смело.

Я постаралась собрать силы для смеха. Из того немногого, что знаю о фейри, я поняла, что оскорбления, подразумевающие комплимент, видимо, их конёк.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я.

— Итериэль, — произносит она. — А тебя?

— Каллипсо.

— Ты тут новенькая, да?

— Ага, — выдыхаю я, прослеживая взглядом процарапанные метки.

— Сколько раз ты встречалась с Королём Фауны? — задаёт она вопрос снова после недолго затишья.

Видимо, не только я успела побывать на особом приёме.

— Всего один.

— О, так у тебя веселье только начинается, — говорит Итериэль.

Я слабо улыбаюсь на это. В этой тюрьме заключены фейри-воительницы. Самые крепкие из крепких женщин. Каким-то образом, я об этом позабыла и ассоциировала их с образами, спящих в стеклянных гробах, женщин, не думая, что они, возможно, боролись за свою жизнь не меньше моего. Но прямо сейчас, когда Итериэль посвящает меня во весь кошмар нашего ужасного положения, я вспоминаю.

— А сколько раз ты была? задаю вопрос я.

— Четыре, — следует её ответ. — Я не могу шевельнуть ни руками, ни ногами. Сперва, он лишает нас этого. Не хочет, чтобы возникали трудности.

— Через этот поцелуй? — спрашиваю я удивлённо. В конце концов, это был единственный раз, когда Карнон использовал магию. — Таков способ нас обездвигить? — Я начинаю шевелить пальцами рук и ног, пока говорю, убеждаясь, что с подвижностью у меня всё в порядке.

— Помимо всего прочего... — произносит она мрачно.

По спине побежали мурашки.

— Что это значит? — интересуюсь я.

Она пару мгновений молчит.

— Только не говори, что не чувствовала это... болезненное ощущение, проникающее в кости, как к себе домой.

Почувствовала, когда проснулась, но после того, как прочистила кишки, это ощущение исчезло. Сейчас же я просто чувствую слабость. Неимоверную.

— И затем, конечно же, все мы беременеем, — добавляет она. — Ты знаешь об этом?

— Знаю. Извини, что испортила момент неожиданности, — отвечаю я. — Но всё ещё не

теряю надежды, что это происходит по типу непорочного зачатия, — дополняю, уже без шуток.

— Непорочное зачатие? — с нотками веселья повторяет Итериэль. — Это было бы великолепно. Заключённые, по мановению волшебной палочки, залетают. — Она смеётся над собой. — Ты мне нравишься, человек.

— Я — сирена. — Не понимаю, к чему это пояснение. Возможно, так я не кажусь беспомощной среди всех этих воительниц.

— Сирена? — Она присвистывает. — А я-то думала, что Карнон не тронет тебя из-за того, что ты человек и всё такое. Без обид, — добавляет она. — В своё время я много человеческих женщин повидала, но эта привилегия лишь для особых фейри.

Я вспоминаю слова Карнона.

— Наслышана.

Мы ненадолго затихаем, вероятно, размышляя каждая о своей судьбе.

— Из какого ты царства? — наконец, спрашиваю я.

— Дня. — Она вздыхает. — Королевский гвардеец, ставший узником. Какая ирония.

Нет, не ирония, боль. Её история, понимание её и моей судеб.

— Так скажи, — продолжает она, — как человек попал в такую адскую дыру вместе с нами?

— Мне просто ужасно не повезло, — уклончиво отвечаю я и морщусь, прикрыв лицо руками.

Я слышу её грубоватый смех.

— Видимо, тут это очень заразное явление.

На моем лице появляется ещё одна небольшая улыбка. Кто же знал, что я быстро подружусь с воительницей, будучи заключённой?

Я рассеяно наблюдаю, как охранники патрулируют ряды камер. У большинства очевидные черты животных: усы, хвосты или копыта. Но есть и без очевидных признаков. Могут ли они быть фейри другого царства? Или даже людьми? Сердце начинает быстрее стучать от подобной возможности.

— Эй, Итериэль, можешь сделать мне одолжение? — спрашиваю я, изучая повара в форме, который развозит по камерам тележку с похлёбкой. Отсюда он выглядит, как человек, но сложно сказать точно.

— Чего хочешь, сирена?

Я посмотрела на человека в форме, который двигался вдоль камер.

— Можно ли на взгляд отличить человека от фейри?

— Почти всегда, — отвечает она. — А что?

Я не могу сдержаться, нарастающую внутри, волну восхищения.

— Ты видела тут людей?

— Хм-м, сложно сказать. Я намеренно не выискивала их.

Я продолжаю пялиться на повара. Хоть убей, но невозможно сказать прямо, кто он.

— А если увидишь, — растерянно протягиваю я, — дашь мне знать?

Если я смогу подчинить человека своей воле... то возможности будут бесконечными. Я хочу испытать силы прямо сейчас, но здоровая доза страха тормозит. Боюсь, что если я попробую зачаровать одного из парней, и ничего не выйдет, охранники не дадут попробовать ещё раз.

— Я не так много могу увидеть, но да, скажу. — Немного помолчав, она интересуется:

— Насчёт того, что может голос сирены, правда?

Я мрачно улыбаюсь.

— Да.

— Твоя идея, возможно, сведёт тебя в могилу.

— Ты можешь предложить альтернативу? — с грубым смехом говорю я.

И слышу хриплый смех Итериэль.

— Я была права. Глупая и смелая.

Мы обе замолкаем, когда несколько охранников приближаются к камере напротив. Один из них несёт два здоровых шеста на плече. У дальней стены камеры, на койке, лежит рыжеволосая женщина-фейри. Дверь камеры со скрежетом открывается. Охранники по очереди заходят, а тот, кто нёс шесты, раскладывает их. И тогда я понимаю, что таращусь не на шесты, как таковые, а на грязные носилки. Между этих шестов натянут, весь в пятнах, лоскут ткани.

Тюремщики берут женщину и опускают на эти грязные носилки, одновременно поднимают её и выносят. Я наблюдаю за ними, пока они не исчезают из вида

— Они уносят безжизненных, — говорит Итериэль, явно смотря туда же, куда и я.

Они парализовывают женщин.

— Останешься здесь подольше, — продолжает она, — и эта же участь ждёт тебя.

Я хмурюсь, хоть она и не видит этого. Все эти спящие женщины в королевстве Деса, парализованные бедняги... это не может быть совпадение.

А значит...

Думаю, я знаю, кто Похититель душ.

Карнон.

В этот раз, когда меня приводят в комнату Карнона, я уже знаю, чего ожидать. Злость в воздухе, молчание уходящих охранников, приближение Карнона. Мне вновь закрыли глаза повязкой, а руки и ноги сковали кандалами по прихоти чудовищного короля фейри. Однако когда он начинает говорить, в его голосе чувствуются какие-то изменения.

— Моя драгоценная пташка, они ослепили тебя, — с ужасом говорит он и секунду спустя разрывает когтями повязку, которая остаётся свисать клочьями на моей шее. — Прелестное создание, — продолжает Карнон шёпотом, осматривая меня. Его ноздри раздуваются, пока взгляд скользит ниже. — Человек... но нет. Создание небес и моря. — Он замирает, при взгляде на мои руки. — Ещё и в кандалах. Что за нелепость. Ты моя гостья.

Он, с шипением, разрывает железо, высвобождая запястья. Я пугаюсь от проявления такой силы. Хоть и предполагала, что он силен, но демонстрация совсем другое.

— Треклятый металл! — сплёвывает он, бросая кандалы на землю, Я слышу шипение обожжённой плоти, когда Карнон сжимает кулаки. Несмотря на боль, он опускается к моим лодыжкам и на них ломает кандалы, вновь вскрикнув от ожога.

То же испытывают и воительницы, нося кандалы?

Охранник просовывает голову в дверной проём.

— Ваше Величество...

— Вон! — кричит Карнон и дверь тут же захлопывается. — Эти стражи становятся слишком смелыми, входят и уходят без стука. Стоит наказать одного на виду всех... и вскоре, — шепчет он мне, не понимая полностью, что несёт. От его ладоней исходит дым.

Карнон, с блеском в глазах, рассеянным взглядом и расширенными зрачками, встаёт, а его рога довлеют над нами. Он обхватывает моё лицо, и я сразу же напрягаюсь. От его

обожжённых ладоней исходит тепло.

— Напуганная маленькая пташечка, тебе незачем бояться. — Он начинает гладить моё лицо. — Я всего лишь хочу успокоить тебя. Приласкать.

Тьфу. Ну да, безумный король же.

Карнон проводит ладонями по моим рукам, дойдя до локтей, замирает и возвращается.

— Какая чистая кожа, — произносит он. — Где характерные черты?

Эм, что?

Он кладёт руки мне на шею и исследует кожу.

— Твои жабры! — говорит он в ужасе. — Где они?

Я смотрю на него с опаской. Сегодня Карнон кажется добрее, но и безумнее.

Он разворачивает меня и втягивает воздух.

— Твои крылья! Кто обрезал их тебе?

Затем поворачивает меня к себе лицом, и снова я вижу безумие в глазах. Клыки, которые не могут скрыться за губами. Он впивается когтями в меня.

И тут я понимаю, что он ждёт ответа. Я моргаю несколько раз, ошеломлённая таким поведением.

— Никто мне их не обрезал. У меня их никогда не было. — «Ненормальный ушлёпок».

— Никогда не было? — Он встаёт за мной, заставляя напрячься, и прижимает ладони к лопаткам. — Нет, нет. — Он бессвязно мотает головой. — Они ещё дремлют. — И гладит кожу, отчего я начинаю нервно дрожать. — О, им ещё предстоит вырасти.

Я вообще не улавливаю ход его мыслей, не дано мне, понимать речь психов.

— Красивая птичка. Несчастливая. Моя птичка. Ты не похожа на остальных. Они пахнут деревьями и выжженной землёй. Некоторые холодны, как зимний мороз. Среди них нет зверей... сохраняю их для жертвоприношений. Необходимо добиться, необходимо добиться.

«Если бы прямо сейчас я решила сбежать, как далеко уйду?»

Он опускает руку на мою талию, и думаю, что мне всё равно, каковы шансы на побег. Я поворачиваюсь, выпуская на волю сирену. Карнон, с безумным блеском в глазах, смотрит на свечение моей кожи.

— Поразительное создание. В клетке, неспособная летать. Ты редчайшее...

Я ударяю коленом ему в промежность. Он издаёт приглушенный звук, складываясь пополам. Его проблема, что он считает меня безобидной. Я бегу к двери. Но сзади слышится какой-то шум, а секунду спустя, Карнон материализуется передо мной, блокируя путь к двери. Его глаза сверкают злом, а из горла рвётся угрожающий рык.

— Если убежишь, я последую за тобой, а затем сломаю, милая птичка.

— Держись подальше от меня, — говорю я. Голос приобретает неземное звучание.

Глаза Короля Фауны всё ещё мерцают, но я понимаю, что уже смотрю не на Карнона. Эти глаза... Я смотрю в пропасть, на дне которой обитает монстр.

В эти же глаза я смотрела вчера. Карнон приглаживает растрёпанную гриву и ведёт себя не как зверь, но и не как Карнон. Цивилизованно. Глаза пронизательны и взгляд, с искорками интереса, сфокусирован.

— Красивая рабыня. Мы встретились вновь.

Это... не тот, с кем я разговаривала минуту назад. Во мне уживаются два существа, поэтому различить поведение фейри мне не составляет труда.

Теперь Карнон изучает меня с самолюбивым выражением лица и голодом, заставляя беспокоиться. Карнон, которого я видела ранее, был сумасшедшим, непредсказуемым, с

животными повадками, но он не казался злым. Как сейчас. Я начинаю отходить, а он идёт следом. Этот мужчина — жестокий, яростный, беспощадный, тот тип, который лишь берёт, берёт и берёт.

Карнон сокращает между нами расстояние и хватает меня за запястье, задевая браслет.

— Что это? — Он перебирает пальцами бусины. — Ты будешь носить только то, что дам тебе я. — Говоря это, он сжимает и сильно дёргает браслет. Я издаю писк, когда бусины впиваются в кожу. Но браслет не рвётся. Нахмурившись, он пытается снова и снова. Зачарованное украшение держится крепко. Я бы насладилась его разочарованием, если бы только он не царапал мне руку. — Что за магия? — вопит он, наклоняясь ближе к бусинам, но вдруг одёргивает голову назад. — Ублюдок Арестиса, — рыком заканчивает он, высвобождая мою руку. — Охрана! — Стража входит в комнату. — Почему мне не сообщили, что на ней магия Десмонда?

Охранники, очевидно, сбитые с толку, посмотрели друг на друга. Они этого не знали. Видимо, годятся только, как грубая сила.

— Ваше В... величество, — начинает заикаться один, — мы не знали...

Карнон грозно делает шаг вперёд.

— Не знали? Вы слепые?

Он ждёт ответа. Стражи качают головами.

Пока эти трое разговаривают, я начинаю двигаться к двери. Сердце колотится всё быстрее и быстрее. У меня, возможно, всего один шанс на побег.

— Вы принесли сюда чуждую магию, — говорит Карнон. — По ней можно отследить браслет.

Отследить?

— Ваше Величество, мы не причастны к этому...

Но Король Фауны больше не слушает. Он ревёт, разрезая когтистой рукой воздух. В нескольких метрах кричат стражники, на их животах появляются четыре длинные рваные раны. Следы когтей. Карнон сделал это с помощью магии. Почти сразу же кровь и внутренности вываливаются из стражников.

Не теряя ни секунды, я бросаюсь к двери.

Но ничего не выходит.

Карнон хватает меня сзади, и разворачивает к себе, когтями проводя по коже.

— Мы не закончили, — шепчет он, затем хватает, сжимая до боли, меня за щёки, и вдыхает ещё больше магии.

Я умираю, моё тело гниёт изнутри.

Думаю, с последнего визита к Карнону прошёл день или два, но не уверена. Знаю лишь, что сейчас жизнь состоит из дрожи, тошноты и сна. Охранник, которого я прозвала Львиный Хвост, часто проходит мимо и стучит по решётке моей камеры, дразня. Кое-как я показываю ему средний палец, но понятия не имею, является ли это оскорбительным в Потустороннем мире. Вот только Львиный Хвост не бесится при виде его, как я на то надеялась.

— Эй, Каллипсо, — зовёт Итериэль. Я медленно поворачиваю голову на звук её голоса. — Сирена!

— Что? — слабо ворчу я.

— Перетащи свою постель сюда, — говорит она.

— Не знаю, смогу ли, — бормочу я.

— Я знаю, сможешь, — приказывает она, не проявляя ни капли жалости, слабым, но властным голосом. Ух, фейри-воины слишком упрямые.

Чтобы перетащить соломенный тюфяк уходит невероятно много времени, но, всё же, я справляюсь.

— Держись, сирена? Руки-ноги шевелятся?

— Ты спрашиваешь меня об этом, после того как заставила перетащить кровать?

Она хрипло смеётся.

— Заметь, я попросила вежливо. Даже не спорь.

Я кривлю губы.

Мы снова замолкаем. В моей голове вертелись мысли.

— Кандалы... — наконец, говорю я. — Не представляла, что они причиняют такую боль.

— Я переносила гораздо хуже.

Боже.

Через мгновение она добавляет.

— Мы наматываем ткань под оковы... так меньше боли.

Но всё же больно. Слушая её, я осознаю, что она говорит медленнее и невнятнее, словно тщательно подбирает слова. Она едва может шевелить губами.

— Ты в порядке, Итериэль.

Долгое время она не произносит ни слова.

— Всё пройдёт, — заявляет она. — У меня в голове туман. — Из того, что я успела узнать об Итериэль, могу смело заявлять, она — гордое создание и не признается, что с ней неладно. Она вздыхает. — Знаешь, хуже всего то, что моя жена увидит меня такой.

Я не утруждаюсь ответить. Что Дес сделал бы — если — я вернусь к нему в гробу?

— Она возьмёт себе маленького жуткого монстра, которого я рожу. Знаю, что возьмёт, потому что она добрая, глупая женщина.

— Ты их тоже видела? — спрашиваю я.

— Меня укусил один из них.

Меня передёргивает, когда я вспоминаю, как Дес говорил, что дети едва меня не покусали.

Дес.

Одна лишь мысль о нём сокрушает меня. Не знаю, увижу ли я его снова, обниму, поговорю ли с ним.

— Ты жената? — спрашиваю я, меняя тему и вынуждая себя затолкать мысли о Десе, из-за которых я становлюсь мягкотелой. А здесь такому не место. И если я хочу протянуть максимально долго, должна быть чертовски суровой, какой была в отсутствии Деса. Я слышу, как она устало выдыхает.

— Да, — отвечает она, а спустя момент добавляет: — Мы женились в Царстве Ночи. Технически наш брак не признан в Дневном Царстве, где не только отношения с людьми под запретом. Но технически, мне плевать на это.

Я улыбаюсь.

— Кстати, Каллипсо... — говорит она.

— Калли, — поправляю я.

— Калли, — повторяет она. — Я не видела в тюрьме людей... за исключением тебя, конечно.

Моё сердце падает к моим ногам. Я здесь уже несколько дней и с каждым становлюсь всё слабее, удобные моменты для побега текут мимо. Крутя браслет на запястье, я смотрю на него. Надежда не потеряна. Если я правильно поняла Карнона, Дес может отследить мою магию. Но если он мог, разве не появился бы уже здесь?

— Калли? — Итериэль прерывает мои мысли.

— Да?

— Волшебным образом здесь никого не оплодотворяют.

Сначала я не понимаю, о чём она говорит, но потом... Закрываю глаза. На то чего она не сказала. Воительница Итериэль парализована и бессильна остановить то, что происходит с ней.

— Карнон?

— Сам дьявол, — утверждает она.

У меня нет слов. Со мной случалось такое прежде, и есть вероятность, что это повторится. Можно подумать, что я найду слова утешения для храброй Итериэль, но нет.

Она прочищает горло.

— Просто подумала, что ты должна знать.

Я глотаю.

— Спасибо, что предупредила, — хрипло шепчу я. Но не уверена, что мне следует знать, что случилось с ней и что случится со мной. Иногда знания — сущее проклятье. И они не помогают.

И каким бы ядом Карнон меня не травил, организм его отвергал.

Я сжимаюсь в углу клетки, тело блестит от пота, и меня всю трясёт. По самым смелым предположениями, прошла практически неделя с того момента, как я оказалась здесь. У меня состоялось ещё две встречи с Королём Фауны, и каждый раз, когда моё тело отвергало

его ядовитую магию, он становился более и более расстроенным. Он ещё не тронул меня. Возможно, монстру не нравятся жертвы, которые сопротивляются. Хотя я сомневаюсь, что могу. Я слишком ослабла. Несмотря на жалкое состояние, его магия воздействует на меня иначе. В теле ужасное недомогание. Кажется, либо магия выполнит распоряжение Карнона, либо я перестану существовать. И пока магии не по силе приказ Карнона.

Я предполагала, что магия фейри влияет на всех людей. В конце концов, Торговец использовал же свою на мне. Но, возможно, это предположение ошибочно. Возможно, всё же есть пределы у магии. Возможно, сейчас быть человеком это хорошо. Хотя трудно назвать моё состояние хорошим. Я ничком лежу на тюфяке, платье на мне болтается. Теперь охранники без всякой борьбы несут меня к Карнону, который больше не разговаривает со мной. Если меня встречает злая версия Карнона, то быстро проворачивает своё дело. Если добрая, сумасшедшая версия — укачивает, неся чушь о крыльях и жабрах, клыках и чешуе.

— Итериэль? — зову я.

Тишина. И так уже несколько дней. Так или иначе, я начинаю разговаривать с ней, на всякий случай, если она вдруг ещё слышит меня, говорю ей первое, что приходит в голову. Но ни разу не упоминаю о том, что камнем лежит у меня на сердце...

«Я умру здесь».

День хер-знает-какой и шестая по счёту встреча с Карноном, который становится главной звездой моих кошмаров.

Когда мы приходим, охранники бесцеремонно бросают меня на землю и отступают. Тихо застонав, я приподнимаюсь и касаюсь повязки на глазах. В последнее время охранники прекратили сковывать меня. А смысл? Я слишком слаба, чтобы убежать.

Сняв повязку с глаз, я моргаю от яркого света. Но затем, осмотревшись, застываю на месте. Первое, что замечаю, я не в спальне Карнона. По полу разбросаны, опавшие листья, а тонкие, сухие лозы покрывают почти все стены и потолок. Они даже обвивают люстру, сделанную из рогов и висящую высоко надо мной. Заброшенная комната выглядела так, словно по ней прошёлся торнадо. Ненормальная комната для сумасшедшего короля.

Я смотрю на помост у противоположной стены. В центре его стоит массивный трон, сделанный полностью из костей. А на троне восседает Карнон, оценивающе на меня смотря.

— Драгоценная пташка, — говорит он, — ты умираешь.

Он встаёт, и от такого простого действия, холодок бежит по спине. Сегодняшняя встреча будет разительно отличаться от других. Его шаги эхом разносятся по комнате, сплетаясь с хрустом листвы, когда он спускается по лестнице. Я смотрю ему в глаза и вижу в них отчима. Не свойственная человеку животная похоть. Вспыльчивый темперамент, который взрывается при малейшем поводе.

Карнон останавливается менее чем в футах от меня. В этой комнате только мы вдвоём, все охранники, помощники и советники, которые работали здесь, ушли. Он опускается на колени рядом, а я пытаюсь отползти, но тело меня не слушает. Я хочу кричать от разочарования, потому что давным-давно поклялся больше никогда не стать жертвой. И вот она я, бессильна перед волей безумного короля.

Он начинает гладить меня по волосам.

— Какая красивая, красивая птичка. Жаль, что ты не можешь летать, заперта в клетке тела. — Затем обхватывает моё лицо ладонями. — Ты умираешь, потому что животное внутри тебя задыхается.

Верно, именно поэтому.

— Я умираю, потому что ты травишь меня, — говорю я.

Он смотрит на меня задумчивым взглядом, и могу заявить точно, что мои слова проигнорированы. Он снова начинает гладить мои волосы.

— Как может существо выжить, когда у него нет жабр, чтобы дышать или крыльев, чтобы летать?

Когда я не отвечаю, он смотрит на меня так, будто молчанием я поддерживаю его точку зрения, а затем перемещает руку от волос мне на спину. Я стараюсь скинуть его руки, но слишком слаба. Плохо.

— Сладкое создание, — говорит он, поглаживая по спине, — не волнуйся. — Он наклоняется к моему уху. — Сегодня я освобожу тебя.

Я оборачиваюсь и смотрю ему в глаза. Проходит несколько секунд, и Карнон начинает дрожать. Дрожь, сплетаясь со всей его магией, передаётся мне по рукам, которые он всё ещё прижимает к моей спине. Поток обрушивается на меня, спускаясь по коже и врезаясь, словно товарный поезд, в кости. Ударная волна магии сотрясает стены тронного зала. Затем

обрушивается боль невыносимая и острая, я никогда в жизни такую не переживала. Моя сирена восстаёт в ответ на боль. Я открываю рот, глаза закатываются, и я кричу, кричу от агонии, которая рвёт меня на части. Тело, словно разрывается, кости ломаются, мышцы рвутся, а кожу сдирают живьём.

Бесконечная и непостижимая сила Карнона прижимает меня к земле. Я беспомощна под ним и его хваткой, которую не могу стряхнуть.

Король Фауны хрипло смеётся, его смех напоминает раскат грома вдалеке.

— Моя красивая птичка поёт от боли. — Он давит мне на спину. — Сирена, — кричит он, — выйди!

Ещё одна волна силы бьёт меня. Крики, сливаясь в единый звук, стали выше на децибел. Я чувствую, что рёбра и спина ломаются. Во мне нет ни мышц, ни костей. Всё раздроблено магией Карнона.

— Да! — кричит сумасшедший. — Ещё!

Тело, кажется, сгибается пополам, когда очередная волна магии проходит сквозь него, опалая, словно огнём. А спина!.. Спину просто рвёт на мелкие части! Должно быть, там сосредоточилась вся боль.

Карнон убирает руки, но мучительная сила, вливающаяся в меня, не угасает. Во всяком случае, становится лишь хуже. Потому что сила меняет направление, теперь она не вливается, а рвётся наружу. Волосы прилипли к лицу, когда задыхаясь, я горблюсь.

— Ещё! — кричит Карнон.

Меня выворачивает наизнанку, словно мне тесно в своей коже. Я поднимаюсь и опускаюсь снова и снова, едва выдерживая агонию.

— Ещё!

Мои крики пропитаны болью, а магия продолжает бить изнутри.

— ЕЩЁ!

Внезапно мои крики стихают, и вырывается магия. Кожа на спине вдоль позвоночника трескается, и я слышу влажный, хлюпающий звук. А потом... чувствую их. Два липких, мокрых выступа вырываются из изодранной плоти.

Затем, наконец, магия стихает, а я, дрожа, падаю на пол. Везде кровь.

— Да! Моя прекрасная птичка, ты свободна! — радостно говорит Карнон.

Я не могу двигаться. Сил не осталось. Лёжа на полу, я рассматриваю руки. Там где когда-то были ногти, теперь появились черные острые когти. А предплечья... тонкие, полупрозрачные чешуйки покрывают их, и где они не перепачканы кровью, сверкают золотом.

До меня с трудом доходит, что вижу.

И в этот момент что-то мелькает за плечом. Что-то тёмное, окровавленное... И на спине странная тяжесть...

Сирена что-то мне нащёптывает, а мир идёт кругом.

«Я могущественна».

«Я само возмездие».

«Я свободная».

Карнон подходит ко мне, берёт то тёмное, окровавленное что-то позади меня и растягивает. Я чувствую, как мышцы тянуться, словно я вытягиваю руки.

Но мои руки прямо передо мной...

Я ещё раз бросаю взгляд на это что-то тёмное. И понимаю.

Крылья.

У меня выросли крылья.

При виде них я снова падаю на пол. Должно быть, это плохой сон.

Когти, чешуя, крылья. Теперь я больше животное, чем женщина.

— Тебе нравится? — дразнит Карнон.

Я прижимаюсь лбом к мраморному, залитому кровью, полу. Не могу вынести этого зрелища.

Далеко позади, кто-то стучит в двери, так, что дерево дрожит под силой ударов. Если бы у меня осталась хоть капля энергии, я бы подскочила.

Но я просто лежу.

В двери продолжают стучать. А Карнон выпускает из рук крылья, и они с влажным шлепком падают по обе стороны от меня. И, судя по удаляющимся шагам, он отходит.

БУМ!

Двери слетают с петель, щепки летят во все стороны, и падают на пол тронного зала, удар сотрясает стены.

Я чувствую его до того, как слышу стон муки.

Дес.

Он нашёл меня. Счастье слабой волной разливается в измученном теле.

Тени, дымом окружают меня, и я кидаю на них усталый взгляд.

— Вот ты, наконец, и добрался до своей пары, — говорит Карнон. — Много времени же у тебя это заняло.

Воздух движется и через мгновение около меня приседает Дес. Я чувствую, как его рука скользит по чувствительной плоти моих крыльев.

— Прости меня, ангелочек, — шепчет он сломленным голосом. — Он заплатит.

Я начинаю дрожать.

— Скажи, теперь тебе нравится твоя возлюбленная? — насмешливо спрашивает Карнон. — Она стала лучше, нет?

Я вновь окидываю себя взглядом: золотистые чешуйки, острые когти... крылья.

Внезапно, я не могу смотреть на Деса. Я уродлива. Больше не женщина.

Убрав от меня руки, Дес встаёт. Атмосфера в комнате становится зловещей. Я поворачиваю голову и вижу, как Торговец направляется в Карнону.

— Ты ведь в курсе, что нарушаешь самый священный закон гостеприимства и собираешься, напасть на короля в его собственном замке, — отступая, говорит Карнон.

Торговец не удосуживается ответить. Он само воплощение ярости. Я вижу, как она струится под его кожей, горит в глазах. Это бездонная чёрная дыра, напоминающая холодный взгляд Карнона... Но Дес, по-прежнему, спокоен. Вся эта ярость заключена в нём, придавая ещё более угрожающий вид.

— Никогда бы не подумал, что придёшь за рабом. Но слабость притягивает слабость... — насмехается Карнон, пытаясь вывести из себя Деса, хотя продолжает пятиться. Никакой реакции. Торговец продолжает наступать с той же спокойной, змеевидной яростью и решительным выражением лица.

— Хотя я наслаждался её стонами...

И по-прежнему Дес не реагирует. Карнон рычит, явно теряя терпение. Внезапно, он ударяет рукой по воздуху. Я чувствую прикосновение магии, и слишком поздно издаю тихий

крик, вспоминая тех стражей, которых Карнон несколько дней назад выпотрошил. Дес даже не пытается заблокировать атаку. Я вижу, как ткань и кожа рвутся и на животе появляются четыре кровоточащих следа когтей.

— Нет, — тихо вскрикнув, я начинаю ползти по полу.

Лицо Деса по-прежнему представляет собой маску ярости. Я вижу, как его раны исцеляются, и чувствую, как магия увеличивается, сгущаясь в воздухе.

Дес сама тьма. Она сгущается вокруг него, погружая комнату во мрак. Понемногу тени вытесняют свет. Такого зловещего Деса я ещё никогда не видела. Даже Карнон выглядит обеспокоенным и всё отступает. Тени движутся, скрывая меня и все остальное под своим саваном, пока комната не тонет полностью во мраке.

— Думаешь, я не вижу в темноте? — говорит Карнон.

Тишина.

Затем:

— Я и есть тьма.

Сила Деса взрывается в зале, откидывая ударной волной мои волосы назад.

И я думала, что Карнон был ужасающим? Он и рядом не стоит с яростью и сокрушающей магией, которая движется по мне. Тёплая жидкость брызгает мне на лицо и волосы. Я чувствую медный привкус на губах.

Кровь.

Чья?

С оглушительным грохотом стены и потолок разлетаются на куски мрамора и гипса, распространяющиеся на все четыре стороны. По сути, здание просто испаряется.

А затем всё стихает.

И когда тьма отступает, под сумеречным звёздным небом я вижу... мясо. Мясо и части костей по всей комнате.

Это всё, что осталось от Карнона.

Среди обломков, на коленях, стоит Дес. На нём нет и пятнышка крови. Кроме порванных, окровавленных краёв одежды, он выглядит совершенно нетронутым. Я смотрю по сторонам. Должно быть, когда-то это был великий замок, но теперь остался лишь фундамент и кое-какая мебель. А за стенами замка стоят тёмные вечнозелёные деревья.

Дес разнёс замок, и при виде всего этого меня трясёт. Торговец поднимает голову и пристально смотрит на меня.

— Короля Фауны больше нет.

Затем подходит ко мне и берёт на руки. Я громко стенаю. Всё болит, волосы, зубы, кости, пальцы... и особенно сердце. — Всё хорошо, ангелочек, всё хорошо.

Издав хрип, я прячу лицо на груди Деса. Нет, не хорошо. Я чувствую, как кончики крыльев волочатся по земле. На моей коже тусклая чешуя, а на руках когти.

Уродлива.

Столь же отвратительна, как и мои тюремщики. И теперь это станет вечным напоминанием. И лишь растерянность умеряет отвращение. Я изо всех сил стараюсь остаться в сознании. Дес обеспокоено смотрит на меня.

— Оставайся со мной, любовь моя. — Я пытаюсь не закрыть глаза. — Умница, — говорит он, глядя мои волосы. — Мы отправляемся домой.

Его лицо искажает дикая боль.

Ему больно даже смотреть на меня.

Наверное, было лучше, когда его не было в моей жизни. Тогда, лишь с этой болью я жила. А теперь, каждый его взгляд — удар под дых. Я чувствую, как крылья напрягаются и готовы раскрыться в ответ на беспокойство.

— Тише, любимая, — говорит Дес.

Медленно я расслабляюсь, и крылья снова безвольно опадают.

Дес сгибает колени, и через минуту мы взмываем в небо. Я смотрю на звёзды, красивые, одинокие звёзды, и тело покидают последние силы. Я закрываю глаза.

— Калли...

Но даже голос Деса не вытягивает меня из тьмы.

Я просыпаюсь от того, что кто-то ласково гладит меня по спине

Устало моргнув, я разлепляю веки и не сразу понимаю, где нахожусь. Пока не замечаю бронзовые бра и арку в Марокканском стиле.

Комната Деса. Я лежу на животе среди простыней его кровати.

Почему на животе? Я никогда не сплю на животе.

— Ангелочек, ты проснулась. — Мягкий голос Торговца вызывает мурашки.

Я смущённо улыбаюсь.

Тюрьма Карнона, мои изменения.

Изменения.

Потянувшись за спину, я пальцами касаюсь перьев и еле сдерживаю крик.

Это был не сон.

— Они... прекрасны, — говорит Дес, глядя их рукой. Под его прикосновением крылья движутся, перья тихо шуршат.

Я закрываю глаза.

— Не надо, — возражаю я хриплым голосом.

Не хочу слышать, насколько они красивы, потому что появились по вине безумного. Психопата, который бы просто посмеялся, если бы я умерла во время метаморфоз. Тот самый монстр, который насилует тысячи женщин.

Я была готова умереть. Даже была готова жить в состоянии анабиоза.

Но не готова к такому.

Знаю, это не самая плохая судьба, но почему-то мне так не кажется. Теперь я больше похожа на фейри Царства Фауны. На своих похитителей. Мучителей. И каждый раз, смотря на себя, я вижу напоминание о плене.

— Не надо что? — говорит Дес. — Прикасаюсь к тебе? Говорить комплименты?

— И то, и другое, — говорю я, открыв глаза и с ужасом окидывая себя взглядом.

Я пытаюсь подняться и сесть, но с тошнотой вновь отмечаю золотистые чешуйки, покрывающие дрожащие руки. Я алчу вырвать их одну за другой.

Как только сажусь, чувствую тяжесть на спине. Эти крылья слишком громоздкие, а кости слишком тонкие.

Я не могу сесть в кровати.

Чувствую, как слёзы разочарования застилают глаза, и вновь ложусь на живот.

Такая слабая.

Спустя минуту Дес подхватывает меня и несёт, но выглядит так, словно именно он и тонет. Крылья волочатся за мной по полу. Перья черные, но при свете переливаются радужным блеском.

Они красивые, и я ещё больше их ненавижу.

— Мы справимся, — клянётся он, — точно так же, как и в прошлый раз. Мы делали это раньше. Сможем и снова.

— Не знаю, смогу ли, — надломленным голосом, отвечаю я.

Дес ставит меня на ноги около зеркала.

— Скажи, что ты видишь, — говорит он.

Я хмурюсь на него, потом — с неохотой — смотрю на отражение. Не хочу видеть, что

теперь я больше похожа на монстра, чем на человека. Но бросив взгляд на лицо, понимаю, что оно совсем не изменилось. Забыв, что Дес стоит рядом, я прикасаюсь к щеке. Я думала, что возможно... возможно, не узнаю себя в зеркале. Что действительно стала чудовищем. Но это не так.

Я перевожу взгляд на руку и долго смотрю на острые когти, а затем на пальцы. По-прежнему, как у человека. На самом деле, если спилить когти, то кроме чёрного цвета, они бы выглядели, обычными.

На предплечьях блеском переливаются чешуйки, тянутся от запястья до сгиба локтя, несколько рядов есть на плечах, но шея, грудь и лицо чистые. Я задираю подол платья, чтобы взглянуть на ноги. На них тоже нет ни единой чешуйки. Мои ноги, по-прежнему, как у человека и никаких когтей. Теперь я понимаю, что тело у меня всё то же, и сама я та же женщина, только с некоторыми изменениями. И хотя на эти больно смотреть, я всё же не монстр. На самом деле я немного похожа на феяри.

— Что ты видишь? — повторяет Дес вопрос.

— Я вижу — Калли, — нервно сглотнув, отвечаю я.

— Как и я. — Он наклоняется к моему уху. — Ангелочек, такие как мы не жертвы, мы чей-то ночной кошмар.

«Я не жертва».

«Я не жертва».

Как я могла забыть про это, едва не поддавшись унынию?

«Я не жертва».

Здесь, в Потустороннем мире, я потеряла самое мощное оружие... свои чары. Но обрела когти и крылья.

Я смотрю на Деса.

— Научи меня снова быть чьим-то кошмаром.

Я должна снова почувствовать опасность, могущество, всё то, что растеряла.

На лице у Десмонда появляется намёк на коварную улыбку, и ужасающие тени окутывают нас.

— С превеликим удовольствием, любимая.

* * *

Я стою в одном из переоборудованных складов Царства Ночи, глядя на множество спящих воительниц. Тысячи воительниц.

Убийство Карнона должно было освободить женщин от воздействия его тёмной магии.

Но нет.

И теперь здесь лежат гораздо больше женщин, которых обнаружили в подземельях замка Карнона. Когда-то полупустой склад теперь заставлен гробами. И женщины, лежащие в них, беременны. Никто не знает, когда — или если — они родят.

Другие Царства так же вернули своих стражей из недр тюрьмы Карнона своих. Там были воительницы и Царства Дня и Флоры, и, что больше всего вызвало вопросы, Фауны. Карнон не щадил даже своих женщин-воинов.

Я не могу этого понять.

А ещё стоит вопрос о мужчинах-воинах, которые пропали. И по поводу пленниц, как Итериэль, которые оправляются от тяжёлого испытания, выпавшего на их долю. И пленников, которые до сих пор жалуются, что внутри них растёт тёмная магия.

Ничего не решено.

Я провожу рукой по крышке гроба, царапая её когтями.

— Очнись, — шепчу я, чары наполняю голос. Даже если спящие женщины слышат, всё равно не повинуются.

Я вроде как жду, когда зазвучат призрачные голоса. Но тишина. По-прежнему звенящая тишина.

Дым и тени окутывают меня и через мгновение из них формируются руки.

— Ангелочек, — шепчет на ухо Дес, нежно сжимая меня.

От звука его голоса мои крылья трепещут у его груди.

Я не удивлена, что он нашёл меня. Он — Торговец, Властелин Тайн, Повелитель Теней и Король Ночи. Он поворачивает мою голову к себе.

Я закрываю глаза и сглатываю. Мне приятно, когда Торговец прикасается ко мне, несмотря на то, что Карнон изо дня в день делал то же самое. Потому что с Десом всё по-другому. Всегда было. И всегда будет.

— Я проснулся, а тебе рядом нет, — говорит он.

Я понимаю, о чём он умалчивает. Он испугался, что снова меня потерял.

— Я должна была увидеть их, — еле слышно произношу я.

Я должна была увидеть женщин, которым повезло меньше, чем мне. Тех, кто не смог вырваться из лап Карнона даже после его смерти. Я оглядываю комнату, и тиски боли сдавливают сердце. Если бы я не была человеком, возможно, сейчас лежала бы среди них. Я бы не дышала, сердце не билось, а тело было не живым. Но и не мёртвым. Ждущим, застывшим где-то посередине.

«Он придёт за тобой».

По коже бегут мурашки.

— Ещё ничего не кончено, — шепчу я, нутром чуя, что это так. Мы просто нанесли первый удар.

— Пусть наши враги придут, — говорит Дес, чей шелковистый голос звучит смертельно опасно. — Я высеку их имена на лезвие клинка, и месть моей сирены прибавит сил.

Я поворачиваюсь к Десу лицом, его белокурые волосы зачёсаны назад под корону. Татуировки и военные манжеты скрыты под нарядом фейри, но даже так, с опасным блеском в глазах и громадными крыльями, которые он не убирал с ночи, когда убил Карнона. Дес кладёт ладони мне на щёки.

— Пусть приходят, и я убью их всех. Пока ты рядом, ангелочек, мне есть за что сражаться.

Мои физические изменения не затмили чувств Деса. Даже, похоже... что ему нравятся эти перемены во мне. Это, казалось, самое удивительное в случившемся с Карноном. И каждый раз, когда Дес с обожанием смотрит на мои крылья, когти, чешуйки, я смиряюсь с ними всё больше. И любовь к моей паре крепчает.

Этот мужчина так много раз спасал меня. Забрал из мучительной тьмы в свою, в которой ждал целых семь лет. Мужчина, который вопреки всему моя вторая половинка. Я наклоняюсь и оставляю поцелуй на его губах.

— Я всегда буду с тобой, — обещаю я, — пока тьма не умрёт.

КОНЕЦ КНИГИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Зеленый человек (в кельтской мифологии Бог Природы (Бог весны и лета, Властелин животных)).

Джюльярдская школа (англ. Juilliard School) — одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства и музыки. Расположена в нью-йоркском Линкольн-центре.

лотарингский открытый пирог с мясной начинкой

небольшие кукурузные или пшеничные лепёшки с различной начинкой, свёрнутые в трубочки и обжаренные во фритюре

Макарони (фр. macaron) — французское кондитерское изделие из яичных белков, сахара и молотого миндаля. Обычно делается в форме печенья; между двумя слоями кладут крем или варенье

Китайская лапша с курицей

Гринч — вредный, ворчливый, пещерный зеленый монстр из сказки американского детского писателя Доктора Сьюза, «Как Гринч украл Рождество».